Алистер Маклин

КОГДА ПРОБЬЕТ ВОСЕМЬ СКЛЯНОК...

Зарубежный морской детектив

Алистер МАКЛИН

КОГДА ПРОБЬЕТ ВОСЕМЬ СКЛЯНОК...

Зарубежный морской детектив

Перевод с английского В. Исхакова

Москва

Приложение к журналу «Морской флот»

1990

Глава первая

ПОНЕДЕЛЬНИК, СУМЕРКИ — ВТОРНИК, 3 ЧАСА УТРА

Кольт «Миротворец» до сих пор не снят с производства, и в его конструкцию не внесено никаких изменений за целое столетие. Купите его сегодня, и он окажется точной копией того, каким владел Уайят Ирп в бытность свою шерифом в Додж-Сити. Это самый старый и, вне всяких сомнений, самый знаменитый револьвер в мире. И если можно считать достоинством эффективность в производстве калек и трупов — несомненно самый лучший. Правда, непросто превзойти при помощи «Миротворца» его достойных соперников — таких, как люгер или маузер; зато их небольшая летящая с огромной скоростью пуля, одетая в стальную оболочку, пройдя сквозь ваше тело, оставляет в нем небольшое аккуратное отверстие и остаток энергии бесцельно растрачивает где-то в пространстве, а вот большая, с мягким свинцовым наконечником пуля кольта застревает в разрушаемых ею тканях, костях и мускулах и всю свою энергию обрушивает на вас.

После того, как пуля «Миротворца» пробьет вам, например, ногу, вы не спрячетесь в убежище, где можно скрутить одной рукой сигарету, прикурить, а потом изящно влепить сопернику пулю меж глаз. Когда пуля «Миротворца» пробьет вашу ногу, вы свалитесь наземь без сознания, и даже если выживете после артериального кровотечения и шока, то уж ходить без помощи костылей не сможете никогда, потому что хирурги единодушно решат отнять вашу ногу.

Вот потому-то я стоял не двигаясь, бездыханный, видя, что ствол оружия, способного навести на такие мрачные мысли, направлен в мое правое бедро.

Еще кое-что о «Миротворце»: поскольку его полуавтоматический спусковой механизм срабатывает при значительном усилии, для меткой стрельбы из него нужна крепкая рука. Но и здесь у меня не было никаких иллюзий. Рука, которая держала револьвер, опираясь локтем на стол радиста, казалась самой крепкой, какую мне случалось видеть. Радиорубка была освещена слабо: реостат настольной лампы выведен, лишь тусклый желтый круг света падает на исцарапанный металл стола, вырывая из темноты часть руки до манжеты. Но уж эта часть видна хорошо. Каменнокрепкая кисть — револьвер не был бы более недвижим в мраморной руке статуи. Вне круга света я наполовину видел, наполовину угадывал темный силуэт фигуры, прислонившейся к переборке,— голова слегка склонена к плечу, белки немигающих глаз блестят из-под козырька фуражки. Мои глаза вернулись к руке. Ствол кольта не сместился ни на долю градуса. Бессознательно я уже готовил правую ногу к неминуемому удару. С точки зрения обороны это было столь же полезно, как пытаться заслониться от пули щитом из газеты. Мне оставалось лишь роптать на господа бога, который не натолкнул полковника Сэма Кольта на изобретение чего-нибудь более полезного — вроде английской булавки.

Очень медленно, очень осторожно я поднял руки — ладонями вперед — вровень с плечами. Эта нарочитая медлительность должна была исключить всякие подозрения в том, что я способен на такую глупость, как сопротивление, даже у самого нервного человека. Возможно, это была уже излишняя перестраховка — похоже, что у человека с пистолетом нервов не было вообще. Так же, как у меня, не было и мысли о сопротивлении. Солнце уже зашло, но слабые красные отсветы заката еще проглядывали над горизонтом на северо-западе, так что мой силуэт четко прорисовывался в проеме двери. И этот парень за пультом, возможно, вторую руку держал на движке реостата и в любой момент мог высветить меня в полный рост. И еще этот револьвер... Нет, конечно, я мог попытать судьбу. Мог ринуться навстречу опасности. Но не хотелось изображать из себя клинического идиота и самоубийцу. Я поднял руки еще на пару дюймов и постарался при этом выглядеть как можно миролюбивее и добродушнее. Лучше обойтись без излишнего героизма.

Человек с револьвером ничего не сказал на это. Он выглядел совершенно спокойным. Теперь я различал блеск его зубов. Глаза смотрели не мигая. В этой улыбке, в голове, склоненной к плечу, в непринужденности позы — во всем было ощущение угрозы, угрозы тягостной, почти осязаемой. Было что-то ужасное, что-то пугающее неестественное и ненормальное в неподвижности этого типа, в его молчании, в этой хладнокровной, безразличной игре в кошки-мышки. Смерть была готова ворваться, запустить костлявую лапу в крохотную радиорубку. Несмотря на двух предков-шотландцев, я не верю в предчувствия, рок, обреченность, а к телепатии столь же способен, как куча железного лома. Но я чуял запах смерти в воздухе.

— Мне кажется, мы оба совершаем ошибку,— сказал я.— Во всяком случае — вы. Может быть, мы с вами на одной стороне.

Слова с трудом продирались через пересохшее горло, язык едва ворочался, но прозвучало это так, как я хотел — неторопливо, спокойно, правдоподобно. Возможно, он излишне недоверчив. Что ж, попробуем ему понравиться. Ничего. Жизнь продолжается.

Я кивнул на табурет, стоящий перед пультом:

— Сегодня у меня был трудный денек. Ничего, если мы поговорим сидя? Я буду держать руки вверх, обещаю.

Никакой реакции. Блеск глаз и зубов, свободная поза и железный револьвер в железной руке. Я почувствовал, что мои собственные руки пытаются сжаться в кулаки, и заставил их расслабиться; но я ничего не мог поделать с растущим во мне гневом, который родился в первую же минуту.

Я улыбнулся, надеясь, что делаю это достаточно дружелюбно и безобидно, и медленно двинулся к табурету. Я все время смотрел на этого парня, сердечная улыбка свела мне скулы до боли, руки сами собой поднялись еще выше. Из «Миротворца» можно уложить быка с шестидесяти ярдов, бог знает во что он превратит меня! Я старался даже не думать об этом — у меня лишь две ноги, и мне нужны обе.

И я сделал это, и ноги остались при мне. Я сел, по-прежнему держа руки вверх, и лишь тогда снова вздохнул. Оказывается, я затаил дыхание, не заметив этого, потому что на уме было совсем иное — костыли, смертельное кровотечение и прочие прелести, рожденные разыгравшимся воображением.

А кольт был все время так же неподвижен. Мушка не последовала за мной, когда я пересекал рубку, она упрямо смотрела в точку, где я стоял десять секунд назад.

Я довольно быстро двинулся к этому револьверу — хотя назвать мое движение стремительным броском было бы преувеличением. Я вообще двигаюсь не слишком быстро, хотя и не достиг еще преклонного возраста, как полагает мой шеф, поручающий мне самую неблагодарную работу — считается, что она удается лишь благодаря тому, что я не спешу.

Питаюсь я хорошо, занимаюсь спортом, и даже если все страховые компании мира устроят медосмотр, их доктора дадут мне еще несколько лет жизни, но все-таки вырвать этот револьвер я не смог. Рука, похожая на мраморную, оказалась мраморной и на ощупь, только еще холоднее. Недаром я ощущал запах смерти — только костлявая не бродила вокруг да около с косой наготове, она сделала свое дело и ушла, оставив безжизненное тело за пультом. Я выпрямился, убедился, что шторки на иллюминаторах задернуты, бесшумно запер дверь и включил верхний свет.

В старых детективах о типичных английских убийствах редко возникают сомнения в том, когда именно наступила смерть. После поверхностного осмотра и изрядной доли псевдомедицинских манипуляций добрый старый доктор отпускает запястье трупа и говорит: «Смерть последовала вчера в 23.57...» или что-то в этом роде. Серьезный доктор из современного криминального романа сталкивается с большими трудностями. Вес, сложение, температура окружающей среды, причина смерти — все это столь сильно влияет на степень остывания трупа, что время убийства может лежать в пределах нескольких часов.

Я вообще не доктор, уж тем более — не серьезный доктор, и все, что я мог

сказать о человеке за пультом, это то, что он умер достаточно давно, чтобы трупное окоченение охватило его, и не настолько давно, чтобы оно вновь исчезло. Он закоченел, словно человек, замерзший насмерть зимой в Сибири. Он был мертв уже несколько часов. Сколько именно, я не имел понятия.

На рукаве у него было четыре золотых нашивки — значит, это был капитан. Капитан в радиорубке. Приходилось изредка видеть капитанов в радиорубке, но за пультом — никогда. Он сидел сгорбившись, склонив голову набок, опираясь затылком на китель, свисающий с крючка, ввинченного в переборку, а щекой — о стенку рубки. Трупное окоченение удерживало его еще в этой позе, но раньше, когда оно еще не наступило, он должен был упасть на пол или сползти вперед, на стол.

Не было никаких внешних признаков насилия, но поскольку было бы явной натяжкой предполагать, что он умер естественной смертью, что это от нее он пытался защититься своим «Миротворцем», я решил присмотреться внимательнее. Попробовал сдвинуть тело с кресла, но оно не поддавалось. Я потянул сильнее — послышался треск рвущейся материи, тело неожиданно распрямилось и упало на стол левым боком, а правая рука с зажатым в ней револьвером описала в воздухе дугу.

Теперь я узнал, как он умер,— и почему не упал до сих пор. Он был убит оружием, которое пронзило позвоночник, и рукоять этого оружия зацепилась за карман кителя, висевшего на переборке, и удерживало тело.

По роду своей деятельности мне часто приходилось наблюдать людей, расставшихся с жизнью не по своей воле, но я впервые видел человека, убитого стамеской. Плотницкой стамеской с лезвием полудюймовой ширины, с виду обычной во всех отношениях, если не считать того, что на ее деревянную ручку была натянута рубчатая резиновая велосипедная рукоятка — на такой рукоятке невозможно обнаружить отпечатки пальцев. Лезвие вошло не меньше чем на четыре дюйма, и даже если оно было заточено как бритва, все же нужно было обладать немалой силой, чтобы сделать это. Я попробовал вытащить стамеску, но не смог. Так часто бывает и с ножами: кости или хрящи, разрушенные режущим инструментом, смыкаются вокруг стального лезвия, когда пытаешься вытащить его. Я не стал пытаться еще раз. Вполне возможно, убийца сам пробовал сделать это, но потерпел неудачу. Вряд ли он нарочно хотел оставить эту маленькую занозу. Может быть, ему помешали. Или у него имеется солидный запас полудюймовых стамесок, и он может себе позволить оставить часть из них в чьей-нибудь спине.

Во всяком случае, мне она была не нужна. У меня было собственное оружие. Не стамеска, нет — нож. Я достал его из пластиковых ножен, пришитых к подкладке моей куртки возле самой шеи. Он не слишком внушителен с виду: четырехдюймовая рукоять и обоюдоострое трехдюймовое лезвие. Но это маленькое лезвие может с легкостью перерубить толстый манильский трос, а его острие — острие ланцета. Я посмотрел на нож, потом на внутреннюю дверь за пультом, которая вела в каюту радиста, достал из нагрудного кармана фонарик размером с авторучку, подошел к наружной двери, выключил верхний свет и замер в ожидании.

Как долго я стоял, не могу определить. Может, две минуты, а может и все пять. Чего я жду, я и сам не знал. Я говорил себе, что должен подождать, пока глаза привыкнут к полной темноте в рубке, но знал, что это неправда. Может быть, я ждал, что услышу какой-нибудь шум, еле различимый отголосок звука, может, ждал, что произойдет что-нибудь — все равно что. А возможно, я просто боялся открыть эту дверь в каюту. Боялся за себя? Не знаю. Не уверен. Возможно, я боялся того, что найду за этой дверью. Я переложил нож в левую руку — я не левша, но кое в чем одинаково хорошо управляюсь обеими руками,— и медленно обхватил пальцами ручку внутренней двери.

Мне потребовалось целых двадцать секунд, чтобы чуть-чуть приоткрыть дверь — настолько, чтобы протиснуться в щель. На последнем дюйме проклятые петли скрипнули. Это был тихий звук, который при нормальных условиях не услышишь с расстояния в два ярда. Но для моих натянутых нервов он был подобен залпу шестидюймовок боевого корабля. Я окаменел как монумент. Слушая учащенные удары собственного сердца, я изо всех сил пытался заставить его утихомириться.

Если там внутри и был некто, желающий ослепить меня лучом фонаря и пристрелить, или проткнуть ножом, или проделать эту забавную шутку со стамеской, то времени у него было больше чем достаточно. Хватит. Можно позволить себе вдохнуть немного кислорода и проникнуть сквозь щель. Фонарик я держал на отлете в вытянутой правой руке. Тот, кто собирается убить человека с включенным фонариком, целится в точку непосредственно возле источника света, потому что обычно фонарь держат прямо перед собой. «Поступать так крайне опрометчиво»,— объяснил мне много лет назад коллега, у которого извлекли пулю из верхней доли левого легкого. Поэтому, держа фонарь как можно дальше от корпуса, надеясь только на то, что реакция этого некто там, в каюте, хуже моей, я шагнул вперед и зажег фонарь.

Да, кое-кто был в каюте, но я ничего не узнал о его реакции. И ни о чем другом. Он не шелохнулся. Лежал лицом вниз с тем совершенно неподвижным видом, какой приносит лишь смерть. Я быстро обшарил каюту лучом света не толще карандаша. Мертвец был в одиночестве. Так же, как в радиорубке, здесь не было следов борьбы.

Не нужно было прикасаться к телу, чтобы определить причину смерти. Крови, что вытекла из полудюймовой раны на спине, было не больше чайной ложечки. Ее и не могло быть больше: когда позвоночник протыкается столь умело, сердце останавливается почти мгновенно. Небольшое внутреннее кровотечение и все.

Занавески были задернуты. Я исследовал каждый фут палубы, и переборок и мебели при помощи фонаря. Не знаю, что я рассчитывал обнаружить. Ничего ровным счетом. Я вышел, закрыл за собой дверь и обыскал радиорубку с тем же результатом. Больше здесь делать было нечего, я нашел все, что хотел найти — все, что хотел найти меньше всего на свете. Не было необходимости смотреть на лица мертвецов. Я знал эти лица так же хорошо, как и то, что каждое утро смотрит на меня из зеркальца для бритья. Семь дней назад они обедали со мной и нашим шефом в Лондоне, и они были уверены и спокойны, как только могут быть спокойны люди их профессии — даже когда жизнь поворачивается к ним светлой стороной, привычная осторожность проглядывает сквозь внешний покой, потому что настоящий покой не для них. Я не сомневаюсь, что они и на этот раз были уверены и осторожны, но недостаточно осторожны, и теперь они успокоились навеки. То, что с ними произошло, непременно случается с людьми нашей профессии и однажды случится и со мной. Не имеет значения, насколько ты силен и бесстрашен, рано или поздно встретишь кого-то умнее, сильнее и бесстрашнее тебя. И этот кто-то будет держать в руке полудюймовую стамеску, и все трудные годы твоих побед, успехов, достижений превратятся в ничто, потому что ты и не заметишь, как он придет.

И я послал их на смерть. Не намеренно, не сознательно, но последнее слово было за мной. Это была моя идея, мое творение, только мое, и это я опроверг все доводы и уговорил нашего недоверчивого и весьма скептичного шефа, я добился, если и не энтузиазма, то хотя бы неохотного согласия. И я сказал этим двоим — Бейкеру и Дельмонту,— что, если они будут играть мою игру, ничто им не угрожает, и они поверили мне слепо, и играли мою игру, и вот они лежат мертвые передо мной. Никаких сомнений, джентльмены, положитесь на меня, только не забудьте предварительно составить завещание...

Больше здесь делать было нечего. Я послал двух человек на смерть, и этого уже не переменить. Пора уходить.

Я открывал наружную дверь так, как вы открывали бы дверь в подвал, зная, что он битком набит кобрами и тарантулами. Так, как вы открывали

бы эту дверь, потому что я открыл бы ее не задумываясь, если бы знал, что кобры и тарантулы — единственные обитатели этого корабля. Как безопасны и добродушны эти маленькие гады по сравнению с теми представителями homo sapiens, которые разгуливали по палубе сухогруза «Нантсвилл» этой ночью.

Когда дверь открылась полностью, я еще долго стоял на пороге. Долго стоял, не шевеля ни единым мускулом, почти не дыша; когда стоишь вот так, кажется, что за минуту проходит полжизни. Единственное, что жило во мне,— это уши. Я все стоял и слушал. Слышно было, как бьются волны о борт корабля, время от времени — низкое металлическое громыхание, когда «Нантсвилл» отрабатывал машиной против ветра на якоре, завывание ночного ветра, раз донесся хриплый одинокий вскрик кроншнепа. Голоса безлюдья, безопасности, голоса ночи и природы. Не те голоса, что я пытался обнаружить. Эти были просто частью ночной тишины. А чужих голосов, голосов тревожных, угрожающих, опасных не было. Ни звука дыхания, ни осторожных шагов на палубе, ни шороха одежды — ничего. Если кто и караулил меня здесь, то он обладал терпением и осторожностью духа, а я не боялся духов в эту ночь, я боялся человека — человека с ножом, револьвером или со стамеской в руках. Без единого звука перешагнул я через порог.

Мне не доводилось спускаться ночью по Ориноко в открытом каноэ, никогда тридцатифутовая анаконда не бросалась на меня с дерева, чтобы задушить своими кольцами, тем не менее я с легкостью могу описать, какое при этом возникает ощущение. Поистине звериная энергия и дикая свирепость пары огромных рук, охвативших мою шею, были ужасающи.

Я что было сил ударил назад правой ногой, но этот парень не хуже меня знал правила игры. Его правая, двигаясь быстрее и мощнее моей, врезалась сзади в мою голень. Нет, это был не человек, это был кентавр, да еще подкованный самыми крупными подковами в мире. Мне даже не показалось, что нога моя сломана,— ощущение было такое, что ее отрубило напрочь. Левый носок его упирался в мою левую пятку — я попытался наступить на него, вложив всю энергию в этот удар, но когда моя ступня опустилась, его ноги там уже не было. Я был обут лишь в тонкие резиновые купальные тапочки, и боль от удара пяткой о стальную палубу пронзила меня насквозь. Тогда я поднял руки и попытался сломать ему мизинцы, но он и об этом все знал: пальцы были сцеплены в стальное кольцо, костяшки указательных пальцев давили на сонную артерию. Разумеется, я не был первым, кого он придушил, и мне надо было действовать поскорее, чтобы не пополнить список его жертв. В ушах у меня уже шумело, будто из них выходил воздух под большим давлением, цветные пятна и полосы мелькали перед глазами.

В первые несколько секунд меня спасли поднятый воротник и стоячая

— Ты его поймал? Поймал? Хорошо, хорошо, хорошо! — Это был голос человека, который потирает руки; это был также голос немца или австрийца, говорящего по-английски. Это гортанное «карошш» вместо «хорошо» ни с чем не спутаешь.— Будь осторожен. Этот мне нужен живым. Жак! Генри! Крамер! Давайте все. Быстро! На мостик. К радиорубке!

— Живым,— приятным голосом сказал человек, стоящий передо мной,— это может означать и не совсем мертвым.— Он слизнул с ладони.— Или ты будешь вести себя мирно и сам отдашь нож? Я бы тебе посоветовал...

Дальше я не стал слушать. Это прорезиненная манжета скафандра, который был на мне под обычным костюмом. Но только на несколько секунд, не более.

Я резко согнулся. Теперь половина его веса пришлась мне на спину, причем его хватка ничуть не ослабла, но он все же постарался убрать свои ноги как можно дальше назад — должно быть, решил, что я попытаюсь ухватить его за ногу. Уловив миг, когда он потерял равновесие, я развернулся спиной к морю. После этого я стал отступать — шаг, другой, третий — прибавляя скорость с каждым шагом. «Нантсвилл» не может похвастать красивым тиковым фальшбортом, все, что у него есть,— это ограждение из цепей, так что наш общий вес пришелся на очень небольшую площадь в том месте, где спина моего душителя обрушилась на верхнюю цепь. Но я не услышал никаких воплей, даже вздоха, даже приглушенного вскрика. Может быть, я имел дело с глухонемым? Я слышал о нескольких глухонемых, обладающих феноменальной силой. Видимо, природа хотела дать им какую-то компенсацию за увечье.

Однако ему пришлось разжать свои тиски и побыстрее ухватиться за цепь, чтобы не свалиться за борт, в холод черных вод Лох-Гуроиа. Я отскочил и повернулся к нему лицом, прижавшись спиной к переборке радиорубки. Мне позарез нужна была опора — пока не прояснится в идущей кругом голове, пока не появятся признаки жизни в онемевшей правой ноге.

Теперь я мог видеть его. Неясно — для этого было слишком темно,— но все же можно было различить белые пятна лица, рук, контуры его фигуры.

Я ожидал увидеть этакого гиганта величиной с башню, но он не был великаном, насколько можно было верить моим глазам, перед которыми все расплывалось. Фигура его казалась коренастой и плотно сбитой, но и только. Он был даже меньше меня. Правда, это ничего не значит. Я достал нож, держа его перед собой так, чтобы лезвие было прикрыто ладонью.

Он подошел ко мне сбоку, чтобы я не мог ударить его ногой, правая рука его была вытянута. У него одно было на уме: ухватить меня за горло. Я дождался, пока его рука окажется в нескольких дюймах от моего лица, и резко выбросил вверх свою правую руку. Наши руки столкнулись, лезвие ножа врезалось прямо в середину его ладони.

После этого он уже не смог оставаться безмолвным. Послышалось три коротких непечатных слова, оскорбительных по отношению к моим предкам, и он быстро отскочил, вытирая кисть об одежду, а затем принялся облизывать ее с обеих сторон и при этом стал похож на какого-то зверя.

— Итак, у маленького человечка есть маленький ножичек, не так ли? — мягко сказал он.

Звук его голоса подействовал на меня как удар. При такой первобытной силище я ожидал встретить ум и голос пещерного человека, но он говорил ровным, приятным голосом, без малейшего акцента; это была речь культурного, образованного джентльмена с юга Англии.

— Мы должны забрать у него ножичек, не правда ли? — Он повысил голос.— Капитан Имри!

— Заткнись, болван! — раздался с кормы гневный, требовательный голос.— Ты хочешь, чтобы...

— Не волнуйтесь, капитан.— Он не сводил с меня глаз.— Я держу его. Здесь, около радиорубки. Он вооружен. Ножом. Сейчас я попробую его отобрать.

старый прием. Разговариваешь с противником, который вежливо ждет, пока ты выскажешься, и ему в голову не приходит, что посреди замысловато закрученной фразы, когда он, успокоенный мнимой безопасностью, меньше всего этого ожидает, ты вдруг ударишь его в живот. Не очень честно, зато эффективно, и я не собирался испытывать эффективность этого приема на себе. Я не знал, как он попытается приблизиться ко мне, но предполагал, что это будет прыжок ногами или головой вперед, и если он собьет меня на палубу, то мне уже не встать. По крайней мере, без посторонней помощи. Я быстро шагнул вперед, примерно в футе от его лица включил свой фонарик и, увидев, как его ослепленные светом глаза на миг закрылись, ударил.

Удар был не так силен, как обычно, если учесть, что правая нога до сих пор казалась мне сломанной, не был он и точен, поскольку было темно, но при всем при том его было достаточно, чтобы заставить этого парня кататься по палубе. Потом он замер, держась за живот обеими руками. В конце концов оказалось, что и он такой же человек, как и все. Я видел, как блестят его глаза, хотя и не мог различить, что они выражают. Не очень-то мне хотелось это понять. Помню, однажды я видел в зоопарке гориллу, здоровенное черное чудовище, которое развлекалось тем, что скручивало восьмеркой оси от вагонеток. Дожидаться, пока этот парень придет в себя, было примерно то же самое, что забраться к той горилле в клетку. Я не стал ждать. Прихрамывая, я забежал за угол радиорубки, взобрался по спасательному плоту и распластался на верхней палубе.

На трапах, ведущих к мостику, показались бегущие фигуры, некоторые с фонарями. Они перекрыли мне путь к спасению — на корму, к веревке с покрытым резиной крюком, по которой я забрался на борт. И тут, когда темнота и скрытность нужны были больше всего, кто-то включил габаритные огни, среднюю и носовую палубы залило ослепительным белым светом. Одна из дуговых ламп на массивном кронштейне оказалась чуть впереди того места, где я лежал. Я почувствовал себя столь же заметным, как муха, прилипшая к белоснежному потолку. Я прижимался к палубе, будто хотел вдавиться в настил.

Они уже были возле кают-компании и радиорубки. Я услышал возгласы удивления и проклятия и понял, что они нашли раненого. Его голоса не было слышно, видимо, он еще не мог говорить.

Отрывистый властный голос с немецким акцентом подал команду:

— Молчать! Жак, у тебя с собой автомат?

— Да, капитан.

У Жака был уверенный голос, в других обстоятельствах я назвал бы его ободряющим, но только не теперь.

— Иди на корму. Встань у входа в салон и смотри вперед. Перекрой среднюю палубу. Мы пройдем на бак и оттуда двинемся цепью на корму и выгоним его на тебя. Если он тебе не сдастся, стреляй по ногам. Я хочу получить его живым.

О боже, это было похуже, чем кольт «Миротворец». Тот по крайней мере делает только один выстрел за раз. Я понятия не имел, что за автомат у Жака, возможно, из тех, что стреляют очередями по дюжине разрывных пуль, а то и больше. Мышца бедра у меня снова онемела, но теперь это была просто рефлекторная реакция.

— А если он прыгнет за борт, сэр?

— Нужно ли тебе объяснять, Жак?

— Нет, сэр.

Я был не глупее Жака. Мне тоже не нужно было ничего объяснять. У меня осталась минута, не более, потом будет уже поздно. Я осторожно пополз в сторону правого борта, подальше от площадки, с которой капитан Имри отдавал распоряжения своим людям, беззвучно спустился на среднюю палубу и двинулся к рулевой рубке. Мне не нужен был фонарь, потоки света от дуговых ламп обеспечивали иллюминацию, какую можно было только пожелать. Оглядевшись, я увидел то, что мне было нужно,— металлический ящик с сигнальными ракетами.

Два быстрых надреза ножом и сняты веревки, которыми ящик крепился к палубе. Один кусок веревки длиной около десяти футов я привязал к ручке ящика. Потом быстро вытащил из куртки пластиковый пакет, сбросил куртку и резиновые яхтсменские штаны, надетые поверх водолазного снаряжения, засунул их в пакет и привязал его к поясу. Куртка и штаны сослужили свою службу. Фигура в резиновом скафандре, с которого капает вода, сразу вызвала бы подозрение, в то время как в обычной верхней одежде я мог бы в сумерках сойти за члена экипажа и преодолеть вдвое большее расстояние на палубе «Наитсвилла». Но теперь маскировка была не нужна.

Пригибаясь, я перебрался из рулевой рубки на правое крыло капитанского мостика. Встал на самом краю и выпрямился. Приходилось рисковать — сейчас или никогда! — уже слышно было, как экипаж начал прочесывать судно. Я поставил ящик с ракетами на перила, потом опустил его вниз на полную длину веревки и стал медленно раскачивать из стороны в сторону, как лотовый перед забрасыванием лота.

Ящик весил по меньшей мере сорок фунтов, но я не обращал внимания на тяжесть. Амплитуда маятника все увеличивалась. Теперь при каждом взмахе он отклонялся на сорок пять градусов — это был максимум того, что я мог получить. Время мое истекало, я чувствовал себя заметным, как акробат на трапеции в свете дюжины прожекторов, и столь же уязвимым. Когда ящик в последний раз качнулся в сторону кормы, я расцепил руки, отпустил веревку и рухнул на палубу, за брезент, который натягивают на мостике в штормовую погоду. Уже падая, я вспомнил, что забыл продырявить проклятый ящик, не было никакой уверенности в том, утонет он или будет плавать. Я был уверен лишь в одном — беспокоиться об этом было уже поздно.

Я услышал крик — он раздался в футах двадцати-тридцати от меня, ближе к корме. Я был уверен, что увидели меня, но сам никого не видел. Второй крик был громче и отчетливее, я узнал голос Жака.

— Он прыгнул за борт,— кричал он.— Правый борт, между кормой и мостиком. Быстрее фонарь!

Он, по-видимому, стоял на корме, как ему было приказано, и увидел, как падает что-то темное, услышал всплеск и сделал свои выводы. Противник, который быстро соображает, опасен, а Жак оказался как раз из таких. В какие-нибудь три секунды он объяснил своим приятелям все, что им требовалось знать: что случилось, где и как он собирается действовать, чтобы понаделать во мне дырок.

Люди, которые уже двинулись на поиски, теперь бежали на корму, топая по палубе прямо под тем местом, где я лежал на крыле мостика.

— Ты его видишь, Жак? — послышался спокойный голос капитана Имри.

— Нет еще, сэр.

— Он скоро всплывет.— Я бы хотел, чтобы это прозвучало не так уверенно.— Прыжок вроде этого должен вышибить из него почти весь воздух. Крамер, возьми двоих и в шлюпку. Возьмите фонари, светите вокруг. Генри, ящик с гранатами. Карло, на мостик, живо. Включи поисковый прожектор по правому борту.

Я не подумал о шлюпке, что уже плохо само по себе, но гранаты! Я почувствовал холодок. Я знаю, что может сделать даже самый слабый подводный взрыв с человеческим телом, это в двадцать раз опаснее, чем такой же взрыв на суше. А мне надо, обязательно надо лезть в воду. Но по крайней мере я могу кое-что сделать с поисковым прожектором, который светит прямо над моей головой. Силовой кабель от него я держал в левой руке, нож в правой и уже готов был ввести в соприкосновение одно с другим, когда моя голова перестала думать об этих чертовых гранатах и вновь начала работать. Черт побери — перерезать этот кабель значило примерно то же, что поклониться с того места, где я прятался, и завопить: «Я здесь, идите и берите меня!» Тот же эффект будет, если шарахнуть этого Карло по затылку, когда он поднимется на мостик. Нет, таких типов дважды не одурачишь. Прохромав кое-как через рулевую рубку, я вышел на другое крыло мостика,

сполз по трапу иа палубу и побежал на бак. На баке никого не было.

Я услышал крик и звук очереди — несомненно Жак со своим автоматом. Или ему показалось, что он что-то увидел, или ящик всплыл на поверхность, и он принял его за меня в темноте? Должно быть, последнее — вряд ли бы он стал расходовать боеприпасы впустую. В любом случае я должен иа него молиться. Если они будут думать, что я пошел ко дну, дырявый как выдержанный сыр, то не станут искать меня здесь.

Я выбрался через трубу клюза, подтянулся и ухватился за якорную цепь. Международная ассоциация атлетов должна была в эту ночь остановить свои секундомеры и зафиксировать мой мировой рекорд в лазании по якорной цепи.

Мой акваланг, грузы и ласты были там, где я их оставил — привязаны к концу оси руля. «Нантсвилл» сидел в воде неглубоко, и конец оси руля был не слишком далеко от поверхности. Надевание акваланга при порывистом ветре и сильном приливном течении не самое легкое занятие, но меня подгоняли мысли о Крамере и его гранатах. Кроме того, предстоял еще длинный путь, и следовало проделать множество дел, когда я достигну места назначения.

Я слышал, как запускали и глушили мотор спасательной шлюпки, как она кружила возле правого борта, но ни разу она не подошла ко мне ближе чем на сотню футов. Больше они не стреляли, и, по-видимому, капитан Имри решил не использовать гранаты. Я закрепил грузы на талии и нырнул в спасительный мрак. Светящийся компас указывал мне направление. Через пять минут я вынырнул на поверхность, чтобы огляделся, а еще через пять ступил на каменистый берег островка, где спрятал свою резиновую лодку.

Я вскарабкался на каменистый берег и посмотрел назад. «Нантсвилл» был весь в огнях. Поисковый прожектор все светил вниз, шлюпка все кружила подле корабля. Слышно было, как клацает о борт поднимаемый якорь. Я спустил на воду резиновую лодку, забрался в нее, вставил короткие весла и стал грести на зюйд-вест. Я все еще был в пределах досягаемости поискового прожектора, но шансы обнаружить черную фигуру в низкосидящей черной резиновой лодке в этих мрачных волнах были, безусловно, невелики.

Спустя милю я вынул весла и запустил подвесной мотор. Вернее, попытался запустить. Подвесные моторы у меня всегда прекрасно работают, кроме тех случаев, когда я устал, вымок и замерз. Когда они действительно нужны, они никогда не работают. Поэтому я снова взялся за эти весла-обрубки и греб, и греб, и греб, и казалось, что я греб целый месяц. Я возвратился на «Файркрест» в десять минут третьего утра.

Глава вторая

ВТОРНИК, ТРИ ЧАСА УТРА — РАССВЕТ.

— Калверт? — Голос Ханслетта едва слышен был во мраке.

— Да.— Я мог скорее вообразить его фигуру на палубе «Файркреста», чем разглядеть ее на фоне черного ночного неба. Тяжелые облака накатывались с зюйд-веста, скрывая последние звезды. Большие, тяжелые капли холодного дождя покрыли брызгами поверхность моря.— Дай мне руку, нужно поднять лодку на борт.

— Все в порядке?

— Потом. Сначала покончим с лодкой.— Я вскарабкался по штормтрапу, держа фалинь лодки в руке. Когда мне пришлось поставить правую ногу на планшир, ее пронзило нестерпимой болью.— И побыстрее. Скоро к нам пожалует целая компания.

— Ах вот как,— задумчиво промолвил Ханслетт.— Дядюшка Артур будет очень доволен.

На это я ничего не сказал. Вряд ли тот, кто нас нанял, контр-адмирал сэр Артур Эрнфорд-Джейсон, кавалер ордена Бани и множества других, будет доволен. Мы затащили мокрую лодку на борт, сняли мотор и бросили все это на баке.

— Дай мне пару водонепроницаемых мешков,— сказал я.— Затем начинай выбирать якорную цепь. Но только тихо — сними храповик и накрой рундук брезентом.

— Мы отходим?

— Мы сделаем это, если что-нибудь почуем. А пока будем стоять. Просто поднимем и опустим якорь.

Спустя некоторое время Ханслетт вернулся с мешками, куда я засунул спущенную резиновую лодку, акваланг с грузами, водонепроницаемые часы с большим циферблатом, наручный компас и глубиномер. В другой мешок я спрятал подвесной мотор, подавив желание швырнуть эту проклятую штуковину прямо за борт. Вообще-то такой мотор сам по себе не может вызвать подозрений, но у нас был уже один, закрепленный на деревянной шлюпке, что висела на корме.

Ханслетт включил электрическую лебедку и начал медленно выбирать якорную цепь. Электрическая лебедка работает довольно бесшумно, но при поднятии якоря в четырех местах возникает настоящий грохот: гремит цепь, проходя через трубу клюза, щелкает на каждом звене храповой механизм, гремит барабан, наматывая цепь, и, наконец, клацают звенья цепи, падая в цепной ящик. С клюзом ничего не поделаешь, но если отключить храповик, а барабан и цепной ящик укрыть тяжелым брезентом, уровень шума станет на удивление низким. Притом ближайшее судно стояло на якоре по крайней мере в двухстах ярдах от нас — мы вовсе не стремились к тесному соседству в гавани. И без того мы чувствовали себя не слишком уютно в непосредственной близости от Горбея, но отойти подальше не имели возможности: теперешняя глубина в двадцать морских саженей была предельно допустимой при той длине якорной цепи, какой мы располагали.

Я услышал щелчок, когда Ханслетт наступил на палубный замок храповика.

— Она ходит вверх-вниз.

— Включи пока храповик. Если цепь будет проскальзывать, мне оторвет руку.

Куском линя я привязал мешки к якорной цепи, потом перебросил их за борт так, чтобы они свободно повисли на цепи.

— Я держу их,— сказал я.— Сними цепь с барабана, мы будем отдавать ее вручную.

Сорок морских саженей это двести сорок футов цепи, и после того, как мы забросили этот «лот», сил у меня не осталось совсем. Жгучая боль пронизывала шею, с ногой было еще хуже, и кроме того, я смертельно продрог. Я знаю множество способов заиметь красный здоровый румянец, но работа в одном нижнем белье в холодную, сырую, ветреную ночь на Западных островах в их число не входит. Но и эта работа, наконец, кончилась, и мы могли спуститься в каюту. Если кому-то захочется узнать, что привязано к нашей якорной цепи, ему потребуется жесткий скафандр для работы на большой глубине.

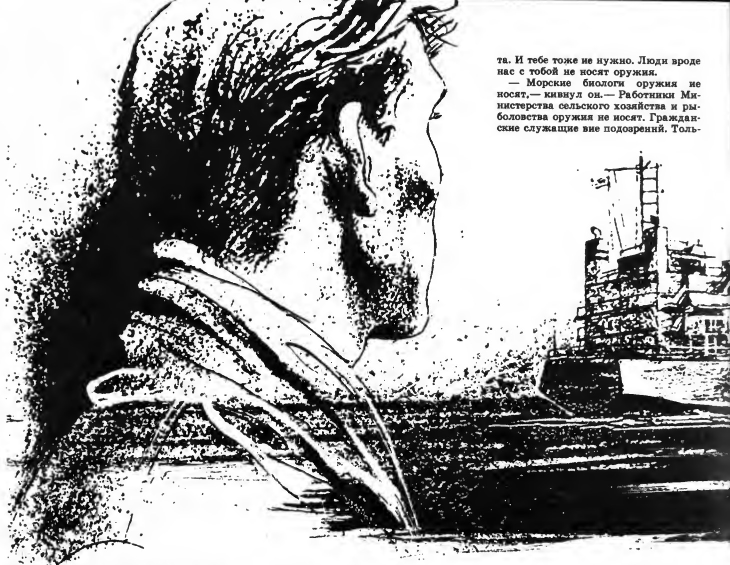
Ханслетт толкнул дверь салона, повозился в темноте, поправляя тяжёлые вельветовые занавеси, и после этого зажег маленькую настольную лампу. Она не давала много света, и мы по опыту знали, что этот свет не проникает сквозь вельвет. Меньше всего мне хотелось бы демонстрировать, что мы бодрствуем посреди ночи.

Тебе следует купить другую рубашку,— сказал Ханслетт.— У этой слишком тесный воротник. Оставляет полосы.

Я перестал растираться полотенцем и взглянул на себя в зеркало. Даже при скудном освещении шея моя выглядела ужасно. Она вся распухла и потемнела, были видны четыре жуткого вида синяка там, где пальцы глубоко впивались в кожу. Синяки были разноцветные — синий цвет, зеленый, пурпурный — и не похоже было, что они скоро пройдут.

— Он схватил меня сзади. До этого он все время тренировался в убийствах и, кроме того, был олимпийским чемпионом по поднятию тяжестей. И еще мне кое в чем «повезло». На нем были тяжелые ботинки.

Я изогнулся и посмотрел вниз на свою икру. Синяк был куда больше, чем те, что на шее, и если в нем и недоставало какого-то цвета радуги, то сразу и не скажешь какого. Поперек икры тянулась глубокая рана, и кровь медленно стекала по всей ее длине.



та. И тебе тоже не нужно. Люди вроде нас с тобой не носят оружия.

— Морские биологи оружия не носят,— кивнул он.— Работники Министерства сельского хозяйства и рыболовства оружия не носят. Гражданские служащие вне подозрений. Только нужно хорошо это разыграть. Ты будешь начальником экспедиции.

— Я не чувствую себя достаточно сообразительным для этого. Более того — у меня мало шансов остаться и впредь твоим начальником. После того, как дядюшка Артур услышит все, что я ему должен сказать.

— Но мне-то ты еще ничего не сказал.— Он кончил обматывать мою ногу бинтом и затянул его.— Ну как?

Я попробовал встать.

— Лучше. Благодарю. Будет еще лучше, когда ты вытащишь пробку из этой бутылки. И давай-ка влезем в пижамы — если нас застанут одетыми посреди ночи, это вызовет некоторое недоумение.

Я стал вытирать полотенцем голову так энергично, как только позволяла мне усталость. Один мокрый волос на моей голове может показаться столь подозрительным, что кое у кого глаза на лоб вылезут.

— Нечего и объяснять тебе, что дела плохи,— сказал я Ханслетту. Он налил мне большую порцию, себе поменьше и добавил воды в оба стакана. Такой вкус бывает у шотландского виски только тогда, когда вы проплыли под водой и в лодке

Ханслетт с интересом разглядывал все это.

— Если бы на тебе не было такого тесного костюма, ты бы умер от потери крови. Давай я тебя перевяжу.

— Нет, обойдусь и без перевязки. Лучше стакан шотландского виски. Не трать времени...— Я попробовал шагнуть.— О черт! Да, пожалуй, лучше перевязать — мы не можем заставлять наших гостей шлепать по лодыжки в крови.

— Ты уверен, что будут гости?

— Я ожидал встретить их на пороге, когда возвращался на «Файркрест». Гости непременно будут. Кто бы они не были, эти парни на борту «Нантсвилла», но они не дураки. За это время они должны были уяснить, что на резиновой лодке я далеко не уйду. И они должны понимать, что никто не будет просто так совать нос на чужой корабль и обыскивать его. Местные воры не рискнут лезть за добычей на борт стоящего на якоре корабля, это, во-первых. Во-вторых, местные не полезут через Бойл-нан-Уам — Пасть могилы — и при дневном свете, а ночью и подавно. Даже в лоции сказано, что это место имеет дурную репутацию. В третьих, никакой местный ворюга не смог бы забраться на борт тем же путем, что я, не стал бы так вести себя на борту, и не сумел бы удрать, как удрал я. Местный давно был бы уже мертв.

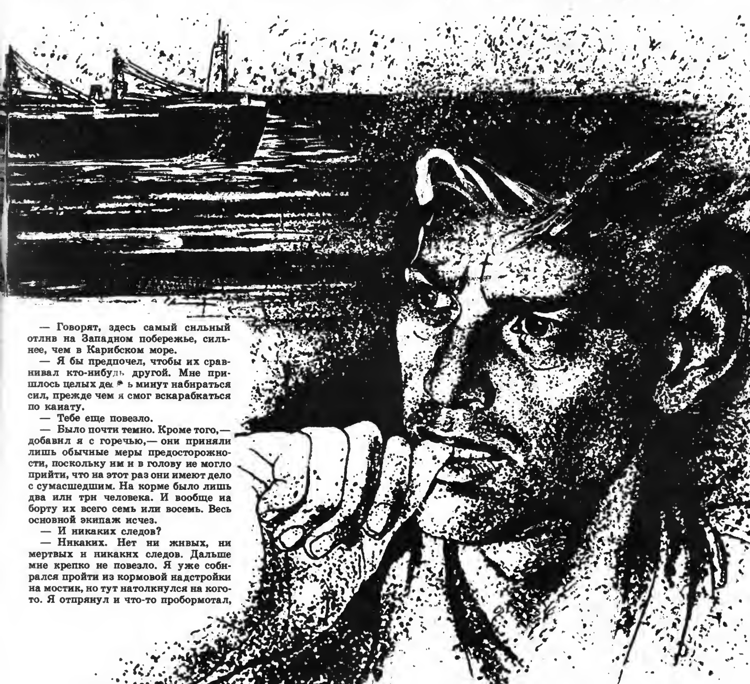
— Я бы не удивился. Ну и?..

— Значит, мы не местные. Мы чужаки. И мы не могли остановиться в каком-нибудь отеле или пансионе — слишком на виду, сковывает свободу перемещения. Конечно же, у нас есть судно. А где теперь должно быть наше судно? Только не к северу от Лох-Гурона, поскольку недавно радио сообщило о том, что юго-западный ветер достиг шести баллов и вскоре усилится до семи. Ни один корабль, если только его команда не рехнулась, не будет болтаться сейчас у подветренного берега. Единственная подходящая якорная стоянка находится в другом направлении, в сорока милях южнее пролива, то есть в Торбее. И это всего лишь в четырех — пяти милях от того места в устье Лох-Гурона, где стоит «Нантсвилл». Так где они будут нас искать?

— Я бы искал судно, стоящее на якоре в Торбее. Какой пистолет тебе дать?

— Мне не нужно никакого пистоле-

несколько часов и при этом вас могли прикончить в любую минуту.— Туда я добрался спокойно. Прятался за мысом Каррара-пойнт, пока не стемнело, а затем стал грести к Бох-Нуад. Там я оставил лодку и поплыл под водой, пока не наткнулся на корму корабля. Да, это был «Нантсвилл». Название и флаг были другие, мачту убрали, белоснежные надстройки выкрасили в серый цвет, но это был он. Но дьявол так подстроил, что именно в это время начался отлив, и мне пришлось минут тридцать бороться с течением. Иногда можно прямо-таки возненавидеть все эти приливы и отливы!



— Говорят, здесь самый сильный отлив на Западном побережье, сильнее, чем в Карибском море.

— Я бы предпочел, чтобы их сравнивал кто-нибудь другой. Мне пришлось целых десять минут набираться сил, прежде чем я смог вскарабкаться по канату.

— Тебе еще повезло.

— Было почти темно. Кроме того,— добавил я с горечью,— они приняли лишь обычные меры предосторожности, поскольку им и в голову не могло прийти, что на этот раз они имеют дело с сумасшедшим. На корме было лишь два или три человека. И вообще на борту их всего семь или восемь. Весь основной экипаж исчез.

— И никаких следов?

— Никаких. Нет ни живых, ни мертвых и никаких следов. Дальше мне крепко не повезло. Я уже собирался пройти из кормовой надстройки на мостик, но тут натолкнулся на кого-то. Я отпрянул и что-то пробормотал, тот ответил — я не понял что. Я крался за ним до кормы. На камбузе он снял телефонную трубку и заговорил с кем-то быстро и встревоженно. Он говорил, что один из членов прежнего экипажа спрятался и теперь пытается бежать. И я не мог помешать ему — разговаривая, он смотрел на дверь и держал наготове винтовку. Надо было поторапливаться. Я полез на мостик...

...Мистер Калверт, вы, наверное, хотели проверить на прочность свою дурацкую голову?

Дядюшка Артур высказался бы похлеще. Но это был мой единственный шанс, другого не было. Кроме того, если они решили, что я перепуганный насмерть член прежней команды, им нечего было так уж сильно беспокоиться. Вот если бы тот парень увидел меня в водолазном скафандре, с которого льется вода, он бы на месте сделал из меня дуршлаг. Но он не сделал этого. Пробираясь вперед, я без приключений миновал еще один пост — наверное, часовой покинул мостик до того, как была поднята тревога. На мостике я не стал задерживаться. Я прошел на правый борт и спрятался под чехлом лебедки. Минут десять вокруг было сущее столпотворение и сияние огней, затем они все бросились на корму. Видимо,

они решили, что я все еще прячусь там. Я прошел через все помещения комаидного состава — ннкого. В одиой каюте, думаю, что механнка, был полный разгром, ковер покрыт пятнвмн засохшей крови. Чуть дальше, в каюте капитана койка была вся пропнтаиа кровью...

— Их же предупредили, чтобы они не оказывалн сопротивленяя!

— Я зиаю. Потом я нвшел Бейкера н Дельмонта.

— Вот оио как, Бейкерв и Дельмоита.— Хаислетт опустнл глвза, рвзглядывая свой стакан. Хотел бы я, бога радн, чтобы на его мрачном лице было хоть какое-то выражение.

— Дельмоит, видимо, в последнюю минуту пытался подать снгнал бедствня. Им было прнказано сделвть это только в крайнем случае, значит, нх раскрыли. Он был убит удвром в спиину полудюймовой ствмеской, после чего его отволокли в каюту раднсте — она соединяется с радиорубкой. А потом в раднорубку пришел Бейкер. Он был в кителе капитана — последняя отчаяииая попытка замвскироваться. У него был револьвер, но Бейкер ждвл опасности ие с той стороны, н револьвер его смотрел ие туда, куда иужио... Та же самая стамеска в спиие.

Хаислетт иалил себе еще. Миого больше, чем в первый рвз. Хаислетт ннобда может здорово пить. Ои проглотил половину внски одним махом.

— И конечио, они не все убежали на корму,— сказал он.— Наверняквоставили комиссню для организацин торжественной встречи.

— Да, и комиссня оказалвсь сообразительиой. И очень опасной. Похоже, эти парнн классом выше, чем мы. По крайней мере — выше меня. Комнссия состояла нз одиого человека, ..о двонх мне было бы лишку. Я уверен, что это он убнл Бейкера и Дельмонта. То, что я уцелел, это такое везение... больше такого не будет.

— Ну, удрал-то ведь ты, а ие твоя удача.

А удача Бейкера н Дельмонта удрала. Я знаю, он вииит во всем меня. Я увереи, что и Лоидои будет считать вниоватым меня. Я и сам так считал. У меня был небольшой выбор. Больше некого было виннть.

— А ты не думаешь,— спроснл Хаислетт,— что дядюшка Артур...

— Дьявол с ним, с дядюшкой Артуром! Кто сейчас думает о дядюшке Артуре! Как, по-твоему, что я сейчас чувствую?

Я впал в ярость, я прямо излучал ее. Впервые какое-то трепетное выражение промелькнуло на лнце Хаислетта. Я не ожидал от него ии малейшего проявления чувств.

— Я ие о том,— сказал он. Я о «Нантсвилле». Теперь мы увереиы, что это «Нантсвилл», мы знаем его иовое иазваине и флвг. Кстати, какое?

— «Альта Фиорд», Норвегия. Но это ие имеет ннкакого значения.

— Это нмеет значенне. Мы радируем дядюшке Артуру...

— И наши гости обнаружвт нас в мвшииином отделенин с ивушннками иа голове. Ты спятил?

— Черт возьмн, ты твк уверен, что они явятся?

— Да, я так увереи. И ты тоже. Ты сам сказвл.

— Я только прнзнал, что онн явятся именно сюдв. Еслн явятся.

— Если явятся, еслн явятся! Боже мнлостивый, дв онн уверены, что я был на корабле несколько часов. Что я мог узнвть нх имена и составнть полное опнсвнне каждого из ннх. Твк получилось, что я никого не смог рассмотреть, но они об этом не зивют! Онн-то уверены, что их приметы будут переданы в Интерпол. Навериякa средн ннх есть такие, иа которых уже имеется досье. Они слишком умиы для новнчков. Кое-кто иаверняка нзвестеи полицин.

— Тогда онн в любом случае опоздалн. Ты уже мог сообщить.

— А зачем нм еднnственный свидетель, который может нх опознать?

— Я думвю, лучше нвм достать оружие.

— Нет.

— Ты не обндишься, если я тебе коечто посоветую?

— Ввляй.

— Бейкер н Дельмонт. Подумвй о них.

— Я только о них и думвю. Ты не обязан оставаться здесь.

Ои поставил свой стакаи. Так спокойио и аккуратио, словно просто собрвлся пойтн спать. Нв его мрачиом лице уже второй раз за десять минут появнлось выражение, которое я не нвзвал бы воодушевляющим. Звтем он поднял свой ствкан и ухмыльнулся.

— Ты соображаешь, что говоришь? — сказал ои ласковым голосом.— Тебе, видимо, повредилн шею, поэтому у тебя нврушеио кровоснабжение мозга. Ты же не справишься н с плюшевым медвежоиком! Кто, кроме меня, прнсмотрнт за тобой, еслн этн ребята н в свмом деле начиут свои игры?

— Извннн,— сказал я. Вообще-то я так н думал. Я работал с Хаислеттом раз десять за последние десять лет н хорошо зивл его, поэтому было глупо с моей стороиы говорнть такне вещи. Пожалуй, еднственное, иа что Хаислетт не способеи, это броснть вас в мнкуту опасностн.— Ты что-то говорил о дядюшке?

— Да. Мы зивем, где нвходнтся «Нантсвилл». Дядюшка может послать военный корабль следнть за ним по радару, если...

— Я зиаю только, где ои находнлся. Они подняли якорь, как только я удрал. Твк что сейчас он может быть в ста милях отсюда — в любом направлеиии.

— Но нвм нзвестно, как он теперь выглядит.

— Я же сказал, что это не нмеет ннкакого зиачения. Завтра ои будет выглядеть нначе. «Хокомару» из Иокогамы, с зелеными бортами, японскнм флвгом и другимн мачтвми.

— А воздушнвя разведка? Мы можем...

— К тому времени, когда будет организована воздушная рвзведка, понадобится охватить район площадью в дввдцать тысяч квадрвтных мнль. Плюс низкая облачность — значит, они будут летвть низко под облаками. Это уменьшнт радиус вндимостн на девяиосто процентов. Да еще этот дождь... Нн одного швнса из ста, даже нз тысячи. А еслн онн обнаружат нх локатором, что тогда? Дружеская радиогрвмма от пилотв? Больше ои ничего не сможет сделать...

— А флот? С самолетв можно вызвать кораблн.

— Какне корабли? Из Средиземного моря? Или с Дальиего Востока? У флота очень мало свободиых кораблей и нет ни одного в этом районе. Пока хоть какое-иибудь военное судно появнтся в поле зрения, пройдет еще одна ночь, н «Наитсвнлл» опять будет черт знает где. Но даже еслн военный корвбль иастигнет его, что тогда? Потопить его вртнллерийским огием — может быть, с дввдцатью пятью членвмн прежиего экнпажа в трюме?

— А абордажиая команда?

— Тогдв тех же дввдцать пять человек выстроят ив палубе, прнставят им к звтылкам пнстолеты, и капитаи Имри и его головорезы вежлнво спросят иаших ребят, что они, по их мнению, сделают в следующее мгиовение.

— Я пошел надеввть пнжаму,— сказал Хаислетт устало. У дверн он помедлил, оглянулся.— Еслн «Наитсвилл» ушел, то и его экипаж — новый экипаж — ушел тоже, н у нас не будет сегодия гостей. Ты так не думаешь?

— Нет.

— По правде говоря, я н сам в это не верю...

Они появнлись в четыре двадцать утрв. Оии подошлн спокойно, соблюдая все прввнла, в строго офнцивльиом стиле. Они былн на борту почти сорок мннут, н до тех пор, покв они ие отчвлнлн, я все еще не был уверен, онн это нли нет.

Хаислетт прншел в мою маленькую каюту, нвходящуюся в иосовой части по правому борту, включил свет н растолквл меня.

— Вставвй,— сказал ои громко.— Ну давай же! Вставай!

Я не спвл. Я не сомкнул глаз с той мннуты, как лег. Я звстоиал, затем открыл якобы затуманеииые сиом глазв. Но за спиной Хаислетта нмкого не было.

— Что это? Тебе чего? — Молчвние.— Что за черт! Ведь еще только пятый час.

— Ты еще спрвшиваешь у меия, что произошло! — сквзвл Хаислетт рвздраженно.— Полнция. Они уже нв борту. Говорят, что дело срочное.

— Полиция? Ты сказал — полнция?

— Ну да. Вставай немедлеино, они ждут.

— Полиция? На борту иашего судна? Что за...

— О боже! Сколько ты еще выпил, после того, как я пошел спать? Полиция. Их двое, н с иими два таможенника. Они говорят, очень срочное дело.

— Шли бы оии лучше к дьяволу со своей срочностью! Прямо посреди этой дьявольской ночи! Оии что, считают нас переодетыми грабителями почтовых поездов? Ты что, ие мог им объяснить, кто мы такие? Ну ладно, ладно, ладно! Я уже иду.

Хаислетт ушел, а секунд через тридцать я последовал за ним в салон. Их было четверо — двое полицейских и два таможенника. Это сборище ие показалось мне таким уж мерзким. Старший, высокий и плотный, с загорелым лицом сержант поднялся. Он окинул меня холодным взглядом, посмотрел на пустую бутылку из-под виски и два грязных стакана на столике, потом снова на меня. Ему явно не нравились богатые яхтсмены. Богатые яхтсмены, которые пьют ночь напролет и встают на рассвете с мутными глазами, со взъерошенными волосами, бледные и с головной болью. Не любил он богатых изнеженных яхтсменов, одетых в шелковые китайские халаты с драконами, с шотландскими шарфами, небрежно обмотанными вокруг шеи. Мне и самому не нравятся такие типы, особенно эти шотландские шарфы, что в таком ходу у яхтсменской братии. Но должен же я был хоть чем-то скрыть синяки на шее!

— Вы владелец этой яхты, сэр? — спросил сержант. Довольно вежливый голос, принадлежащий несомненно уроженцу западной Шотландии. Большую часть времени он потратил, чтобы выговорить слово «сэр».

— Если вы мне объясните, какое это имеет отношение к вашим чертовым делам,— сказал я неприветливо,— то я, может быть, отвечу, а может быть, и нет. Частное судно — это то же самое, что частный дом, сержант. Вам следовало бы спросить разрешения, прежде чем вваливаться сюда. Или вы не знаете законов?

— Он знает законы,— вставил один из таможенников. Невысокий смуглый тип, гладко выбритый в четыре часа утра, с внушающим доверие голосом. Но выговор не шотландский.— Будьте благоразумны. Сержант ни в чем не виноват. Это мы подняли его с постели три часа назад. Мы ему очень обязаны.

Его я игнорировал. Я разговаривал только с сержантом.

— Сейчас ночь, а мы находимся в удаленной шотландской бухте. Что бы вы чувствовали, если бы четверо неизвестных оказались у вас на борту в столь поздний час? — Я пытался использовать этот шанс, хотя он был слабоват. Если они были те, за кого я их принимал, и если я был тем, за кого они меня принимали, то я не мог такого сказать. Но посторонний сказал бы.— У вас есть удостоверение личности?

— Удостоверение моей личности? — Сержант холодно уставился на меня.— Я не должен предъявлять вам никаких удостоверений. Я сержант Мак-Дональд. Я служу в полицейском участке Торбея вот уже восемь лет. Можете спросить любого в Торбее. Меня все знают. Если он в самом деле был тем, за кого себя выдавал, то это, видимо, был первый случай в его жизни, когда у него спросили удостоверение личности. Он кивнул на второго полицейского: — Констебль Мак-Дональд.

— Ваш сын? — Сходство было несомненным.— Лучший способ держать его в руках, не так ли, сержант? — Я не знал, верить им или нет, но чувствовал, что слишком долго разыгрываю из себя разгневанного судовладельца. Следующий вопрос я задал уже не столь свирепо: — Ну, а таможня? По вашей части я тоже все законы знаю. У вас должно быть разрешение на досмотр, ребята. Я уверен, полиция подтвердит, что я прав. Вы должны где-то там у себя получить разрешение, не так ли?

— Да, сэр.— Это ответил второй таможенник. Средний рост, светлые волосы, начинает полнеть, говорит с белфастским акцентом. Одет как и первый: синий плащ, форменная фуражка, коричневые перчатки и тщательно отутюженные брюки.— Но это сильно усложняет дело. Мы предпочитаем добровольное согласие. Поэтому просто просим разрешения у владельца.

— И теперь вы собираетесь просить разрешения обыскать наше судно, так ведь? — спросил Хаислетт.

— Да, сэр.

— Но почему? — спросил я. Теперь в моем голосе звучало смущение. Я и в самом деле был в замешательстве. Я поистине понятия не имел, что они могли здесь искать.— Если мы все будем взаимно вежливы и не будем друг другу мешать, то хотя бы какое-то объяснение мы можем получить?

— Ну почему же нет, сэр,— сказал первый таможенник.— Груз стоимостью в двенадцать тысяч фунтов стерлингов был похищен прошлой ночью вблизи Айрширского побережья, сэр. Известно об этом стало вчера вечером. По имеющимся у нас данным его переправили на небольшое судно. Мы уверены, что оно ушло на север.

— Почему?

— К сожалению, это секрет, сэр. Это уже третий порт, который мы посетили, и тринадцатая яхта — четвертая в Торбее,— которую мы осматриваем за истекшие пятнадцать часов. Чувствую, нам еще долго придется за ними гоняться.

Тон у него был почти дружеский, словно он хотел сказать: «Не думайте, что мы в самом деле подозреваем вас. Мы просто делаем свое дело, вот и все».

— И вы, значит, обыскиваете все яхты, которые пришли с юга? Или могли прийти... Иными словами, недавно прибывшие. Мы здесь с полудня. У грабителей должна быть очень быстроходная яхта, чтобы добраться сюда к этому времени — ведь они не могли с похищенными товарами рискнуть пройти через канал Криниан, им пришлось бы огибать мыс Кинтайр...

— Но у вас достаточно быстроходная яхта, сэр,— сказал сержант Мак-Дональд. Я все удивляюсь, какого дьявола повсюду, от Западных островов до восточных окраин Лондона, у всех полицейских сержантов одни и те же деревянные голоса, одинаковые деревянные физиономии и холодные глаза. Может быть, это как-то связано с формой. Я не обратил на его слова никакого внимания.

— Ну и что же мы... м-м-м... предположительно украли?

— Химические реактивы. Целый контейнер.

— Реактивы? — Я посмотрел на Хаислетта и усмехнулся, затем снова обернулся к представителю таможни.— Так значит, химические реактивы? У нас на борту есть реактивы. Но не на двенадцать тысяч фунтов, к сожалению.

Короткая пауза. Потом Мак-Дональд спросил:

— Вы не могли бы пояснить, сэр?

— Нет ничего проще.— Я закурил сигарету, оттягивая момент торжества, и улыбнулся.— Эта яхта принадлежит правительству, сержант Мак-Дональд. Надеюсь, вы заметили флаг. Министерство сельского хозяйства и рыболовства. Мы — морские биологи. А в нашей кормовой каюте располагается плавучая лаборатория. Здесь, как видите, наша библиотека.— Две полки были забиты специальной литературой.— А если у вас остались еще какие-то сомнения, могу дать вам два телефонных номера — один в Глазго, другой в Лондоне, по которым вам подтвердят нашу благонадежность. Или позвоните начальнику шлюза в Криниан. Мы провели у него прошлую ночь.

— Да, сэр.— На сержанта я не произвел ни малейшего впечатления.— А куда вы отправлялись на резиновой лодке нынче вечером?

— Извините, сержант, не понял.

— Вас видели, когда вы покидали яхту в резиновой лодке около пяти часов вечера.— Холодок пробежал по моей спине, словно сороконожка в ледяных башмаках.— Вы направлялись к югу. Вас видел мистер Мак-Илрой, почтмейстер.

— Терпеть не могу подозревать в чем-то государственных служащих, но должно быть, этот парень был пьян.— Интересно, как это так получается, что после холодка на спине вас сразу бросает в жар.— Я никогда не ездил на резиновой лодке. У меня никогда не было резиновой лодки. Возьмите ваше увеличительное стекло, сержант, и если вы обнаружите здесь

резнновую лодку, я подарю вам свою деревянную шлюпку, единственную на борту «Файркреста».

Деревянное выражение лица несколько смягчилось. Он уже не был так уверен.

— Итак, вы утверждаете, что не покидали борт яхты?

— Нет, покидал. Но только на нашей собственной шлюпке. Я огибал вон тот угол острова Гарв н собирал кое-какие образцы, характерные для здешних мест. Я могу продемонстрировать нх вам в лаборатории. Мы ведь здесь, как вы понимаете, не на отдыхе.

— Без сомнения, без сомнения.— Теперь я был представителем рабочего класса, н сержант позволил себе чуть оттаять.— Видимо Мак-Илрой что-то напутал. По-моему, вы оба не похожи на людей, которые способны перерезать телефонную линню между островом н матерннком*.

Сороконожка пробежала по спине вновь н перешла на галоп. Мы отрезаны от матернка! Кое для кого это очень удобно. Я не стал тратить время на размышления о том, кто это сделал,— ясно, что произошло это не по божьей воле, уж это точно.

— Неужели я не ошибаюсь, сержант,— медленно произнес я,— думая, что вы подозревали меня...

— У нас не было другого выхода, сэр.— Теперь он стал просто учтивым. Я был не только трудящимся, я был государственным служащим. Все, кто

*Материком жители небольших островов называют Британские острова. (*Прим. переводчика*)

работает иа правительство, ipso facto** вызывают уважеиие н являются гражданами, заслуживающими доверня.

— Так вы не обндитесь, если мы слегка осмотрнм судно? — Темноволосый таможенник был еще более вежлив, чем сержант.— Лииия оборвана н... ну, вы поннмаете...— Тои его был настойчив, но он улыбался.— Еслн вы похнтители... Теперь-то я понимаю, что это маловероятно, но все же, если мы упустим этот груз, то завтра вылетим с работы. Поймите, это только формальность.

— Я бы ие хотел, чтобы у вас были неприятности, мистер...

— Томас. Благодарю вас. Пожалуйста, документы на судно. Ах, благодарю вас...— Ои передал документы напарнику.— Теперь посмотрнм... Ага, рулевая рубка. Вы позволите мистеру Дюррану сиять там фотокопии? Это займет не более пяти минут.

— Разумеется. Но не будет ли ему удобнее здесь?

— Сэр, нас тоже коснулся технический прогресс. У нас портативиая камера со вспышкой. Можио работать в полной темиоте. Пять миинут — н все готово. А мы пока осмотрим вашу лабораторию, не возражаете?

— Формальность,— сказал он. Что ж, здесь ои был в своем праве, ио осмотр этот был самым неформальным нз всех, какнм мне доводилось подвергаться. Через пять минут после того, как мы оставили Дюрраиа в рулевой рубке, он прнсоединился к нам на корме, и они с Томасом обшарилн «Файркрест» с клотнка до киля, осматрнвая все так, будто нскалн алмаз Кохннор. По крайней мере сиачала. Я должен был давать им пояснения по каждой детали механизмов и электрооборудовання, находящегося в кормовой каюте. Они осмотрели каждый рундук и шкаф для лабораторной посуды. Перерыли кранцы н канаты в большом рундуке возле лабораторни, н я возблагодарил бога, что не осуществил первоначальное свое намерение — спрятать здесь лодку, мотор н акваланг. Онн обследовали даже туалет, будто там я мог спрятать Кохннор.

Большую часть времени они провели в машинном отделении. Здесь они искали особеино тщательно. В машиие все выглядело новым н сверкало чистотой. Два больших стосильных дизеля, дизель-геиератор, генератор питаиия радиоустановки, иасосы для горячей и холодиой воды, котел системы отопления, большие баки для топлива и воды, а также два ряда свинцовых аккумуляторных батарей.

— У вас неплохой резерв, мистер Петерсон,— сказал Томас. Он уже успел выучить мое имя, правда, оно отличалось от того, каким меня крестилн.— Зачем такая мощность?

— Ее даже не хватает. Попробовали бы вы запустить вручиую этн два днзеля. У иас в лабораторни восемь электромоторов — однн раз, на стоянке, когда все онн работалн, мы ие смогли запустить двнгатели. Слншком большая нагрузка. А кроме того, еще центральное отопление, радар, раднoстанция, рулевая автоматика, лебедка, эхолот, навигационные огни...

— Ваша взяла, ваша взяла! — Он стал совсем добрым к тому времеии.— Вообще-то суда не совсем по моей части... Пожалуй, пройдем на нос.

Дальнейший осмотр занял смехотворно мало времени. Мы вернулись в салои, где Ханслетт демонстрировал полиции Торбея гостеприимство «Файркреста». Сержанта Мак-Дональда еще нельзя было назвать живым н общительным, но он казался куда более человечным, чем когда ступнл на борт. Коистебль Мак-Дональд отнюдь не выглядел успокоенным. Он стал еще угрюмее. Может быть, ему не нравилось, что его старнкаи общается с двумя потенциальнымн уголовниками.

— Прошу прощения, джентльмены,— сказал я,— что сурово вас встретил. Мие очень хотелось спать. Может, выпьете что-нибудь перед тем, как отправнтесь?

— С удовольствнем,— улыбнулся Томас.— Мы бы не хотели показаться иевежливыми. Благодарнм вас.

Через пять мннут онн отчалилн. Томас даже не заглянул в рулевую рубку — ведь там уже побывал Дюрран. С нами было все ясно. Официальные слова прощания, н они отчалилн. Их катер, обводы которого были плохо различимы в темноте, показался мне довольио мощным.

— Странно,— сказал я.

— Что странно?

— Да нх катер. Как думаешь, на что он похож?

— Откуда я знаю? — проворчал Ханслетт. Он спал еще меньше, чем я.— Темиота, хоть глаз выколи.

— Вот нменно. Ćлабый свет в рулевой рубке — мы даже не смогли различить, что это за катер,— н ничего больше. Нет освещения на палубе, нет габарнтных огней и даже навнгационных.

— Сержант Мак-Дональд провел в этом порту восемь лет. Тебе нужен фонарь, чтобы найти ночью дорогу в собственной спальне?

— У меня в спальне иет двадцатн яхт н катеров, которые болтаются на якоре. Ветры н течения ие мешают мие, когда я направляюсь в свою спальню. Во всем порту только трн яхты зажгли стояночные огни. Нужно

*В силу самого факта (лат.)

же ему хоть чем-нибудь посветнть, чтобы вндеть, куда его несет.

И у них было чем посветить. С той стороны откуда доносився шум двнгателей, сквозь тьму пробнлся луч. Это был поисковый пятидюймовый прожектор. Он выхватнл нз тьмы маленькую яхту менее чем в ста ярдах по курсу, затем переместнлся вправо, осветил другую яхту н вновь устремился вперед.

— «Странно», говорнщь,— пробормотал Ханслетт.— Свмое подходящее слово в данных обстоятельствах. А что ты думаешь о якобы торбейской полицин?

— Ты разговарнвал с сержантом дольше меня. Я в это время был на корме с Томасом н Дюррвном.

— Я бы предпочел думать по-другому,— как-то нелогично сказал Ханслетт.— Так было бы проще все объяснить. Но у меня ие получается. Это самый натуральный коп старого покроя н, по-вндимому, неплохой служака. Я таких встречал достаточно. Да н ты тоже.

— Да, пожалуй, он настоящий полицейский. И честный,— согласнлся я.— Это дело ие по его части, и он был просто одурачен. Это наше с тобой дело, ио нас тоже одурачили. Теперь ясно, что это так.

— Говори только за себя.

— Томас сделал одно неосторожное замечаине. Необычное замечанне. Ты ие слышал — мы были в мвшинном отделении.— Я поежнлся, потянуло ночным холодком.— Я не прндал этому значения — до тех пор, пока не понял, что онн не хотят, чтобы мы опознали нх катер. Он сказал: «Суда не совсем по моей частн». Вндимо, подумал, что задает слншком много вопросов, н хотел оправдаться. Суда не по его части... Таможенник, а судв не по его части... Да они только н делают, что обыскивают суда! Онн проводят на них всю жнзнь, суют нос во все подозрительные уголки н закоулкн, они знают о кораблях больше, чем самн конструкторы. И еще деталь: ты заметил, как тщательно они были одеты? Будто у ннх кредит на Карнабн-стрнт.

— Но таможенники обычно ие ходят в засаленных халатах.

— Они не снмали эту одежду двадцать четыре часа. Они уже обыскали трнмадцать лодок за это время! Сохраннл бы ты острые как лезвия стрелки на брюках после такой работы? Илн все же похоже, что онн только что сняли их с вешалкн?

— Что еще они говорилн? Что делали? — Ханслетт говорнл так спокойно, что я услышал, как стук моторв катера таможенников стнх возле пирса.— Проявляли особый ннтерес к чему-нибудь?

— Они проявляли особый ннтерес ко всему. Погодн-ка... Томас заинтересовался бвтареями, тем, что у нвс большой резерв нсточников тока.

— В свмом деле? А ты обратил вннмвние, с какой легкостью нвши друзья-таможеннникн перемвхнули на борт своего катера?

— Просто они проделывали это тысячу раз.

— У них у обонх не были заняты руки. Они ничего не несли. А они должны были кое-что нести.

— Фотоаппарат. Я старею.

— Фотовппарат. Техннческий прогресс нх коснулся, черт нх побрал! Значит, если иаш светловолосый друг не был занят фотографней, он заннмался чем-то другим.

Мы двннулнсь в рулевую рубку. Ханслетт выбрал гаечный ключ в ящике для ннструментов, стал сннмвть лицевую панель нашей радиостанцин. Это заняло у него шестьдесят секунд. Пять секунд он осматривал внутренности, потом еще столько же смотрел на меня, н стал зввннчивать болты пвнели на место. Было совершенно ясно, что еще очень долго мы не сможем пользоваться этим радиопередвтчиком.

Я отвернулся к иллюмнивтору н стал вглядываться в темноту. Ветер все усиливался, темная поверхность моря начала чуть светлеть, белые буруны бежали с зюйд-веста. «Файркрест» натянул вздернутым иосом якорную цепь и медленно двигался по дуге по действнем прилнвного течения. Я страшно уствл, но глаза все еще вндели ясио. Хвнслетт предложнл мне снгврету. Мне не хотелось, но я взял. Кто зиает, может это заставнт меня лучше соображать. Я удержал его запястье, вгляделся в ладонь.

— Где это ты порезался?

— Я не порезался.

— Дв, я знвю. Но у тебя нв лвдонн кровь. Так значит, это Дюрран... Я не удивлюсь, если он брал уроки у профессора Хиггинса*. Стандвртный южный выговор на «Нантствилле» н северо-нрландский на «Файркресте». Интересно, сколько еще акцентов у него в запвсе? А я-то еще подумал, что он начинвет полнеть. Да его прямо распиралн мышцы. Ты заметил, что он нн разу не снял перчаток, даже когда мы предложнлн выпить? Не хотел демонстрнровать рану от моего ножа.

— Я лучший наблюдатель нз тех, что тебе когда-нибудь попадались. Еслн меня трахнуть по башке клюшкой, то это я звмечу,— зло проговорнл он.— Но почему он сновв не нвпал на тебя? Побоялся свндетелей?

— По двум соображенням. Он не мог ничего поделвть, пока копы были здесь. Копы-то настоящие, как мы уже решилн. Тогда нм пришлось бы прнкончить н полнцейскнх. Только сумасшедшнй нн с того нн с сего будет убнвать полнцейского, а этнм мвльчнкам в разумности не откажешь.

— Но зачем они связались с копамн?

— Ореол респектабельности. Коп вне подозрений. Когда полнсмен в форме выставляет свою фурвжку нз-зв планшнра ввшего судна, вы ие трвхнете его по голове свайкой. Вы прнгласнте его на борт. Всех остальных вы можете трахнуть, особенно, если совесть у вас не совсем чиста.

— Может быть. Это разумио. А второй пункт?

— У них был последний швнс, отчаянный шанс, связанный с Дюррвном. Его нспользовалн как прнмаику, чтобы посмотреть, какая будет ревкция, не опознаем ли мы его.

— Но почему нменно Дюррвна?

— Ах да, я тебе не рвссказывал... Я ослепнл его светом фонаря. Лнца я не вндел, так, белое пятно с прищуренными глазамн. Я смотрел нже, выбнрая подходящую точку для удврв. Но они этого не зиают. И поэтому они решили проверить, опознаем ли мы его. А мы ие опозналн. Иначе мы бы подняли внзг, сталн бы кидать в него посудой н требовать у копов, чтобы, они его арестовалн,— еслн мы протнв ннх, значит, заодно с полнцией. А мы ничего. Нн малейшего иамека на то, что узнали его. Что может быть лучше! Они не могут представнть, что человек, который встретил бандита, только что убившего двух его друзей н чуть не убнвшего его самого, прн встрече даже бровью не повел. Итак пороть горячку нет резонв. Сто процентов нз ств, что еслн мы не узналн Дюррана, то не узнаем никого другого на «Наитсвнлле», и не станем трезвонить в Интерпол.

— Ты думаешь, мы вне подозрений.

— Я молил бы бога, если бы так. Но они вышлн нв нвс.

— Но ты же сказвл...

— Я не знаю, почему я в этом уверен,— сказал я раздраженно.— Но я чувствую. Оин обшврнли корму «Файркреств», как нгрок на скачках, который выиграл в тройном заезде, ио потерял купон. Затем посреди осмотрв в машнниом отделении — раз! — н они больше ничем не интересуются. По крайней мере Томас. Он что-то нвшел. Ты видел его после в салоне. В носовых каютвх, на палубе. Он не мог бы проявить меньше внимвния.

— Батареи?

— Нет. Он был удовлетворен монм объяснением. Этого я тоже не могу объяснить. Не знвю почему, но только в этом я уверен.

— Итак они вернутся.

— Да они вернутся.

— Я пойду достану оружне.

— Не надо торопиться. Нашн прнятели уверены, что мы нн с кем не можем связаться. Корвбль с контннента прнходит сюда только два раза в неделю. Он был сегодня и вернется через четыре дня. Телефонный кабель перерезан, н если я хоть нв минуту поверю, что его скоро починят, то меия следует отправить в детскнй сад. Наш передатчик выведен нз строя. Полагаю в Торбее нет почтовых голубей. Квкие еще средствв связи остаются?

— Есть еще «Шаигрн-Ла» — ближвйшее к нам судно, белоснежная

*Персонаж пьесы Б. Шоу «Пигмалион». (Прим. переводчика)

яхта длниой в сто двадцать футов. Ее владелец иаверняка не пошел проснть милостыню после того, как отвалнл за нее четверть мнллиона фунтов стерлингов.— У иее иа борту радиоаппаратуры иа две тысячи совереиов. Кроме того, здесь есть еще две-трн яхты достаточио большне, чтобы нметь передатчикн. У остальных только приемники.

— А сколько исправиых радиопередатчиков останется в Торбее к утру?

— Одии.

— Одии. Наши друзья посетят н другие яхты. Они должны это сделать. А мы ие можем никого предупреднть. И ие можем убраться отсюда.

— Заинтересованиые лнца могут помешать этому.— Ои взглянул на часы.— Самое подходящее время, чтобы разбудить дядюшку Артура.

— Больше откладывать нельзя.— О том, что будет после разговора с дядюшкой Артуром, я старался не думать.

Ханслетт потянулся, снял с вешалкн теплый бушлат и остановнлся в дверях одеваясь.

— Думаю мие лучше погулять на палубе, пока вы разговарнваете. На всякий случай. И еще, оружие лучше держать наготове. Томас сказал, что они уже обыскали трн яхты в этом порту. Мак-Дональд не возразил, значит, так оио н есть. Может, в Торбее уже иет исправных передатчиков. Может, наши друзья уже высаднли копов на берег и теперь возвращаются прямиком к иам.

— Может быть. Хотя остальные яхты меньше «Файркреста». Кроме нас, только у «Шангрн-Ла» отдельная рулевая рубка. Все остальные держат передатчики в салоне. Сиачала нужно трахнуть владельца по голове, а уж потом лезть к передатчнку. Прн Мак-Дональде оии на это не пойдут.

— Ты готов держать пари на свою будущую пенсию? Может быть, Мак-Дональд ие всегда поднимается иа борт.

— Я не доживу до пенсни. Но, пожалуй, тебе лучше взять пистолет.

«Файркресту» было чуть больше трех лет. Саутгемптонская верфь и фирма, производящая судовую радиоаппаратуру, объедннились, чтобы воплотить хитроумный замысел дядюшки Артура. Хитрость состояла в том, что хотя у «Файркреста» было два виита и два гребных вала, двнгатель был один. Два корпуса двнгателя, но двигатель только один. Достаточно вручную отвериуть четыре болта в крышке (остальные болты — бутафория) правого двигателя, чтобы снять головку блока вместе с топливиыми шлангами и форсунками. С помощью передатчнка, который заннмает восемьдесят процеитов объема в корпусе двигателя, н семнадцатнфутовой телескопической антенны, спрятанной в алюмииневой носовой мачте, можно послать снгнал хоть иа луну — Томас правильио заметил, что у нас достаточный резерв мощности. Но я не собнрался подавать снгнал на луну, мне надо было связаться с лондонским оффнсом дядюшки Артура.

Оставшиеся двадцать процентов объема былн заполнены коллекцией предметов, способных заставнть задуматься комнссара Скотланд-Ярда. Тут было несколько готовых к употреблению взрывных устройств из пластичиой взрывчатки, механические н хнмическне детонаторы, соедниенные с мнниатюрными часовымн механизмамн с диапазоном действня от пятн секунд до нескольких минут н снабженные прнсосками; прекрасный набор воровскнх ннструментов, связки отмычек, несколько хнтроумных подслушнвающих устройств, включая и то, которым можно выстрелить нз специального пнстолета; нмелось несколько упаковок иевннно выглядящнх таблеток — утверждают, что еслн броснть нх в стакаи какогонибудь доверчнвого типа, тот потеряет сознанне на несколько часов; вдобавок было здесь еще четыре пистолета и ящик боепрнпасов. Чтобы нспользовать все это богатство в одной операции, прншлось бы потратить уйму временн. Два пистолета былн системы «Люгер», еще два — немецкий «Лнлнпут» калнбра 4,25— это самый миниатюрный автоматическнй пнстолет нз тех, что ныие пронзводятся. У «Лнлипута» то пренмущество, что его можно спрятать на себе в любом месте, даже с внутренней стороны левого рукава прн помощи натяиутой резинки — еслн, конечно, вы не шьете костюмы на Карнабн-стрит.

Хаислетт взял однн нз «Люгеров», дослал патрон в ствол н тут же вышел. Нет, он не услышал чьнх-лнбо шагов иа палубе, ои просто не хотел иаходнться поблизости, когда иа связн будет дядюшка Артур. Я не мог его упрекнуть. Мие тоже хотелось бы быть подальше отсюда в таком случае.

Я подключил два изолированных кабеля, защелкнул мощные зажнмы на полюсах батарен, нацепил иаушники, включил передатчик и нажал кнопку вызова. Мне не нужно было крутить верньер настройки — передатчик имел фнксированиую частоту для работы иа УКВ, так что мы могли обходиться без квалифнцированного радиста.

— Говорит станция СПФ-ИКС,— донесся голос.— Станция СПФ-ИКС.

— Доброе утро. Говорнт Каролина. Могу я поговорнть с шефом?

— Будьте добры подождать.— Это означало, что дядюшка Артур еще в постелн. Он никогда не встает так рано. Прошло три минуты, и телефоны снова ожили.

— Доброе утро, Каролнна. Говорит Аннабель.

— Доброе утро. Координаты 481— 281.— Вы никогда не найдете такне координаты в самом большом атласе н в дюжине приложенний к нему. Но у дядюшки Артура была специальная карта. И у меня тоже.

— Я иашел вас, Каролина,— сказал он после паузы.— Продолжайте.

— Я выяснил, где находится потерянный корабль. В четырех или пяти мнлях отсюда к норд-осту. Ночью я был иа борту корабля.

— Где вы былн, Каролина?

— Я был у них иа борту. Старая команда распущена. На борту новый экнпаж. Сокращенный.

— Вы иашли Бетти и Дороти? — Хотя у обоих нз нас микрофоны былн снабжены устройствами, исключающими подслушиванне, дядюшка Артур настанвал, чтобы мы разговарнвали околичностямн, нспользуя кодовые нмена для своих подчнненных и для него самого. Он предпочитал женскне нмена, ннициалы которых совпадалн с нашимн. Дурацкая прнчуда, ио мы обязаны были о ней помнить. Он был Аннабель, я Каролиной, Бейкер н Дельмонт — Бетти и Доротн, а Ханслетт — Харрнэт. Это звучало, как серня предупреждений о карибских ураганах.

— Я нашел нх,— сказал я, глубоко вздохнув.— Онн не вернутся домой, Аннабель.

— Онн не вернутся домой,— автоматнческн повторнл он. Он молчал так долго, что я решил, что он ушел нз эфнра. Затем он сиова появнлся, голос его был далеким и отсутствующим.— Я вас предупреждал об этом, Каролнна.

— Да, Аинабель, вы меня предупреждалн.

— А судио?

— Ушло.

— Куда ушло?

— Не знаю. Просто ушло. Предполагаю, что на север.

— Вы предполагаете, что на север...— Дядюшка Артур никогда не повышал голоса, он был всегда спокоен н беспрнстрастен, лишь необычное многословие выдавало то, что он разъярен.— Куда на север? К Исландии? В иорвежские фиорды? Или оно производнт грузовые перевозки на площади в миллион квадратных миль между Атлантикой и Баренцевым морем? Вы просто упустили его. После стольких тревог, планов, затрат, вы упустнли его! — Он мог сколько угодно разоряться по поводу плаиов — ведь план от начала до конца был разработан мной.— И еще Бетти и Доротн...— Последние слова означали, что он овладел собой.

Я рассказал ему все, и после этого он сказал:

— Я все понял. Вы упустили корабль. Вы потерялн Бетти и Дороти. И теперь наши друзья знают о вас, значит, последннй элемеит секретности утрачен навсегда. И все результаты, которые вамн были получены, полностью перечеркнуты.— Он помолчал.— Буду ждать вас в управлении в десять часов вечера. Скажите Харриет, чтобы доставила яхту иа базу.

— Да, сэр.— Черт с ией, с Аннабель.— Я ждал этого. Я ошибся. Я подвел вас. Меня обыграли.

— В девять вечера. Я жду вас.

— Вам долго придется ждать, Аннабель.

— Что вы хотите этим сказать?

— Здесь не летают самолеты, Аннабель. Почтовое судно придет через три дня. Погода испортилась, и я бы не стал рисковать нашей яхтой, чтобы пробиться к континенту. Похоже я застрял здесь надолго.

— Вы что, за дурака меня принимаете? — Похоже, что так оно и было.— Высадитесь на побережье. Вертолет спасательной службы заберет вас в полдень. В девять вечера в моем кабинете. И не заставляйте меня ждать.

Вот так-то. Но я предпринял еще одну попытку:

— Не могли бы вы дать мне еще двадцать четыре часа, Аннабель?

— Не смешите меня. И не тратьте зря время. До свидания.

— Я прошу вас, сэр!

— Я был о вас лучшего мнения. До свидания.

— До свидания. Может, мы еще и встретимся когда-нибудь. Хотя вряд ли. Прощайте.

Я выключил радио, закурил и стал ждать. Вызов пришел через полминуты. Я выждал еще полминуты и включил радио. Я был совершенно спокоен. Он ухватил приманку.

— Каролина? Это вы, Каролина? — В его голосе слышалась нотка заинтересованности. Событие, достойное занесения на скрижали.

— Да.

— Что вы сказали? В самом конце?

— До свидания. Вы сказали «до свидания». Я сказал «до свидания».

— Не играйте со мной, Каролина!

— Я больше не служу у вас. В моем контракте оговорено, что я могу уволиться в любой момент, если только не участвую в это время в операции. Вы вызываете меня в Лондон, значит, освобождаете меня от участия в операции. Заявление появится на вашем столе с первой же почтой. Бейкер и Дельмонт не были вашими друзьями. Они были моими друзьями. Вы имеете наглость сидеть там и возлагать на меня вину за их смерть, в то время как вы, черт побери, прекрасно знаете, что план любой операции утверждается лично вами! И теперь вы лишаете меня последней возможности свести счеты. Меня тошнит от вашей бездушной конторы. Прощайте!

— Подождите минуту, Каролина.— В его голосе появилась, пожалуй, нота сочувствия.— Не стоит совершать опрометчивые поступки.— Я уверен, что никто до сих пор не разговаривал с контр-адмиралом сэром Артуром Эрнфордом-Джейсоном в подобном тоне, но в то же время не заметно было, чтобы он был этим обескуражен. Он хитер как лис, а его бесконечно трезвый и проницательный мозг перебирает и сортирует варианты со скоростью компьютера. Он мог позволить мне какое-то время вести в счете, зная, что всегда сумеет одержать верх. Наконец он сказал спокойно: — Вы не из тех, кто вешает голову и распускает нюни. Видимо, вы решили что-то предпринять?

— Да, сэр. Я решил кое-что предпринять.— Одному богу было известно, что я решил предпринять.

— Я вам дам двадцать четыре часа, Каролина.

— Сорок восемь.

— Сорок восемь. Но затем вы вернетесь в Лондон. Вы даете мне слово?

— Я обещаю.

— И еще, Каролина...

— Слушаю, сэр.

— Мне не нравится такая манера разговора. Я уверен, что мы никогда не возвратимся к ней.

— Нет, сэр. Простите, сэр.

— Сорок восемь часов. Докладывайте мне в полдень и в полночь.— Щелчок. Дядюшка Артур отключился.

Когда я вышел на палубу, уже светало. Холодный косой дождь покрывал брызгами поверхность моря. «Файркрест» медленно поворачивался по дуге в сорок градусов, сильно натягивая цепь, и я подумал о том, сколько еще эта чертова цепь сможет удерживать на глубине резиновую лодку, мотор и акваланг при такой качке.

Хanслетт лежал на носу, устроив себе ложе из всех теплых вещей, что были на борту. Когда я подошел, он посмотрел на меня и спросил:

— Как тебе это нравится?

Он указал на бледно светящийся на фоне неба контур «Шангри-Ла», которая так же, как и мы, болталась на якоре. В носовой части горели яркие огни — там, где была рулевая рубка.

— У кого-то бессонница,— сказал я.— Или проверяют, не тащит ли их якорь по дну. Уж не думаешь ли ты, что это наши друзья орудуют ломом в их передатчике? Может быть, они оставляют огни на всю ночь.

— Они появились десять минут назад. А теперь, смотри — погасли. Интересно... Как ты поговорил с дядюшкой?

— Плохо. Сначала он смешал меня с грязью, потом отошел. У нас есть сорок восемь часов.

— Сорок восемь часов? Что ты сделаешь за эти сорок восемь часов?

— Бог его знает. Сначала высплюсь. И ты тоже. Сейчас уже слишком светло для посетителей.

Проходя через салон, Хanслетт сказал как бы между прочим:

— Я все соображаю... Как тебе показался констебль Мак-Дональд? Младший.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, он был каким-то угрюмым, подавленным. Как будто у него был камень на сердце.

— Может быть, он похож на меня. Может, он тоже не любит вставать посреди ночи. Может, у него неприятности с девушкой, а в таком случае должен тебе сказать, что любовные дела констебля Мак-Дональда меня не касаются. Спокойной ночи.

Я должен был прислушаться к тому, что сказал Хanслетт. Ради самого же Хanслетта.

Глава третья

ВТОРНИК, 10 ЧАСОВ УТРА — 10 ЧАСОВ ВЕЧЕРА.

Ровно через три часа после того, как я провалился в сон, меня разбудили. Да, все-таки разбудили. Надо быть в стельку пьяным или покойником, чтобы не проснуться от этих воплей и грохота, если они раздаются в каких-нибудь двенадцати дюймах от вашего левого уха.

— Эй там, на «Файркресте»! Эй там! — И бум-бум по корпусу яхты.— Могу я подняться на борт? Эй, эй, эй!!

Я проклял этого плавучего идиота от всей своей души, насильно вырванной из сна, с трудом опустил непослушные ноги на палубу и встал с койки. И чуть было не упал: мне показалось, что у меня только одна нога. А шея болела просто нестерпимо. Взгляд в зеркало подтвердил, что внешность вполне соответствует самочувствию.

Я приоткрыл дверь в коридор. Слышно было, как храпел во сне Хanслетт. Я вернулся к себе и стал возиться с халатом и шотландским шарфом. Слышно было, как наверху закрепляют швартовы,— если не поспешишь, незванный гость может застать меня врасплох.

Одинокий ветер уныло дергал басовые струны такелажа, и, гонимые ветром, шли однообразной грядой волны — достаточно высокие, чтобы выход в море на сравнительно небольшой яхте стал делом не только трудным, но и опасным.

Не менее трудно и опасно это было и для катера, который болтался на волнах бок о бок с нами. Он был невелик — меньше, чем могло показаться с первого взгляда,— но все же достаточно солиден, чтобы иметь застекленную каюту на носу, рулевую рубку, напичканную всякими переключателями и светящимися циферблатами, которые не посрамили бы кабину стратегического бомбардировщика, а на корме — низко посаженный кокпит, где могла бы с комфортом принимать солнечные ванны целая футбольная команда. На палубе находились три матроса в черных дождевых накидках и фасонистых французских бескозырках с черными лентами; двое из них цеплялись баграми за стойки ограждения «Файркреста». Полдюжины больших надувных кранцев не допускали, чтобы «Файркрест» коснулся своей плебейской обшивкой безупречной лаковой белизны корпуса катера. Мне не было нужды читать надписи на бескозырках матросов, чтобы узнать катер, обычно подвешенный на кормовых талях «Шангри-Ла».

На мостике стоял коренастый мужчина в шикарном белом кителе с блестящими пуговицамн, над головой он держал зонтик, при виде которого библейский Иосиф позеленел бы от завнсти; увидев меня, этот опереточный моряк перестал барабанить по обшивке «Файркреста» и уставился на меня.

— Ха! — кашлянул он, словно проталкивая застрявшие в глотке слова.— Наконец-то! Нельзя же столько копаться, приятель. Я совсем промок, просто насквозь.— Несколько темных пятнышек выделялись на белоснежном рукаве.— Могу я подняться на борт?

Не дождавшись разрешения, он перепрыгнул через ограждение с удивительной для его лет и сложения легкостью и протиснулся в нашу рулевую рубку впереди меня — что было эгоистично с его стороны, поскольку он был с зонтиком, а я в одном халате. Я прошел следом и закрыл дверь.

Он был коренаст и крепко скроен, лет этак пятидесяти, с загорелым скуластым лицом, на котором выделялись кустистые брови, длинный прямой нос и рот, казалось, застегнутый на «молнию». Привлекательный малый — если вам нравятся люди подобного типа. Темные колючие глаза осмотрели меня с ног до головы и, если мне и удалось произвести на него впечатление, то он сумел скрыть это.

— Простите мою медлительность,— извинился я.— Слишком мало спал. Ночью нас посетили таможенники, и после этого я уснуть не мог.

Никогда не лгите, если есть хоть малейшая вероятность, что правда выплывет наружу,— и заработаете репутацию безукоризненно честного человека.

— Таможенники! — прошипел он так, словно хотел сперва сказать «тьфу!» или «чепуха!», но передумал.— Банда невыносимых нахалов! Да еще посреди ночи... Надо было вышвырнуть их за борт. Пусть бы там и болтались. Невыносимо! Какого черта им было нужно?

Похоже, в прошлом он имел столкновения с таможней.

— Они искали похищенные химикаты. Ограбление где-то в Айршире. Пропавшее судно.

— Идиоты! — Он махнул похожей на плавник рукой, посылая последнее проклятие таможенникам, и счел вопрос исчерпанным.— Скурос. Сэр Энтони Скурос.

— Петерсон.— Его рукопожатие не было мощным, но оно заставило меня поморщиться — из-за колец, которыми были унизаны его пальцы. Я не удивился бы, увидев несколько штук и на большом пальце, но он, видимо, просто забыл о нем.— Сэр Энтони Скурос... Я слышал о вас, разумеется.

— Наверное, ничего хорошего. На родине меня не любят за то, что я всех их презираю. Они говорят, что я — плохой киприот, что свои миллионы я нажил благодаря жестокости. И это правда. Греческое правительство заставило меня покинуть Афины. Это тоже правда. Я стал британским подданным и купил титул. Это тоже истинная правда. Деньги могут все. В будущем я, пожалуй, стану баронетом, но пока рынок еще не созрел. Цены должны упасть. Могу я воспользоваться вашим передатчиком? Я вижу, он у вас имеется.

— Что имеется? — Внезапный вопрос застал меня врасплох, что было и неудивительно после бессонной ночи.

— Ваш передатчик, приятель! Вы что, не слышали новостей? Пентагон прикрыл несколько важных проектов. Цены на сталь падают. Мне нужно связаться с нью-йоркским маклером.

— Простите. Конечно, пожалуйста... но... но ваш собственный передатчик? Разумеется...

— Он не работает.— Его губы сжались еще сильнее, и в конце концов произошло невероятное: его рот исчез совсем.— Это срочно, мистер Петерсон.

— Сию минуту. Вам приходилось иметь дело с этой моделью?

Он снисходительно улыбнулся — уверен, иначе улыбаться он и не умел. Его, владельца супер-радиостанции на «Шангри-Ла», спрашивать, управится ли он с нашим простеньким аппаратом,— это все равно, что спросить у капитана реактивного авиалайнера, сможет ли он пилотировать планер.

— Думаю, что управлюсь, мистер Петерсон.

— Позовите меня, когда закончите. Я буду в салоне.

Он позовет меня прежде, чем кончит, и даже до того, как начнет. Но этого я ему не мог сказать. Всему свое время. Я спустился в салон, посмотрел было на бритву, но решил не затевать этого — все равно побриться я не успею.

Так оно и вышло. Он появился в дверях минуту спустя. Вид у него был недовольный.

— Ваш передатчик неисправен, мистер Петерсон.

— Это одна из старых моделей, на ней не просто работать,— сказал я тактично.— Может быть, я сам...

— Я сказал, что передатчик неисправен. Значит, он неисправен.

— Проклятье! Но ведь он работал...

— Может быть, вы сами убедитесь?

Я убедился. Я крутил все, до чего только мог дотянуться. Бесполезно.

— Что-то с питанием,— предположил я.— Я проверю...

— Не будете ли вы добры снять лицевую панель?

Я тупо уставился на него. Затем постепенно придал лицу осмысленное выражение.

— Вы что-то знаете, сэр Энтони. Что-то, чего я не знаю.

— Сами увидите.

И я увидел. И, разумеется, не стал скрывать изумления, недоверия, а затем и негодования. Наконец я сказал:

— И вы знали. Откуда вы знали?

— А вы не догадываетесь?

— Ваш передатчик,— сказал я медленно.— Бьюсь об заклад, он сломан. Те же самые ночные посетители.

— И то же самое на «Орионе».— Его рот опять исчез.— Единственное кроме нас с вами судно, на котором был передатчик. Искурочен. Примерно так же как и ваш.

— Искурочен? Так же, как и наш? Но боже мой — это мог сделать только сумасшедший!

— Так ли? Разве похоже на сумасшедшего? Я кое-что понимаю в этом. Моя первая жена...— Он оборвал себя на полуслове, тряхнул головой и медленно продолжил: — Безумец поступает необдуманно, бесцельно, его поведение непреднамеренно. А это лишь кажется бесцельным, но тут был определенный метод и конкретная цель. Тут все продумано. Спланировано. И имело причину.

— Вы говорили о Нью-Йоркской бирже...

— Мелочь,— сказал он равнодушно.— Конечно, никто не любит терять деньги...— Особенно, когда речь идет о миллионах, подумал я.— Нет, мистер Петерсон, причина не во мне. Имеется некто А и некто В. Для А жизненно важно иметь постоянную связь с материком. Для В — чтобы А этой связи не имел. Поэтому В предпринимает некоторые шаги. Что-то очень необычное происходит в Торбее. И очень важное. У меня нюх на такие дела.

Он был не глуп — так ведь дураки редко кончают свои дни мультимиллионерами. Я сам бы не мог рассуждать правильнее.

— Вы уже сообщили в полицию? — спросил я.

— Собираюсь туда сейчас. После того, как позвоню в два-три места.— Его глаза внезапно стали мрачными и холодными.— Если только наши друзья не сломали обе телефонные будки на центральной улице.

— Они поступили умнее: перерезали линию связи с материком. Где-то за Зундом. Никто не знает, где точно.

Он посмотрел на меня, шагнул было к двери, потом снова обернулся — лицо его ничего не выражало.

— Откуда вы можете это знать? — Его тон соответствовал выражению лица.

— Мне сообщили полицейские. Они были здесь ночью вместе с таможенниками.

— Полицейские? Черт побери! Что здесь понадобилось полиции? — Он помолчал, разглядывая меня своими холодными оценивающими глазами.— Личный вопрос, мистер Петерсон. Не считайте меня бесцеремонным. Просто, чтобы не было недоразумений. А что вы делаете здесь? Не обижайтесь.

— Какие могут быть обиды. Мы с другом морские биологи. Научная экспедиция. Судно не наше — оно

принадлежит Министерству сельского хозяйства и рыболовства.— Я улыбнулся.— У нас есть соответствующие документы, сэр Энтони.

— Биология моря, да? Можно сказать, что это мое хобби. Я, разумеется, дилетант. Мы еще поговорим об этом.— Он говорил с отсутствующим видом, мысли его витали где-то в иных сферах.— Вы не могли бы описать полицейского, мистер Петерсон?

— Когда я закончил, он кивнул:

— Да, это он, несомненно. Глупо, как все это глупо... Придется поговорить об этом с Арчи.

— Арчи?

— Сержант Мак-Дональд. Я уже пятый сезон отдыхаю здесь, в Торбее. Ни Средиземное море, ни Эгейское не идут ни в какое сравнение с этими водами. Я тут знаком практически со всеми. Он был один?

— Нет. Еще молодой констебль, его сын. Этакий меланхолик.

— Питер Мак-Дональд. У него есть причина быть меланхоликом, мистер Петерсон. Его младшие братья, шестнадцатилетние близнецы, погибли недавно. Учились в школе в Инвернессе, пропали во время бурана в Кайнгормсе. Большая трагедия. Я знал обоих. Отличные ребята.

Я произнес несколько соответствующих фраз, но он не услышал.

— Я должен заняться своими делами, мистер Петерсон. Оставим эти загадки Мак-Дональду. Но не думаю, что он многого достигнет. Что ж, тогда придется отправиться в небольшое путешествие.

Я посмотрел в иллюминатор: все те

же мрачные небеса, белесое от пены море, пролнвной дождь.

— Вы убьете иа это целый деиь.

— Чем хуже, тем лучше. Это не бравада. Как н всякий нормальный человек я предпочитаю плавать в хорошую погоду, а не в бурю. Но я установнл два новых стабнлизатора на верфн в Клайде — мы два дня как оттуда — и теперь самая подходящая погода, чтобы испытать их.— Ои иеожиданно улыбнулся и протянул руку.— Извнните за вторжение. Я отнял у вас слишком много временн. И вндимо, был чересчур резок. Это со миой бывает. Не согласитесь лн вы с вашим коллегой пообедать у меня на борту? Часов этак в восемь. Я пришлю за вами катер.

Это было нечто большее, чем приглашение на обед, который будет наверняка приятнее, чем осточертевшая фасоль Ханслетта; это было прнглашение, которого тщетно добивались многие высокопоставленные семейства королевства: не секрет, что для сливок высшего общества получнть прнглашение иа уик-энд к Скуросу, на его остров вблнзн берегов Албанин, все равио что стать обладателем патента, удостоверяющего их арнстократическое пронсхожденне. Скурос не дождался от меня ответа — да он н не ждал его. Я его ие осуждаю. Слншком давно Скурос уверился в том, что нет на свете человека, способного отвергнуть его приглашение.

* * *

— Вы хотнте рассказать мие о вашем сломанном передатчнке и спроснть, что я собираюсь, черт возьмн, теперь делать? — сказал сержант Мак-Дональд устало.— Что ж, мистер Петерсон, я уже знаю об этом. Сэр Энтони Скурос был здесь полчаса назад. Сэр Энтони рассказал достаточно. И мистер Кэпбелл, владелец «Орионa», только что ушел. Ему тоже было что сказать.

— Что касается меня, сержант, я человек немногословный.— Я постарался изобразнть несколько виноватую улыбку.— Еслн, конечно, таможеннники н полиция не вытаскнвают меня нз постелн среди ночн. Я вижу, наши друзья уже ушли?

— Сразу же, как высадилн нас на берег. Эти таможеннники чертовскн надоедливы! — он тоже был не прочь поспать несколько часов.— Поверьте, мнстер Петерсон, я не знаю, что делать с вашим сломанным передатчиком. Ума не прнложу, кому н для чего понадобнлось проделывать эту гнусную штуку.

— А я-то хотел спроснть об этом у вас.

— Я могу отправиться с вами на яхту,— задумчиво сказал Мак-Дональд.— Могу взять блокнот, могу поискать там улнки. Но я н сам не знаю, что нскать. Может быть, еслн бы я что-нибудь понимал в дактилоскопии н крнминалистике, умел пользоваться мнкроскопом, тогда я бы н нашел что-то, может быть. Но я в этом не разбнраюсь. Я провинциальный полнцейский, а не какой-нибудь сыщик. Тут работа для Скотланд-Ярда или хотя бы для парней нз Глазго. Но я не думаю, что оии прншлют сюда детективов, чтобы копаться в разбнтых радиолампах.

— Старик Скурос может поднять шум.

— Как вы сказали?

— Ои достаточно влнятелен. И он тоже пострадал. Если Скурос захочет, чтобы полиция зашевелилась, то я, черт поберн, уверен, что он этого добьется. Если ему что понадобнтся, если ему ударнт в голову, ои покажет им свой характер, я уверен.

— В иашем залнве еще не появлялся человек лучше н добрее,— мягко сказал Мак-Дональд. Его суровое загорелое лицо могло прн желанни не выражать абсолютно ннкаких чувств, но сейчас он, похоже, ие хотел прнтворяться.— Может быть, мы с ним по-разному смотрим иа вещи. Может быть, ои ловкнй н жестокнй делец. Может быть, как пншут в газетах, его частная жизнь не является образцом для подражания. В этом я ие разбнраюсь. Но если вы станете искать в Торбее человека, который скажет о нем плохо, вы только иоги понапрасну собьете, мнстер Петерсон.

— Вы не так меня пояили, сержант,— сказал я.— Я ведь его совсем не знаю.

— Не знаете. А мы знаем. Видите? — Он указал через боковое окно полицейского участка иа деревянное здание в шведском стиле возле пнрса.— Это иаш сельский клуб. Городской клуб — так его у нас называют. Его построил сэр Энтонн. А те шесть коттеджей на холме? Это для престарелых. И снова сэр Энтони, все до последнего пенни нз его собственного кармана. Кто возит школьннков на Обанскне Игры? Сэр Энтоин на «Шангрн-Ла». Все благодаря его доброте, а теперь он еще собнрается построить здесь верфь, чтобы дать работу молодежи Торбея — нм больше некуда податься с тех пор, как здесь перестали промышлять рыбу.

— Да, молодец старик Скурос,— сказал я,— Похоже ои возлюбнл эти места. Благословенный Торбей... Надеюсь, он купнт мне новый передатчик.

— Я буду настороже, мнстер Петерсои. Большего я обещать ие могу. Но если что-ннбудь услышу или увнжу,— я дам вам знать.

Я поблагодарнл его и вышел. Мне незачем было сюда прнходить, но было бы подозрительно, если бы я ие добавил и свою мольбу в общий хор обиженных.

Счастье мое, что я не полеиился это сделать.

Во время дневного сеанса связн с Лондоном слышимость была отвратительная. Не столько потому, что ночью проходнмость волн лучше, чем днем, сколько нз-за того, что я не мог воспользоваться иашей телескопической антенной. Но все же слышно было достаточно хорошо, чтобы различать деловнтый н оживленный голос дядюшки.

— Ну, Каролииа, мы иашлн наших пропавших друзей,— сказал он.

— Сколько? — спросил я. Двусмысленные высказывания дядюшки Артура не всегда столь понятны, как он полагает.

— Двадцать пять.— Это был весь бывший экипаж «Нантсвилла».— Двое довольио тяжело ранены, ио онн выкарабкаются.— Я вспомнил кровавые лужн в каютах механнка н капитана.

— Где? — спросил я.

Ои дал мне координаты. Прямо к северу от Уэксфорда. «Нантсвилл» шел нз Брнстоля, он был в пути лишь несколько часов, когда это случилось.

— Тот же метод, что и в предыдущих случаях,— продолжал дядюшка Артур.— Их держалн в заброшенном фермерском домнке два дня. Достаточно еды и питья и даже одеяла на случай холодов. На третье утро оин проснулись и увнделн, что охрана нсчезла.

— Не было ли каких-нибудь особенностей в методе захвата... наших друзей? — Я чуть было не назвал «Нантсвилл». Дядюшке Артуру это бы не понравилось.

— Ннкаких. Нельзя сказать, что они отлнчаются изобретательностью. Сначала внедряют своего человека на борт, потом нспользуют тонущую рыбацкую лодку, вдруг появляется больной с аппендицитом. Я думаю, скоро онн начнут повторяться. До сих пор они еще не повторялись — на этот раз они впервые провелн операцию в иочное время. Судно с пробонной в иосу, все топливо вытекло на поверхность, спасательный плотик, н на нем десять человек, терпящих бедствие. Остальное вы знаете.

— Да, Аннабель.— Я знал остальное. Спасенные поднялись на борт с крнками благодарности, потом выхватилн пнстолеты, окружнли экипаж, надели всем на головы темные мешкн, чтобы те ие смоглн узнать корабль, вызванный по радио, переправили экипаж на борт этого нензвестного судна, а затем высадили нх где-то иа пустынном берегу и двое суток держали в заброшенном фермерском доме. Всегда они нспользуют заброшенную ферму. И всегда в Ирландии — трн раза в северной части, а теперь уже второй раз иа юге. Новый экипаж тем временем ведет похнщенное судно бог весть куда, а первые вести о нападенни поступают лншь через два-три дня, когда освобожденные моряки доберутся до телефоиа.— А Беттн н Доротн? — спроснл я.— Они оставалнсь на борту, когда остальной экипаж сняли с судна?

— Думаю, что да. Хотя точио не знаю. Подробности выясияются, н побеседовать с капитаном не разрешают врачи.— Только капитан знал, кто

такие Бейкер и Дельмонт.— Теперь осталось сорок один, Каролина. Что вы сделали?

Целую минуту я с раздражением пытался сообразить, что же он имеет в виду. Затем я вспомнил. Он дал мне сорок восемь часов. Семь из них уже прошли.

— Три часа я спал.— Он, разумеется расценил это как бесполезную трату времени: его работники не должны нуждаться во сне.— Потом побывал в полицейском участке. И еще побеседовал с одним состоятельным яхтсменом — его судно стоит на якоре рядом с нами. Мы собираемся навестить его вечером.

Он помолчал.

— Что вы собираетесь сделать, Каролина?

— Сходить в гости. Мы приглашены — Харрнэт и я. На коктейль.

На этот раз он молчал гораздо дольше. Затем сказал:

— У вас остался сорок один час, Каролина.

— Да, Аннабель.

— Что это за яхтсмен?

Я сказал ему. Это заняло довольно много времени, поскольку мне пришлось называть все имена по буквам при помощи его дурацкого шифровального блокнота, а кроме того, я должен был передать все, что сказал мне Скурос, и все, что сержант МакДональд сказал о Скуросе. Когда до меня вновь донесся голос дядюшки, в нем слышалась настороженность.

— Черт возьми, я хорошо знаю его, Каролина! Мы обедали вместе. Одна из лучших фамилий. И я знаю его теперешнюю жену даже лучше, чем его. Бывшая актриса. Филантропка, так же, как и он. Он ведь там провел пять сезонов. Разве человек с такими деньгами стал бы все это строить, тратить свои деньги и время, если бы он...

— Я и не утверждал, что подозреваю его, Аннабель. У меня нет оснований подозревать его.

— Ах, вот так! — Трудно в двух словах выразить и сердечную радость, и облегчение, и чувство удовлетворения, но дядюшке Артуру это удалось без особого труда.— Тогда зачем вы идете?

Слушая наш разговор со стороны, любой уловил бы в голосе дядюшки Артура ревнивые нотки, и он был бы прав. У дядюшки был только один пробел в воспитании — он был ужасный сноб.

— Мне нужно побывать у них на борту. Хочу посмотреть на их сломанный передатчик.

— Зачем?

— Я бы назвал это предчувствием, Аннабель. Больше ничего.

Дядюшка Артур вновь надолго смолк, что было характерно для нашего разговора. Затем он сказал:

— Предчувствие? И только предчувствие? Утром вы говорили, что хотите что-то предпринять.

— Это само собой. Я бы хотел, чтобы вы связались с Главным Управлением страховых банков в Шотландии. Кроме того, надо поднять подшивки некоторых шотландских газет. Скажем «Глазго Геральд» «Скотиш Дейли Экспресс» и особенно еженедельника Западного Хайленда «Обан Таймс».

— Ага! — На этот раз в его голосе звучало только удовлетворение.— Это уже похоже на дело, Каролина. Что именно вас интересует?

Я рассказал ему, что меня интересует, что опять потребовало большой возни с шифровальным блокнотом. Когда я закончил, он сказал:

— Я дам своим людям задание проверить все это. Вы получите всю информацию, которая вас интересует, в полночь.

— Тогда она уже не будет меня интересовать, Аннабель. Полночь — это слишком поздно. В полночь мне это не нужно.

— Не просите у меня невозможного, Каролина.— Он пробормотал что-то себе под нос, я не разобрал.— Я нажму на все педали, Каролина. В девять часов.

— В четыре, Аннабель.

— В четыре часа? — Когда он не хочет верить своим ушам, он всегда кажется смертельно уставшим.— В четыре пополудни? Вы там просто с ума сошли.

— За десять минут вы можете заставить работать десять человек. За двадцать минут — двадцать. Есть ли такая дверь, которая перед вами не откроется? Объясните им там, что профессионалы не убивают просто так. Но они убивают, когда вынуждены это сделать. Убивают, чтобы выиграть время. Для них сейчас каждый час на вес золота. А если это так, то насколько же дорого время для нас? Или вы думаете, Аннабель, что мы имеем дело с дилетантами?

— Вызовите меня в четыре,— сказал он устало.— Посмотрим, что удастся для вас сделать. А чем вы сейчас займетесь, Каролина?

— Лягу спать,— сказал я.— Мне надо выспаться.

Мне казалось, что я лишь прилег вздремнуть на минуту, и вот уже набежало без десяти минут четыре. Я чувствовал себя еще хуже после этого короткого отдыха — хуже даже, чем после нашего нищенского ленча, состоящего из солонины и сушеного картофеля. Право, если в старике Скуросе теплится хоть искра живого человеческого участия, он просто обязан накормить нас приличным обедом.

Четыре часа пополудни осенью это уже скорее ночь, чем день. Солнце еще не село, но не потому, что ему надо было проделать слишком длинный путь, а потому, что не могло пробиться сквозь массы мрачных тяжелых облаков, катящихся куда-то на восток, к чернильному мраку за горизонтом. Косой дождь вспенивал залив, снижая и без того малую видимость до трехчетырех сотен ярдов. Поселок на расстоянии в полмили, угнездившийся в тени покрытых сосняком холмов, вроде бы не существовал вовсе. К северо-западу можно было различить огни судна, огибающего мыс,— должно быть, Скурос возвращался на катере из своего похода. На «Шангри-Ла» светились иллюминаторы камбуза — там кок готовил роскошный обед, на который нас с Ханслеттом не пригласили. Я попытался не думать о еде, но у меня это не получилось, поэтому я поспешил отвернуться и пошел следом за Ханслеттом в машинное отделение.

Ханслетт взял запасные наушники и пристроился рядом со мной, держа на коленке блокнот. Ханслетт соображал в стенографии не хуже, чем во всем остальном. Я надеялся, что дядюшке Артуру будет что рассказать, поэтому присутствие Ханслетта может оказаться необходимым. Так оно и вышло.

— Мои поздравления, Каролина,— сказал дядюшка Артур без предисловий.— Вы и впрямь кое-что нащупали.— Это было сказано самым теплым тоном, на какой был способен дядюшка с его мерным монотонным голосом. Он говорил прямо-таки дружелюбно. Вполне возможно иллюзия возникла из-за помех при передаче, но все-таки было похоже, что дядюшка больше не стремится вывести меня из игры.

— Мы изучили книги страхового банка,— продолжил он. И стал перечислять номера книг, даты и размеры вкладов, и другие вещи, которые меня не интересовали, а потом сказал: — Последние взносы были сделаны 27 декабря. По десять фунтов в каждом случае. На сегодня итог составляет 78 фунтов, 14 шиллингов и 6 пенсов. На каждом счете, естественно. И оба счета не закрыты...

Он выдержал паузу, чтобы дать мне возможность поздравить его, что я и сделал, затем продолжил.

— Но это не все, Каролина. Слушайте. Ваш запрос о различных катастрофах, гибели или пропажах судов в районе западного побережья Инвернесшира или Эрджилла, или о каких-либо загадочных происшествиях с людьми из этих мест. Мы нащупали жилу, мы поистине нащупали жилу, Каролина. Боже, почему мы никогда не думали об этом раньше! У вас есть карандаш под рукой?

— Он у Харриет.

Тогда продолжим. Этот сезон выглядит самым урожайным на катастрофы за все годы мореплавания на западе Шотландии. Но первым было одно судно в прошлом году. «Пинчо» — прекрасная морская моторная яхта длиной сорок пять футов, вышла из Киля в Обан в восемь утра 4 сентября. Должна была прибыть в тот же день. Но не пришла. Никаких следов найдено не было.

— Какая была погода в тот день, Аннабель?

— Я знал, что вы спросите об этом,

Каролина.— Это сочетание скромности и самодовольства иногда кажется очень утомительным.— Я справлялся у метеорологов. Ветер до одного балла, переменный. Море спокойное, небо облачное. Перейдем к этому году. 6 и 26 апреля. «Ивнинг Стар» и «Джинни Роз». Две рыбацкие шхуны с восточного побережья — одна из Бакки, а другая из Фрэйзибурга.

— Но обе базировались на западном побережье?

— Я бы предпочел, чтобы вы не перебивали меня,— выразил недовольство дядюшка Артур.— Обе базировались в Обане. Первая из них, «Ивнинг Стар», была найдена на мели вблизи Ислэя. «Джинни Роз» исчезла без следа. Никто из членов экипажей не найден. Затем 17 мая. На этот раз хорошо известная гоночная яхта «Кап-Грис-Нец», английского производства, с английским экипажем, очень опытный капитан, и штурман, и весь экипаж — все они давно успешно участвовали в гонках. Покинула Лондондерри и отправилась на север Шотландии при прекрасной погоде. Пропала. Была обнаружена месяц спустя — вернее, то, что от нее осталось,— на берегу острова Скай.

— А экипаж?

— Нужно ли спрашивать? Не найден никто. Затем последний случай, несколько недель назад, 8 августа. Муж, жена, двое детей — подростков, дочь и сын. Переоборудованная спасательная шлюпка «Кингфишер». По отзывам муж довольно опытный мореход, много лет был матросом. Но он никогда не водил судно ночью, поэтому выбрал спокойный вечер, чтобы совершить ночной поход. Пропали. Лодка и экипаж.

— Откуда они отправились?

— Из Торбея.

Ради этого слова ему стоило потратить полдня. И мне тоже. Я спросил:

— Вы все еще считаете, что «Нантсвилл» спрятан в Исландии или в каком-нибудь удаленном фиорде в северной Норвегии?

— Я никогда не думал ничего подобного.— Дядюшка вновь вернулся от дружелюбного тона к нормальному. А норма для него — нечто среднее между холодным и ледяным.— А вы обратили внимание на совпадение дат?

— Да, Аннабель, я заметил совпадение.

«Ивнинг Стар» была найдена выброшенной на камни вблизи Ислэя через три дня после исчезновения сухогруза «Холмвуд» у южного побережья Ирландии. «Джинни Роз» пропала ровно через три дня после того, как загадочно исчезло торговое судно «Антара» в проливе Святого Георга. Гоночная яхта «Кап-Грис-Нец», которую в итоге нашли на камнях острова Скай, исчезла в тот же день, когда судно «Хидли Пайонир» пропало где-то, как предполагали, у побережья Северной Ирландии. А бывшая спасательная шлюпка «Кингфишер» ушла и больше не появлялась как раз через два дня после того, как теплоход «Харрикейн Спрэй» вышел из Клайда, после чего его никто никогда больше не видел. Совпадения совпадениями, но не до такой же степени. А исчезновение всех четырех экипажей малых судов, погибших в таком ограниченном районе, забило последний гвоздь в гроб этой мысли о простом совпадении. Примерно так я и сказал дядюшке.

— Давайте не будем тратить время на обсуждение очевидных вещей, Каролина,— холодно сказал дядюшка. Не очень-то вежливо с его стороны, если учесть, что эта идея никогда бы не пришла ему в голову, не вложи я ее туда четыре часа назад.— Вопрос в том, как теперь быть. От Ислэя до Ская довольно большое расстояние. Где все это искать?

— Какие у вас есть возможности обеспечить содействие радио и телевидения?

— Что вы еще задумали, Каролина? — спросил он после паузы самым угрожающим тоном.

— Я хочу, чтобы они вставили небольшое сообщение в сводку новостей.

— Так...— Пауза на этот раз была длиннее.— Если удастся убедить их, что это не имеет отношения к политике и делается в национальных интересах, тогда шансы есть. Что нужно передать?

— Сообщение о том, что получен сигнал бедствия с яхты, потерпевшей крушение где-то к югу от Ская. Сигналы слабые, прогноз неблагоприятный. Точное местоположение не установлено. Спасательная авиация начнет поиски с первыми лучами солнца. Это все.

— Это я могу организовать. Зачем вам это, Каролина?

— Хотел бы пошарить вокруг. Осмотреть окрестности, но так, чтобы это ни у кого не вызвало подозрений. На восточной оконечности острова Торбей есть маленькая пустынная песчаная коса, хорошо защищенная крутым берегом и соснами. Будьте добры выслать туда вертолет с большим радиусом действия завтра перед рассветом.

— Сейчас я, как фокусник, щелкну пальцами и — оп-ля! — вертолет к рассвету будет на месте.

— Четырнадцать часов назад, Аннабель, вы собирались щелкнуть пальцами с тем, чтобы вертолет прибыл к полудню. Теперь у вас только семь часов — половина того времени. Но на этот раз и вертолет нужен для более важного дела, чем взбучка, которую вы собирались задать мне в Лондоне.

— Свяжитесь со мной в полночь, Каролина. Бог с вами, надеюсь, вы знаете, что собираетесь делать.

— Да, сэр,— сказал я. Я не имел в виду, что знаю, что делать. Да, сэр, хотел сказать я ему, надеюсь, я знаю, что делать дальше.

* * *

Если ковер в салоне «Шангри-Ла» стоил хоть одним пенни меньше пяти тысяч фунтов, значит, старик Скурос приобрел его по случаю, через вторые руки. Двадцать на тридцать футов, бронзовые, коричневые и золотые, но в основном золотые узоры — палуба была похожа на поле спелой пшеницы, эту иллюзию усиливал высоченный ворс, по которому не так-то просто было передвигаться. Эту проклятую штуку надо было переходить вброд. Я в жизни не видывал ничего роскошнее, если не считать обивки, скрывавшей две трети площади переборок. На фоне обивки ковер выглядел довольно дешево. Персидская или афганская парча, чьи тяжелые, сверкающие складки переливались при малейшем движении «Шангри-Ла». Там, где не было обивки, переборки были обшиты шелковистой тропической древесиной, той самой, из которой был изготовлен великолепнейший бар на корме. Роскошнейшие канапе и табуреты возле бара, обитые темно-зеленой замшей с золотой окантовкой,— вот вам еще одно состояние. Да что говорить! Если бы продать окованные медью столы, которые были аккуратно расставлены на ковре, на эти деньги можно было бы прокормить в течение года семью из пяти человек в гриль-баре отеля «Савой».

Слева смотрели две картины Сезанна, справа — два Ренуара. Не стоило вешать здесь картины. Среди этой роскоши они не могли привлечь к себе внимания. Им было бы уютнее на камбузе.

И мне тоже. И Ханслетту тоже, наверняка. Дело даже не в том, что наши спортивные пиджаки и шарфы на шее были в резком противоречии с общей роскошью обстановки и с черными галстуками и смокингами хозяина и его гостей. И не в том, что общий разговор, казалось, велся с единственной целью, поставить нас с Ханслеттом на место. Вся эта болтовня об акциях, акционерных компаниях, учетных ставках и концессиях, о миллионах и миллионах долларов,— все это, конечно, не могло не подавлять людей малоимущих, но не нужно было быть гением, чтобы понять, как мало эти ребята в черных галстуках старались произвести на нас впечатление. Для них все эти акции и компании были единственным смыслом их существования, поэтому разговор все время вертелся вокруг них.

Если бы отключить звук, как это можно сделать в кино, то все происходящее здесь со стороны выглядело бы вполне нормально. Все вокруг так удобно, продуманно. Глубокие кресла обещают приятный отдых. Огонь в камине пылает ярко, почти ослепительно. Скурос сияет улыбкой хлебосольного хозяина. Стаканы ни на мгновение не остаются пустыми — хозяин незаметно нажимает на кнопку звонка, возникает стюард весь в белом с головы до ног, бесшумно наполняет стаканы и столь же бесшумно исчеза-

ет. Все так изысканно, так роскошно, так приятно и спокойно. Пока выключен звук. Но стоит включить его, и вам тут же захотелось бы оказаться подальше отсюда.

Скурос наполнил свой стакан в четвертый раз за те сорок пять минут, что мы пробыли здесь, улыбнулся своей жене, сидевшей в кресле у огня, и провозгласил тост:

— За тебя, моя дорогая. За твое терпение, с которым ты следовала за нами повсюду. Это было самое скучное путешествие для тебя. Поздравляю с его окончанием.

Я посмотрел на Шарлотту Скурос. Все посмотрели на Шарлотту Скурос. Неудивительно — миллионы людей смотрели на Шарлотту Скурос, когда она была самой популярной актрисой в Европе. Даже в те времена, когда она уже не будет ни молодой, ни красивой, она все равно будет привлекать взгляды, поскольку она была великой актрисой, а не смазливой, но пустоголовой кинозвездой. Уже сейчас она выглядела старше своих лет, и фигура у нее начала полнеть, но на нее заглядывались бы и тогда, когда б она сидела в инвалидном кресле на колесах. Такой уж у нее был тип лица. Потрепанное лицо, лицо сильно поношенное, лицо, которому так часто приходилось изображать смех и слезы, раздумья и переживания, лицо с усталыми карими глазами, всепонимающими глазами, которым тысяча лет; лицо, в каждой морщинке и черточке которого было столько смысла и характера — да уж, черт побери, в нем не было недостатка!

— Вы очень добры, Энтони...— Грудной голос Шарлотты Скурос, ее медленная речь с едва заметным иностранным акцентом очень естественно сочетались с ее усталой, извиняющейся улыбкой и тенями под глазами.— Но я никогда не устаю. Правда. Вы знаете это.

— Даже в подобной компании? — Улыбка Скуроса была широкой как никогда.— На борту у Скуроса вблизи Западных островов вместо круиза по Леванту с вашими любимчиками голубых кровей? Возьмите хотя бы Дольмана.— Он указал на сидящего рядом с ним высокого тощего типа с редкими темными волосами, с залысинами — тот выглядел так, словно забыл вовремя побриться. Джон Дольман был управляющим пароходной компании Скуроса.— Эй, Джон, как вы считаете — сможете вы заменить юного виконта Хорли? Того, у которого в голове опилки, зато в банке пятнадцать миллионов?

— Боюсь, что с трудом, сэр Энтони.— Дольман держался столь же корректно, как и сам Скурос, что особенно подчеркивало дикость всего происходящего.— С большим трудом. Я привык больше работать головой и у меня нет таких денег. Кроме того, я не мастер поддерживать светскую беседу.

— Да, молодой Хорли был душой общества, не так ли? Особенно, когда меня не было поблизости,— задумчиво добавил Скурос.— Он посмотрел на меня: — Вы знали его, мистер Петерсон?

— Я слышал о нем. Я ведь не вращаюсь в этих кругах, сэр Энтони.— Я был сама учтивость.

— Хм.— Скурос насмешливо посмотрел на двух мужчин, сидящих подле меня. Один из них, весельчак с хорошей англо-саксонской фамилией Лаворски, большеглазый, громогласный, с неистощимым запасом весьма рискованных анекдотов, был, как мне сказали, бухгалтером и финансовым советником. Никогда не встречал человека менее похожего на бухгалтера и финансового советника — может быть, именно это и помогало ему преуспевать. Другой — средних лет, лысый, с лицом сфинкса, с лихо закрученными усами, которые так и просили для полноты картины шляпу-котелок,— был лорд Черили, вынужденный, несмотря на свой титул, заниматься маклерством в Сити, чтобы сводить концы с концами.— А как вы оцениваете этих наших добрых друзей, Шарлотта? — Еще одна широкая улыбка, адресованная жене.

— Боюсь, что не понимаю вас.— Шарлотта Скурос смотрела на мужа без улыбки.

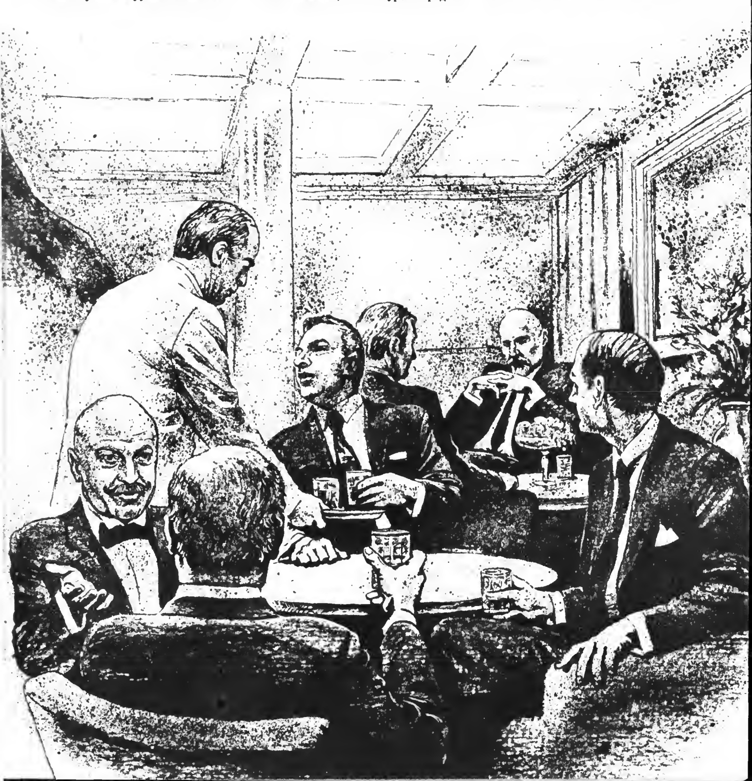
— Ну-ну, вы все, конечно, понимаете. Я говорю о той жалкой компании, которую я собрал здесь для столь

молодой и привлекательной женщины, как вы.— Он посмотрел на Хanслетта.— Она ведь молодая и привлекательная женщина, ие так ли, мистер Хanслетт?

— Миссис Скурос иикогда не будет старой. Что касается привлекательиости, то это излишне и обсуждать. Для десятков миллионов мужчин-европейцев — и для меня в том числе — миссис Скурос была самой привлекательной актрисой своего времени.

Если бы у меия в руках была шпага и я имел бы на то полномочия, я тут же произвел бы Ханслетта в рыцари. Разумеется, после того, как проткнул ею Скуроса.

— Времена рыцарства еще не прошли,— улыбнулся Скурос. Я заметил, что, кроме нас, еще двое чувствовали себя иеудобно в своих креслах: Генри Бискарт, баикир с голым черепом и козлиной бородкой, и высокий грубоватый шотлаидец — адвокат по имени Мак-Каллэм. Да и остальным было неловко, ио Скурос продолжал: — Я только хотел сказать, дорогая, что Чернли и Лаворски — плохая замена той блестящей молодежи, что составляла вашу свиту. Этот нефтепромышленник из Штатов... Или Доменико — испанский граф, да еще и астроном-любитель. Тот, что обычно уводил вас на корму, чтобы показывать звезды иад Эгейским морем.— Он снова посмотрел на Черили и Лаворски.— Мне очень жаль, джеитльмены, но я бы ие советовал вам так поступать.



— Не помню, чтобы я позволил себе такое,— учтиво сказал Лаворски.— У Чернли и у меня есть свои принципы. Однако я что-то давно не видел юного Доменико...— Он хорошо понимал, кто платит ему жалованье, этот Лаворски, и научился высказываться к месту.

— И не увидите его в дальнейшем,— угрюмо сказал Скурос.— По крайней мере на моей яхте или у меня дома... И вообще вблизи моей собственности. Я предупредил его, что узнаю цвет его благородной кастильской крови, если он снова попадется мне на глаза. Я должен извиниться, что упомянул имя этого пустозвона в нашем разговоре... Мистер Ханслетт, мистер Петерсон, ваши стаканы пусты.

— Благодарю вас, сэр Энтони. Мы получили истинное удовольствие...— Старый дурак Калверт был слишком искушен, чтобы не понимать, что последует дальше.— Мы бы предпочли вернуться. К вечеру стала портиться погода, и мы с Ханслеттом думаем перевести «Файркрест» под прикрытие острова Гарв.— Я выглянул в иллюминатор, подняв одну из парчовых занавесей. Чувствовалось, какая она тяжелая: она могла держаться под собственным весом, без фиксаторов.— Мы нарочно оставили включенными огни на палубе и в каюте. Чтобы заметить, если нас начнет сносить. За ночь нас протащило довольно далеко.

— Так скоро? Так скоро? — Он произнес это по-настоящему растерянно.— Но, конечно, если вы беспокоитесь...— Он нажал кнопку, но не ту, какой вызывал стюарда. Вошел человек невысокого роста, с крепко сбитой фигурой. На рукаве у него было два шеврона. Капитан Блэк — шкипер «Шангри-Ла». Он сопровождал Скуроса во время обхода судна, который дал нам возможность осмотреть и сломанный передатчик. Тут у нас не возникло никаких сомнений — их передатчик был и в самом деле выведен из строя.— А, капитан Блэк... не могли бы вы подготовить катер? Мистер Петерсон и мистер Ханслетт намерены вернуться на «Файркрест» как можно быстрее.

— Да, сэр. Но боюсь, получится небольшая задержка, сэр Энтони.

— Задержка? — Скурос мог выразить неодобрение голосом, не меняя выражения лица.

— Все те же неполадки,— извиняющимся тоном сказал капитан.

— Эти проклятые карбюраторы! — проворчал Скурос.— Вы правы, капитан Блэк, вы правы. Последний катер с бензиновым двигателем, который я покупаю. Дайте знать, когда все будет готово. И присматривайте повнимательнее за «Файркрестом» — мистер Петерсон боится, что может сорвать якорь.

— Не беспокойтесь, сэр.— Я не понял, сказал это Блэк мне или Скуросу.— С яхтой все будет в порядке.

Он вышел. Скурос некоторое время восхвалял дизельные двигатели и проклинал карбюраторные, потом заставил нас выпить еще виски, игнорируя мои протесты. Не то чтобы я испытывал неприязнь к виски вообще или к виски Скуроса в частности, но мне не казалось, что выпивка это подходящая подготовка к тому, что предстояло мне завтра. Незадолго до девяти Скурос нажал кнопку в поручне кресла, раздвинулись шторки, и мы увидели телевизор с 23-дюймовым экраном.

Дядюшка Артур не подвел меня. Диктор дал довольно драматическую оценку последнему сообщению, полученному от учебного судна «Морэй Роз», которое потеряло управление и быстро наполняется водой. Судно должно находиться где-то к югу от острова Скай. Было объявлено о развертывании спасательных работ на море и с воздуха завтра на рассвете.

Скурос выключил телевизор.

— В море развелось полным-полно идиотов, которых нельзя выпускать из канала. Что слышно о погоде? Кто-нибудь знает?

— Ветер с Гебридов силой восемь баллов, получено штормовое предупреждение на волне 1758 корабельного вещания,— сказала Шарлотта Скурос спокойно.— Юго-западный ветер, они сказали.

— С каких это пор вы стали слушать сводку погоды? — недоверчиво спросил Скурос.— И вообще радио? Ах да, конечно, дорогая, я и забыл... Тебе нечем заняться, не так ли? Так значит, юго-западный, восемь баллов? А яхта должна была идти из Кайо-оф-Лохалша прямо на юго-запад... Должно быть, они сумасшедшие. Ведь у них было радио — они послали сигнал бедствия. Надо быть просто лунатиком, чтобы так поступать. Слышали они предупреждение или не слышали, но раз они туда полезли, значит они лунатики. Туда им и дорога.

— Некоторые из этих лунатиков, может быть, сейчас умирают, тонут. Или уже утонули,— сказала Шарлотта Скурос. Тени под ее глазами стали еще глубже, только глаза еще и жили на лице.

Секунд пять Скурос с напряженным лицом смотрел на нее; я почувствовал, что если сейчас щелкнуть пальцами, то этот звук прозвучит как выстрел — настолько тягостным было молчание. Затем он со смехом отвернулся и сказал мне:

— Слабая женщина, да, Петерсон? Жалостливая мать — вот только детей у нее нет. Скажите, Петерсон, вы женаты?

Я улыбнулся ему, раздумывая над тем, плеснуть ли ему в физиономию виски или ударить его чем-нибудь тяжелым, но отказался от своих намерений. Кроме всего прочего, меня не прельщала перспектива вплавь добираться до «Файркреста».

— Мне тридцать восемь, и до сих пор не представилось возможности,— весело сказал я.— Старая история, сэр Энтони. Тем, что нравились мне, не нравился я. И наоборот.

Это было не совсем правдой. Водитель «Бентли», выпивший, как показало вскрытие, не менее бутылки виски, оборвал мое супружество на втором месяце и вдобавок оставил уродливый шрам на моей левой щеке. Именно после этого дядюшке Артуру удалось уговорить меня оставить работу по страхованию морских перевозок, а уж после этого ни одна нормальная девушка не отважится выйти за меня замуж, если только узнает, чем я теперь занимаюсь. Но хуже всего то, что я не имею права сказать ей об этом до свадьбы. Ну, и шрамы, конечно, не облегчают мне задачу.

— Вы, я вижу, не дурак,— улыбнулся Скурос.— Если мне будет позволено так заметить.— Богатство приучило старика Скуроса не слишком беспокоиться, позволено ему что-то или нет. Рот, застегнутый на молнию, растянулся в нечто, напоминающее, как стало ясно из дальнейшего, ностальгическую улыбку.— Я шучу, конечно. Не обязательно брак — это так уж плохо. Мужчина должен надеяться... Шарлотта!

— Да? — Карие глаза насторожились.

— Мне кое-что нужно. Не могли бы принести из моей каюты...

— А стюард? Он не мог бы...

— Это очень личное, дорогая. А поскольку по словам мистера Ханслетта вы, слава богу, намного моложе меня...— Он улыбнулся Ханслетту, показывая, что не нуждается в его позволении.— Фотографию на моем туалетном столике.

— Что?!

Она внезапно выпрямилась в кресле, упираясь руками в подлокотники, точно собиралась вскочить. И тут что-то изменилось в Скуросе, его улыбающиеся глаза стали мрачными, холодными и темными, а взгляд внезапно изменил направление. Это длилось какое-то мгновение, и его жена, заметив этот взгляд, резко поднялась, расправив рукава своего платья. Она проделала это быстро и спокойно — но недостаточно быстро. Примерно в течение двух секунд руки ее были обнажены, и я увидел багровые синяки, охватывающие их дюйма на четыре ниже локтей. Непрерывным кольцом. Такие синяки образуются не от ударов и не от давления пальцев. Синяки такого типа бывают от веревок.

Скурос снова улыбался, вызывая звонком стюарда. Шарлотта Скурос, не говоря ни слова, вышла из каюты. Не удивительно, если бы мне только померещилось то, что я увидел. Но я, черт возьми, знал, что это не так. Не за то мне платили жалованье, чтобы мне что-то мерещилось.

Мгновение спустя она вернулась, в руках у нее была фотография в рамке примерно шесть на восемь

дюймов. Она вручила ее Скуросу и быстро села в свое кресло. На этот раз она была осторожнее с рукавами, но так, чтобы это не бросалось в глаза.

— Моя жена, джентльмены,— сказал Скурос. Он приподнялся и пустил по кругу фотографию темноволосой, темноглазой женщины, улыбка украшала ее скуластое славянское лицо.— Моя первая жена Анна. Мы были вместе тридцать лет. Брак это не обязательство плохо... Это Анна, джентльмены.

Будь я рабом светских приличий, я должен был бы ударить его, растоптать. Чтобы мужчина демонстрировал в компании, что он держит у изголовья фотографию бывшей жены, после того, как он дал понять всем, что нынешняя жена утратила привлекательность, после того, как он унизил ее — в это было невозможно поверить. Этого, да еще следов от веревок на руках его нынешней жены, было достаточно, чтобы застрелить его. Но я не мог этого сделать. И я не стал бы этого делать, потому что читал по глазам этого старого шута, по его голосу, что творилось в его душе. Если тут была игра — то самая искусная игра, какую мне доводилось видеть, а слеза, скатившаяся по его щеке, заслуживала всех Оскаров, какие были вручены со дня основания кинематографа. Если же это не было игрой, то значит передо мной был несчастный и одинокий человек, забывший весь мир, сосредоточившийся на единственной вещи, которая осталась ему от той, что он любил и что ушла безвременно. И так оно и было.

И если бы здесь не было спокойной, гордой, но униженной Шарлотты Скурос, которая невидящим взглядом уставилась в огонь, я бы и сам чего доброго расчувствовался. Но поскольку она сидела рядом, мне не составило труда скрыть свои чувства. Однако кое-кто не смог этого — и отнюдь не из сочувствия к Скуросу. Мак-Каллэм, шотландский адвокат, бледный от отвращения, поднялся, что-то пробормотал о плохом самочувствии, пожелал нам доброй ночи и вышел. Бородатый банкир остался сидеть. Скурос не заметил, что кто-то вышел, он все смотрел перед собой невидящим взглядом, словно и он, и его жена что-то хотели увидеть в языках пламени. Фотография лежала у него на коленях. Он даже не взглянул на капитана Блэка, когда тот вошел и сказал нам, что катер подан.

Когда катер высадил нас на борт нашего судна, мы выждали, пока он не пройдет половину пути до «Шангри-Ла», закрыли дверь салона, отодрали прибитый к палубе ковер и сняли его. Я аккуратно поднял газетный лист, и под ним, на тончайшем слое специального порошка обнаружились четыре четких отпечатка ног. Мы обследовали обе носовые каюты, машинное отделение и кормовой отсек, и все те шелковые нити, которые мы так старательно завязывали перед отбытием на «Шангри-Ла», все они были оборваны.

Кто-то — их было по крайней мере двое, если судить по отпечаткам ног,— облазил «Файркрест» сверху донизу. Они затратили на эту работу по меньшей мере час, и мы с Ханслеттом не меньше часа пытались выяснить, что им было надо. Мы не нашли ничего.

— Ну,— сказал я,— мы хотя бы знаем, зачем они нас так старательно удерживали на борту «Шангри-Ла».

— Чтобы обеспечить им свободу действий здесь. Именно поэтому катер не был подан сразу — он был здесь.

— Что еще?

— Есть еще что-то. Я не мог бы в этом поклясться, но что-то есть.

— Скажешь мне утром. А когда будешь разговаривать с дядюшкой в полночь, постарайся добыть у него информацию, какую удастся, насчет всех этих типов на «Шангри-Ла» и о враче, который лечил бывшую леди Скурос. И еще кое-что я бы хотел знать о бывшей леди Скурос.— Я объяснил ему, что бы я хотел узнать.— И между делом переведи яхту к острову Гарв. Мне придется вставать в половине четвертого, а ты потом можешь спать хоть до скончания веков.

Я должен был выслушать Ханслетта. Я снова должен был выслушать Ханслетта. И снова ради самого же Ханслетта. Но я не знал, что у Ханслетта и впрямь будет возможность спать до скончания веков.

Глава четвертая

СРЕДА, 5 УТРА — СУМЕРКИ

Неприятности начались сразу же, как я высадился на берег. Сразу же, как я попытался высадиться. В обуви на резиновой подошве я пытался втащить резиновую лодку на скользкие, покрытые тиной камни — некоторые были до шести футов в поперечнике, а до береговой линии оставалось еще двадцать ярдов. Преодолевая их даже при дневном свете, можно переломать ноги, а в полной темноте это верный способ быстро и эффективно покончить с собой. При третьей попытке я разбил фонарик. Несколько ударов о камни — и компас постигла та же судьба. При этом глубиномер остался невредим. Глубиномер, конечно, весьма способствует поискам дороги через лес ночью.

Выпустив воздух из лодки и спрятав ее, я пошел вдоль линии берега, удаляясь от поселка Торбей. По логике вещей, если идти так довольно долго, то придешь к той самой песчаной косе на дальнем конце острова, на которой приземлится вертолет. Но по той же самой логике, когда лес доходил до самой кромки берега или попадались обрывистые, изрезанные участки, я сослепу шагал в пустоту и падал в море. Это повторялось регулярно и, выудив себя из воды в третий раз, я бросил эту затею и пошел напрямую через лес.

Единственными моими проводниками были косые струи дождя и рельеф местности. Коса, к которой я направлялся, лежала на востоке, а ветер дул почти точно с запада, так что пока холодный дождь стегал меня по шее сзади, я шел в правильном направлении; для проверки достаточно было помнить, что остров Торбей в профиль напоминает дикого кабана, хребет которого тянется с востока на запад, значит, когда земля под ногами начинала клониться влево или вправо, я начинал сбиваться с пути. Но порывы ветра то и дело непредсказуемо меняли направление, хребет кабана имел отростки и неровности, и в результате много времени терялось понапрасну. За полчаса до рассвета — если верить часам, потому что темно было так же, как и в час ночи,— я начал сомневаться в том, что успею к сроку.

А если вертолет не прибудет, мне придется вернуться сквозь холод и сырость туда, где я спрятал лодку, а потом, окончательно замерзшему и голодному, дожидаться, пока вновь стемнеет, и только к ночи я смогу вернуться на «Файркрест» незамеченным. Сейчас у меня еще оставалось в запасе двадцать четыре часа. К ночи у меня останется только двенадцать. Я побежал.

Пятнадцать минут бега, бог знает сколько сокрушительных ударов о деревья, и я услышал его. Сначала слабый, еле различимый, потом постепенно нарастающий рокочущий звук двигателя вертолета. Он появился рано, слишком рано, черт побери, он приземлился там, ничего не обнаружил и вот теперь возвращается на базу! В отчаянии я даже не подумал, как он мог приземлиться в незнакомом месте при практически полной темноте. Я уже готов был зажечь сигнальный факел, я даже вытащил его наполовину из кармана, но тут же сунул обратно. Было условлено, что факелом я укажу место посадки, если я зажгу его здесь, вертолет последует на огонь, напорется на верхушки сосен, и это будет конец всему.

Я побежал еще быстрее. Прошло много лет с тех пор, как мне приходилось пробегать больше двух сотен ярдов зараз, поэтому я задыхался и хрипел, легкие сипели как драные кузнечные мехи. Но я бежал что было сил. Налетал на деревья, спотыкался о корни, падал в канавы и опять врезался в эти чертовы деревья, а низко растущие ветки царапали мне лицо. Я выставил перед собой руки, но это не помогло — я все равно натыкался на стволы. Один, два, три раза я слышал как звук мотора исчезает на востоке, в третий раз я был уверен, что он больше не появится. Но каждый раз он возвращался. Небо уже начало светлеть на востоке, но я еще не видел вертолет; для пилота же все внизу было темным, как ночь.

Земля под ногами вдруг исчезла, я снова упал. Я напрягся, выставил

руки вперед, чтобы не удариться о другой край канавы. Но протянутые руки ничего не нашли. Ннкакой опоры. Я продолжал падать, это была оконечность острова Торбей. Я скатнлся по травяннстому склону и лег навзничь на мокрый мягкий песок. Все еще хрнпя и задыхаясь, пытаясь перевести дух, я все-таки выкроил время, дабы возблагодарнть провидение н те миллионы лет, что превратнли зазубренные береговые камнн в этот прекрасный, мягкий песчаный пляж.

Вертолет снова появился с востока на высоте примерно триста-четыреста футов. Я выбежал на середину косы, вытащнл факел, содрал с него защитное покрытие н дернул запальный шнур. Сразу вспыхнул бело-голубой

магниевый свет, столь ослепительный, что мне пришлось защитить глаза другой рукой. Факел горел лишь трндцать секунд, но этого было достаточно. Вертолет завнс почти прямо над моей головой, обдавая острым, раздражающнм запахом выхлопных газов. Два вертикальных луча с носа н хвоста высветили на песке сверкающие белые круги. Через двадцать секунд полозья мягко погрузились в песок, рев мотора стих, лопасти медленно вращались по инерцни. Я никогда не летал на вертолете, но вндел нх достаточно, так вот этот в полумраке казался самым большнм из всех, что мне доводилось вндеть.

Правая дверца сдвинулась, н когда я приблизился, в лицо мие ударнл луч фонаря. Кто-то, судя по экльскому выговору уроженец Ронда-Велли, спросил:

— Вы, Калверт?

— Я. Можно войти?

— А откуда мне знать, что Калверт?

— Я же сказал. Слушай, парень, не будь такнм занудой. Разве тебе приказано спрашивать у меня удостоверение?

— У вас что, нет никаких документов? Совсем никаких?

— Ты что — плохо соображаешь? Мог бы сообразнть, что кое-кто никогда ие носнт документов, чтобы его нельзя было опознать. Или ты думаешь, что я случайио оказался здесь, в пяти милях от жнлья, н у меня случайно оказался в кармане сигнальный факел? А может, ты хочешь лишиться работы еще до захода солнца?

Очень многообещающее начало наших совместных действнй...

— Мне приказали соблюдать осторожность...— Ои был осторожен, как кот, беспечио уснувший на согретом солнцем тротуаре. Особой сердечности тоже не чувствовалось.— Лейтенант Скотт Вильямс, Военно-воздушные силы. Адмирал прнслал меия в ваше распоряжение. Влезайте.

Я забрался в кабнну, закрыл дверцу н уселся. Он ие протянув руки, включил свет и спроснл:

— Черт возьмн, что это с вашнм лнцом?

— А что случилось с моим лицом?

— Кровь. Сотин маленькнх царапин.

— Сосиовые иглы.— Я рассказал, как это пронзошло.— А почему такая большая машиия? На ией можио перевезти батальои.

— Четырнадцать человек, если быть точным. Я вытворял миого всего в этой жизии, Калверт, но я иикогда ие полетел бы на двухместиой малютке в такую погоду. Может сдуть с иеба на землю. С двумя пассажирамн на этой машнне можно заполнить все запасные бакн.

— И вы можете летать целый день?

— Более илн меиее. В зависимости от скорости. Чего вы хотите от меня?

— Для иачала вежлнвости. Или вы не любите рано вставать?

— Я пилот морской спасательиой службы, Калверт. Это едииственная иа базе машииа, достаточио большая для поиска в такую погоду. И я должен был вылететь на поиск, а ие иа какие-то игры в шпиоиы. Не зиаю, насколько все это важно, ио где-то мнлях в пятидесяти отсюда людн, может быть, из последиих сил цепляются за спасательный плотнк. Это моя работа. Но я должеи выполнять приказ. Так что вы от меия хотите?

— Вы имеете в виду «Морэй Роз»?

— Вы тоже слышали? Да, ее.

— Оиа ие погибла. Она вообще ие терпела бедствия.

— Что это вы говорите? Передача новостей...

— Я сказал все, что вы должны знать, лейтенаит. Это было иужно, чтобы я мог исследовать этот район, не вызывая подозрений. Нужно было придумать убедительиый повод. Поиск «Морэй Роз» — имеиио такой повод. Пришлось сочинить сказку...

— Фальшивка?

— Фальшнвка.

— И вы смогли это подстроить? — медлеиио сказал он.— Вы смогли подделать передачу иовостей?

— Да.

— Чтоб мне провалиться на этом месте! — Ои в первый раз улыбиулся.— Виноват, сэр. Лейтеиаит Вильямс — для вас просто Скотти — обрел свою обычную бодрость и готов действовать. Что дальше?

— Вы хорошо знаете береговую лииию и острова в этом районе?

— С воздуха?

— Да.

— Я здесь уже двадцать месяцев. Спасение иа море, в промежутках армейские и морские учения, а также спасение альпниистов. Основная моя работа связана с командос. Я знаю этот райои иасколько это вообще в человеческих силах.

— Я ищу место, где можно спрятать лодку. Довольио большую лодку. Сорок, может быть, даже пятьдесят футов. Для этого годится вместительный эллииг, небольшой залив, скрытый зарослями, или бухта, вход в которую трудио заметить с моря. Между Ислэем н Скаем.

— Только и всего? А вы представляете, сколько это сотен миль, если взять береговую линию всех островов? А может, даже тысяч... Сколько мы потратим времени на эту работу? Месяц?

— Времени у иас до захода солнца. Но подождите. Следует исключить все населеиные центры — даже если это два-три домика, стоящие рядом. Исключить все известные рыболовные райоиы. Исключить районы, где проходят регулярные пароходные линии. Это поможет?

— Более чем достаточио. А что же мы в самом деле нщем?

— Я уже сказал.

— О, кей, о, кей! Не мое дело рассуждать и выясиять прнчиiны. У вас есть какие-ннбудь соображеиия, откуда начием и каким районом ограничим поиск?

— Давайте сначала двииемся иа восток к материку. Двадцать миль вверх по берегу, двадцать миль на юг. Затем исследуем пролив Торбей н остров Торбей. Затем острова к западу н северу.

— Через пролив Торбей проходит пароходная линия.

— Я имел в виду ежедневные рейсы. Пароход иа Торбей ходит два раза в неделю.

— Прнстегните ремнн и наденьте эти наушники. Сегодня нас потрясет и покачает. Надеюсь, вы хороший моряк.

— А зачем наушники? — Таких больших я еще ие видел: четыре дюйма в диаметре н толщиной в дюйм, они были сделаны из чего-то вроде натуральной резины. Микрофон был прикреплеи на пружние к головному обручу.

— Для ушей,— добродушно сказал лейтеиант.— Чтобы у вас не лопнули барабаиные перепонки. И чтобы вы не оглохлн на неделю после всего этого. Представьте себя внутри стального барабана посреди цеха, где делают паровые котлы, да еще рядом работает дюжииа отбойных молотков, н вы получите представление о том удовольствии, какое вас ожндает.

Наш первый заход в севериом иаправленин вдоль побережья материка начался с ложной тревоги, одной нз миожества за этот день. Миiут через двадцать после вылета мы заметили реку, малеиькую, ио все же реку, впадающую в море. Мы поднялись вверх по течеиию на милю, затем виезапио появились деревья, которые подступали к самым берегам с обеих сторои в том самом месте, где иачиналось скалистое ущелье.

Я закричал в микрофон:

— Мие надо посмотреть что там!

Вильямс кивиул:

— Нам прндется вернуться иазад иа четверть мнли. Там подходящее место для посадки.

— У вас должна быть лестница. Можете спустить меня иа ией?

— Если бы вы знали о свойствах ветра, дующего со скоростью сорок или пятьдесят миль в час, столько, сколько зиаю я, вы бы иикогда не заговорнли о ией. Даже в шутку. Я иамерен привести этот воздушный змей обратно домой.

Он вериулся и высаднл меня без особого труда под прикрытием обрывнстого берега. Через пять минут я добрался до ущелья. Еще пять минут ушло на обратный путь.

— Есть добыча? — спросил лейтенант.

— Никакой. Старый дуб лежит поперек реки как раз у входа в ущелье.

— Что ж, нельзя угадать с первого раза...

Еще иесколько минут и еще одио устье. Трудно было представить, что в него может войти довольио большая лодка, тем не менее мы повериули вверх по течению. Меньше чем через полмнли от устья река пенилась иа порогах. Мы повернули иазад.

К тому времени совсем рассвело, мы достигли северной границы района. Крутые отроги уступили место обрывистым утесам, которые почти вертикальио возвышались над морем.

— На сколько миль берег тяиется на север? — спросил я.

— Миль десять-двенадцать, до Лох-Лэрга.

— Знаешь эти места?

— Летал здесь миого раз.

— Пещеры есть?

— Никакнх пещер.

Я и сам не думал, что они здесь есть.

— А с другой стороны? — Я указал иа запад, где сквозь низко внсящие облака еще виднелась горнстая береговая линия, круто обрывающаяся на входе в пролнв Торбей.

— Там даже чайке иегде иогу поставить. Можете мне поверить.

Я повернл ему. Мы полетели иазад тем же путем, каким добирались сюда, потом отправились дальше на юг. От острова Торбей до материка море было почти сплошь покрыто белой пеной, большие волны с белымн бурунами шли поперек пролива в восточиом иаправлении. Нигде не было видно ни одного судиа, даже большие траулеры остались в гавани, иастолько плохая была погода. Под натиском урагаиной силы ветра иаш большой вертолет чувствовал себя довольио скверио, сильно вздрагивал и раскачивался, как неуправляемый курьерский поезд перед тем, как сойти с рельсов; однн час полета заставнл меня на всю жизнь проникиуться отвращением к вертолетам. Но стоило подумать, каково было бы мне сейчас на лодке в этом бурлящем водовороте посреди пролива, как я начииал чувствовать к этому проклятому вертолету некоторую прнвязанность.

Мы пролетели двадцать мнль к югу — если только эту болтанку и ввиичивание в воздух можно называть полетом,— но покрыли при этом добрых шестьдесят мнль. Каждый маленький пролив между островами н материком, каждый естествеиный залив, бухта нли фиорд должны былн быть нсследованы. Большую часть времени, мы летели низко, не выше двухсот футов; иногда мы спускались

еще ниже — настолько сильным был дождь, который, несмотря на стеклоочистители, мешал нам рассмотреть что-нибудь внизу. Как бы то ни было, я не думаю, что мы пропустили хоть ярд береговой линии материка или прилегающих к нему прибрежных островов. Мы осмотрели все. И ничего не увидели.

Я посмотрел на часы. Девять тридцать. День проходит, а толку нет. Я спросил:

— Сколько еще выдержит этот вертолет?

— Я залетал миль на сто пятьдесят в Атлантику в гораздо худшую погоду.— Лейтенант Вильямс не выказывал признаков усталости, тревоги или напряженности, более того — казалось, он даже доволен.— Вопрос в том, сколько еще выдержите вы.

— Совсем немного. Но мы должны попытаться. Возвращайтесь туда, где вы меня подобрали, и мы сделаем круг по берегу Торбея. Сначала южный берег, затем северный и западный, после этого восточная часть и снова южный берег пролива.

— Как прикажете.— Вильямс повернул вертолет на северо-запад резким, заваливающим движением, что плохо отразилось на моем желудке.— Там, в ящике на пульте, есть кофе и бутерброды.

Я оставил кофе и бутерброды там, где они были.

Путь в двадцать пять миль до восточной оконечности острова Торбей отнял у нас почти сорок пять минут, поскольку встречный ветер отбрасывал нас назад на два фута, когда мы пролетали три. Видимость была настолько плохая, что весь путь Вильямс летел по приборам, а из-за сильного ветра он должен был промазать на несколько миль от места посадки. Но несмотря ни на что, он вывел вертолет точно на песчаную косу, будто летел по радиомаяку. Я испытывал все большее уважение к Вильямсу, как к человеку, который точно знает, что делает; одновременно я все меньше уважал самого себя, поскольку уже не знал, что мне делать дальше. Я вспомнил о дядюшке Артуре и быстро решил, что лучше буду думать о чем-нибудь другом.

— Там,— показал Вильямс. Мы прошли примерно половину южного берега Торбея.— Похоже на то, что надо, вам не кажется?

Это и в самом деле походило на то, что надо. Большой, сложенный из белого камня дом в георгианском стиле, построенный в сотне ярдов от берега и ярдах тридцати над уровнем моря. Дюжины подобных строений рассеяны в самых разных местах, на самых отдаленных и пустынных островах Гебридского архипелага. Черт знает, кто их строил, для чего и как. Но не дом нас интересовал в данном случае, а большой эллинг у закрытой бухты. Не дожидаясь указаний, Вильямс бросил огромную машину вниз, к стоящему под сенью деревьев дому.

Я расстегнул полиэтиленовую сумку, спрятанную под курткой: там было два пистолета. Люгер сунул в карман, а «Лилипут» закрепил пружинным зажимом на левом предплечье. Вильямс с отсутствующим видом смотрел вдаль и что-то насвистывал.

В этом доме уже многие годы никто не жил. Часть кровли обвалилась, соленый воздух разъел краску, и комнаты, которые я увидел сквозь открытые, с разбитыми стеклами, окна, были голы; длинные полосы обоев устилали полы. Тропинка к маленькой бухте сплошь заросла мхом. Пятки все время проваливались, оставляя на тропе глубокий и четкий след — первый в этих местах за много-много лет. Эллинг был достаточно вместительным, по меньшей мере шестьдесят футов на двадцать, но это и все, что я могу о нем сказать. Двустворчатая дверь с тремя парами петель и двумя внешними замками. Замки и петли, казалось, насквозь проела ржавчина. Я чувствовал тяжесть люгера в кармане, и это ощущение показалось мне забавным. Я вернулся к вертолету.

Еще двадцать минут, и еще две ложные тревоги. Большие белые дома в георгианском стиле с эллингами при них. Я знал, что тревоги ложные, но должен был проверить. Пустой номер в обоих случаях. Последние обитатели этих домов умерли до того, как я родился. Когда-то здесь жили люди, семейные люди: большие семьи, много денег и амбиций, вера в себя и уверенность в будущем. Иначе не строили бы они такие большие дома. А теперь люди ушли, бросив эти монументы утраченной веры в будущее.

Западный берег не дал ничего. Мы оставили поселок Торбей и остров Гарв далеко в стороне и полетели на север, пока не достигли северного берега залива, затем на запад вдоль этого берега. Мы дважды приземлялись, один раз для того, чтобы обследовать окруженную деревьями закрытую бухту ярдов сорока в диаметре, и еще раз, чтобы осмотреть небольшой комплекс промышленных зданий, где, как сказал Вильямс, перерабатывался высококачественный песок, входящий в состав известной зубной пасты. Снова ничего.

Во втором случае мы задержались еще на пять минут. Лейтенант Вильямс проголодался. Я — нет. Теперь я уже начал привыкать к вертолету, но есть мне не хотелось. Был полдень. Половина времени прошла, а ничего не прояснилось. И уже казалось, что и не прояснится. Дядюшка Артур будет торжествовать. Я взял карту.

— Нам надо быть поразборчивее,— сказал я.— Мы не можем упустить свой шанс. Пройдем вдоль пролива до мыса Долман-Хед, что напротив острова Гарв, затем до залива Хайнарт.— Залив Хайнарт тянется на семь миль, там всегда ветрено и он весь усеян островками, вытянувшимися в цепочку с запада на восток; в некоторых местах ширина залива достигает полмили, по берегам горные массивы.— Снова возвратимся к мысу Долман и затем вдоль южного берега до самого мыса Карара. Затем на восток вдоль южного берега залива Лох-Гурон.

— Лох-Гурон,— кивнул Вильямс.— Самое дикое и самое опасное для плавания место к западу от Шотландии. Если хотите знать, это последнее место, куда бы я полетел добровольно. Скорее всего вы там не найдете ничего, кроме обломков и скелетов. Там на двадцати милях больше рифов, шхер, подводных камней, быстрин и водоворотов, чем во всей остальной Шотландии. Местные рыбаки туда и близко не подходят.— Он показал на карте.— Посмотрите на этот проход между островами Даб-Сгейр и Баллара, которые торчат в самом устье Лох-Гурона. Самое страшное место. Видели бы вы, как рыбаки хватаются за стаканы с виски при одном упоминании о нем. Его называют Бойл-нан-Уам. Пасть могилы.

— Они тут у вас весельчаки... Нам пора отправляться.

Ветер дул с прежней силой, море внизу все так же штормило, но дождь прекратился, и это сильно облегчило нам поиск. Путь от песчаной отмели до пролива ничего не дал. Ничего не дал и залив Хайнарт. Между заливом Хайнарт и мысом Каррара — восемь миль в западном направлении — было только две деревушки, прижавшихся к кромке воды, за домами высились голые холмы. Бог знает, чем живы местные обитатели.

Мы повернули на север, затем на северо-восток, потом на восток вдоль берега Лох-Гурона.

Многие места имеют дурную репутацию. Не все ее оправдывают, но есть и такие, что любым рассказам веришь с первого взгляда. Обрывистые, темные, каменистые берега лишены какой-либо растительности. Четыре острова, вытянувшиеся цепью с востока на запад, гармонируют с видом побережья. Издали казалось, что южный и северный берега залива смыкаются, что это не острова, а сплошной отвесный утес, примыкающий к зловещей грозной гряде. Под прикрытием островов в заливе было темно как в полночь, только вода казалась белой от пены — так бешено она бурлила и крутилась в водоворотах, прокладывая себе путь в узких протоках между островами и берегом. Прокладывая путь в муках. В Бойл-нан-Уам, Пасти могилы, вода была молочно-белой, как в половодье на порожистой реке Макензи, когда тает снег. Рай для яхтсменов. Только чокнутый сунулся бы сюда на яхте.

Очевидно, чокнутые поблизости все же были. Когда мы миновали первый из островов, Даб-Сгейр, и направились к проходу, я заметил узкий просвет между скалами в южной стороне острова. Там была окруженная камнями бухта — если можно ее так на-

звать — величиной с два теннисных корта, почти полностью отделенная от моря — проход был не шире десяти ярдов. Я посмотрел на карту: бухта Малая Подкова, так она называлась. Не оригинально, но очень метко. В бухте была лодка, достаточно большая лодка, похожая на переоборудованную спасательную шлюпку. Она стояла на двух якорях прямо посреди бухты. За бухтой была небольшая поляна, поросшая мохом или травой, а дальше что-то вроде русла пересохшей реки, уходящего вдаль, за холмы. На поляне стояли четыре палатки цвета хаки, около — работали люди.

— Похоже на то самое? — спросил Вильямс.

— Похоже на то.

Но это было не то. При первом же взгляде на худого человека в очках с толстыми линзами и с клочковатой бородой, который быстро шагнул вперед, как только я высадился, стало ясно, что это совсем не то. Второй взгляд — на семь или восемь парней, бородатых, закутанных в шарфы и нелепо одетых, которые не работали, как я сперва подумал, а боролись с ветром, срывающим палатки,— этот взгляд был уже лишним. Эта лодка явно не была захвачена. Теперь я разглядел, что это спасательная морская шлюпка, корма ее была полузатоплена, она имела крен на правый борт.

— Приветствуем вас! — закричал тип с клочковатой бородой.— Здравствуйте, здравствуйте. Бог знает, как мы рады видеть вас!

Я посмотрел на него, пожал протянутую руку и сказал мягко:

— Вы, должно быть, потерпели крушение и находитесь в безвыходном положении. Но вы не на дальних островах. Вы вблизи от материка. Так что ваше спасение в ваших руках.

— О, мы прекрасно знаем, где находимся.— Он махнул рукой.— Мы пришли сюда три дня назад, но видимо, наша шлюпка получила пробоину в шторм прошлой ночью. И к несчастью, в очень неудачном месте.

— Получила пробоину здесь, на этой стоянке?

— Да, конечно.

— Вам и впрямь не повезло. Оксфорд или Кембридж?

— Конечно, Оксфорд! — Он, казалось, был шокирован моим невежеством.— Комплексная геологическая и биологическая морская экспедиция.

— Да, здесь нет недостатка в камнях и морской воде,— согласился я.— А насколько серьезно повреждение?

— Течь сквозь пробоину в обшивке. Боюсь, что для нас это достаточно серьезно.

— С припасами все нормально?

— Да конечно.

— Передатчика нет?

— Только приемник.

— Пилот вертолета передаст по радио, что требуется корабельный плотник и механик. Их пришлют, как только шторм стихнет. До свиданья.

Челюсть у него отвисла на пару дюймов.

— Вы улетаете? Вот так сразу?

Мы спасатели. Был получен сигнал бедствия прошлой ночью.

— Ах, это... Мы слышали.

— Думали, что это они. Рады, что с вами все нормально. Нам еще предстоит облететь большой район.

Мы продолжили свой путь на восток в направлении залива Лох-Гурон. На полпути я сказал:

— Хватит, пожалуй. Давай посмотрим на те четыре острова, что торчат в устье залива. Начнем с самого восточного. Как он называется... ага, Эйлен-Оран. Затем направимся назад к устью Лох-Гурона.

— Вы хотели пройти до конца залива.

— Я передумал.

— Ну что ж, кто платит, тот и заказывает музыку,— сказал он спокойно. Невозмутимый характер был у этого лейтенанта Вильямса.— Вперед, на север, к Эйлен-Оран!

Над Эйлен-Ораном мы были через три минуты. В сравнении с этим островом Даб-Сгейр был милым цветущим уголком. Пол квадратной мили монолитного камня и нигде ни травинки. Но там был дом. Дом, из каминной трубы которого шел дым. А позади дома — эллинг, но в нем не было лодки. Дым говорил об обитателях, по крайней мере — об одном, и чтобы поддерживать свою жизнь, у него должна быть лодка. Лодка для рыбной ловли, чтобы прокормиться; лодка для поездок на материк; лодка для экстренных случаев — им нет числа в этом мире с тех пор, как Роберт Фултон изобрел свой пароход.

Вильямс высадил меня в двадцати ярдах от эллинга.

Я обошел угол эллинга и внезапно остановился. Я всегда так внезапно останавливаюсь, когда мне саданут в солнечное сплетение кузнечным молотом. Лишь спустя несколько минут я смог вдохнуть достаточно глубоко, чтобы ко мне вернулись силы.

Передо мной был седой гигант чуть старше шестидесяти. Он не брился несколько недель и по крайней мере месяц не менял рубашку. В руках у него был не кузнечный молот, а ружье — не наши игрушечные пистолеты, а доброе старое ружье двенадцатого калибра, которое со столь близкого расстояния — дюймов шесть, не больше — действует почище «Миротворца», то есть может снести голову с плеч. Оно было направлено прямо мне в правый глаз. Выглядело это так, словно заглядываешь в туннель подземки. Когда гигант заговорил, мне стало ясно, что он не читал ни одной из тех книг, что воспевают неиссякаемое гостеприимство островитян.

— Кто вы такой, черт побери? — прорычал он.

— Меня зовут Джонсон. Уберите ружье. Я...

— И какого черта вам здесь надо?

— А как насчет поговорки: «Гость в дом — счастье в дом?» — сказал я.— Мы слышали ее всюду в этих краях. Сотни тысяч приветствий...

— Эй мистер, я не спрашиваю два раза!

— Морские спасатели. Пропала лодка...

— Я не видел никакой лодки. Убирайтесь к черту с моего острова! — Он опустил ружье, теперь стволы были направлены мне в живот — видимо, он полагал, что это лучше подействует, или ему будет меньше грязной работы, когда придется меня закапывать.— Сейчас же!

Я кивнул на ружье:

— За это вы можете угодить в тюрьму.

— Может быть, да, а может, и нет. Но в чем я уверен, так это в том, что я не потерплю проходимцев на своем острове и что Дональд Мак-Ичерн сумеет защитить свою собственность.

— У вас это здорово получается, Дональд,— сказал я одобрительно. Ружье дрогнуло, и я быстро добавил: — Я ухожу. И не бойтесь сказать: «Рад буду видеть вас снова у себя в гостях»,— поскольку я все равно больше не появлюсь.

Когда мы поднялись в воздух, Вильямс сказал:

— Возможно мне показалось... У него что там — ружье?

— Да уж, не поднятая в приветствии рука, как сказано в путеводителях по этим местам.

— Кто он? Чем занимается?

— Это тайный агент Шотландского туристического агентства, который стажируется перед работой за рубежом. Он не похож на тех, кого я ищу, это точно. Он не полоумный — он такой же нормальный, как мы. Просто испуган и доведен до отчаяния.

— Вы даже не заглянули в эллинг. Вы же хотели найти лодку. Может быть, его кто-то держал под прицелом?

— Эта мысль и заставила меня так быстро отступить. Я ведь мог его обезоружить.

— И остались бы без головы.

— Ружья это по моей части. Его ружье стояло на предохранителе.

— Ясно.— По лицу Вильямса было видно, насколько неясное у него представление о происходящем, он не был таким умелым притворщиком, как я.— Что теперь?

— Остров номер два к западу отсюда.— Я бросил взгляд на карту.— Крэйгмор.

— Мы зря потеряем время, если двинемся туда.— Он говорил очень уверенно.— Я бывал там. Забирал тяжелораненого.

— Как раненого?

— Он пропорол себе бедро до кости разделочным ножом. Занес инфекцию.

— Разделочным ножом? Для китов? Ни разу не слышал...

— Для акул. Гигантские акулы встречаются здесь так же часто, как макрель. Их ловят ради печени — из

одиого прилнчного экземпляра можио накачать тонну жира.— Он указал на карте малеиькую точку на северном берегу.— Селение Крэйгмор. Говорят, было покинуто еще до первой мировой войны. В проклятых местах строили себе дома иашн предки!

Да, предки иногда строили дома в проклятых местах. Если мие предложат строить дом здесь или на Севериом полюсе, трудно будет сделать правильный выбор. Четыре серых домика, скучившихся у береговой черты, несколько жалких рифов, которые служили естественным волноломом, не внушающий доверия проход между рифами и две рыбацкие шхуны, болтающиеся иа якорях. Ближайший к берегу дом ие имел стеиы со староиы моря. Между этим домом и морем, иа полоске земли шириной в двадцать или трндцать футов, я увидел трех акул — тут было трудио ошибиться. Горстка рыбаков высыпала из открытой части дома, оии смотрели иа нас.

— Один из способов существования... Сможете меня здесь высадить?

— А как вы думаете, Калверт?

— Думаю, не сможете.— Кроме как на крышу одного из домиков посадить вертолет было некуда, это уж точио.— А того раненого поднимали по лестнице?

— Да. Но я ие собнраюсь спускать вас туда на лестнице, не думайте. Только не при такой погоде. И помочь вам иекому. Вы ведь ие такой отчаянный?

— Не всем быть отчаянным... Вы бы поручились за иих?

— Я бы поручился. Это хорошие людн. Я встречался с их старшнм, Тимом Хатчннсоном, несколько раз. Любой рыбак с западного побережья мог бы за них поручиться.

— Этого вполне достаточио. Следующий остров Баллара.

Мы облетели остров Баллара один раз. Одиого раза вполие хватило. Даже чайки не строили гиезда на этом острове.

Мы были иад проливом между островом Баллара н Даб-Сгейром. Вид на Бойл-нан-Уам испугал бы даже хладнокровную рыбу. Меия он пугал безусловно: пять минут плавания в лодке или с аквалангом н коиец. Прилив смеиялся отливом, ветер достиг предельной силы, н в результате получилась самая впечатляющая, колдовская пляска, какую я когда-либо вндел. Волн не было совсем, только бурлящая н крутящаяся, кипящая вода, цепь водоворотов, быстрии. Не годилось это место для катания иа лодочке с тетушкой Глэдис.

Как это ни страиио, совсем близко от восточиого и южного берегов Даб-Сгейра можно было бы покататься на лодочке с тетушкой Глэдис. Наряду со всеми этнми течениями и быстрннами у островов часто встречается не очень понятное явлеиие, когда часть поверхиости у одиого нли другого берега остается тихой и спокойиой, словно в запруде у мельницы, причем границы между покоем и неистовством вод четко очерчены. Так было и здесь. Почти иа милю между южиой и восточиой оконечиостями Даб-Сгейра тянулась полоса шириииой в две-три сотни ярдов, где вода была чериой и спокойной. Это было сверхъестественио.

— Увереи, что вы хотите приземлиться здесь,— сказал Вильямс.

— Это сложно?

— Легко. Вертолеты часто садятся на Даб-Сгейр. Не наши, другие. Наверняка вас ждет такой же прием, как на Эйлен-Оран. Здесь миожество островов принадлежат частиым владельцам, и нникто нз иих ие любит иезваиых гостей. А владелец Даб-Сгейра их просто ненавидит.

— Это всемирно известное хайлеидское гостепрниимство ниогда приводит в замешательство. Дом шотлаидца — его крепость, да?

— А здесь и есть крепость. Родовой замок клаиа Долвини, так, кажется.

— Долвнни — это город, а не клан.

— Ну, зиачит что-то другое, столь же труднопроизиосимое.— Можио подумать, что сам он родом ие из какого-нибудь Росллэйнерчрурогога или Поитрайдфеидгэйда.— Он глава клана. Лорд Кирксайд. Большая шишка, но сейчас вроде как в опале. Редко выезжает, разве что на Хайлендские игры или прокатнтся на юг раз в месяц, чтобы дать разиос архиепископу Кеитерберийскому в палате лордов.

— Я думаю, он сам толком не знает, на чьей ои староие. Я слышал о ием. О палате общин ои столь же иевысокого мнення и время от времени произносил длиниые речи по этому поводу.

— Да, ои был такой. Но ие теперь. Он потерял старшего сына и своего будущего зятя. Недавио, в авиациоиной катастрофе. Говорят, это разбило сердце старика. Местные сильно переживают за иего.

Мы облетели Даб-Сгейр с юга, и виезапно появился замок. Несмотря иа зубчатые бастионы, круглые башни и амбразуры, его иельзя было сравнивать с замками Виндзора или Балморала. Это был карманный замок. Он стоял прямо иа вершнне скалы высотой в сто пятьдесят футов, так что если неосторожно высуиуться нз окиа спальни, то падение будет остаиовлено только утесами, вздымавшимися иад морем далеко внизу. Будет ие за что зацепиться по дороге.

Нние замка и чуть правее иего тянулась камениая терраса, явно искусственного пронсхождения, к ией прнмыкала бухта, огороженная валуиамн н осколками скал, что иаверняка потребовало уйму времени и труда; нз таких же валунов были сооружены подковообразные волиоломы иа входе в бухту. Вход был ие шире семи ярдов. В конце бухты, прямо под скалой, был эллинг длиной ие больше двадцати футов, в котором стояла совсем иовая шлюпка и больше ничего.

Вильямс повел машнну вверх, пока мы ие зависли иад замком в двухстах футах. Он был построен в виде квадрата, в котором не было стороны, обращенной внутрь острова. Со стороны моря стена была усилеиа двумя башиями с бойницами, на одиой установлен флагшток с вымпелом, на другой — высокая телевизионная аитенна. Флагшток — это всегда красиво. К моему удивлению, остров не был таким пустыиным, как это казалось с моря. Невдалеке от замка начиналась и тяиулась вдаль, постепенно расширяясь, полоса шнриной в двести ярдов, казалось, покрытая дерном — не таким ярко-зеленым, как обычио, но все же достаточно зеленым, чтобы стадо коз могло иайти себе пропитание.

Вильямс хотел опуститься на траву, ио ветер был слишком сильиым, чтобы он мог зависиуть иа открытом месте; в конце концов мы приземлились к востоку от замка, не слишком близко от кромки утеса. Я вышел, иа всякий случай не теряя коз из виду, и зашел за стеиу замка, обращенную к острову, где почти буквально столкиулся с девушкой. Ее светлые волосы были пострижены по последней моде: длинные пряди с обеих сторон смыкаются под подбородком, а челка закрывает лоб до бровей. Прнческа, которая открывает лицо при любом ветре ие более чем иа десять процентов. Ниже волос я увндел матросскую шерстяиую фуфайку в бело-снию полоску и потертые синие джиисы, влезала в которые она наверияка прн помощи портативной одевальной машинки. Ее загорелые иоги были босы. Приятно видеть, что цивилизующее влияиие телевидеиия достигло столь удалеиных уголков королевства.

— Добрый день, мнсс... э-э...

— Поломка двигателя? — холодно спросила она.

— Нет, ио...

— Сломалось что-нибудь другое? Нет? Раз так — это частная собствеиность. Прошу вас покинуть остров. И иемедлеиио.

Протянутая рука, теплая улыбка — и я иемедлеино заиес бы ее в список подозреваемых. Но здесь, как и повсюду в этнх местах, приинято встречать посетителей ие рукопожатием, а кулаком. Разве что ружья у иее не было, да фнгурка была получше, но в остальиом миого общего с мистером Мак-Ичерном. Я наклонился, чтобы заглянуть за завесу раздуваемых ветром белокурых волос. Девушка выглядела так, словио ей пришлось провести иочь и большую часть утра в подвалах замка. Бледиое лицо, бледные губы, темные круги под серыми, или скорее серо-голубыми глазами.

— Мие нужеи лорд Кнрксайд.— У меия не было иикаких оснований полагать, что она дочь лорда Кнрсайда. Может быть, это служанка, которой недоступны арнстократические маиеры ее хозяев.

— Я лорд Кирксайд.— Я обернул-

ся, чтобы посмотреть на обладателя низкого голоса, подошедшего сзади. Ястребиный нос, кустнстые седые бровн н усы, серый твидовый костюм, серая охотничья шляпа, в руке палка из боярышнника.— Что случнлось, Сью?

— Мое имя Джоисои,— сказал я.— Морская спасательиая служба. Пропало судно «Морэй Роз», при иеясных обстоятельствах, где-то южиее Ская. Если она была на плаву, ее могло прнгнать сюда. Мы пытаемся...

— А Сью хотела столкнуть вас со скалы, не дав даже рта раскрыть? — Он нежно улыбнулся дочерн.— Узнаю свою Сью. Она ие терпит газетчиков.

— Одни любят, другие иет... Но почему оиа решила, что я нз газеты?

— А вы в двадцать одни год могли отличить газетчика от человека? Я — нет. Это теперь я могу даже за милю. То же самое и с вертолетами спасательной службы. Вы тоже должиы были догадаться, юиая леди... Сожалею, мистер Джонсон, что не можем вам помочь. Мои люди и я провели вчера ночью иесколько часов, патрулируя рифы, но так ничего и не увндели. Нн фоиарей, ни факелов... Ничего подобиого, к сожалению.

— Благодарю вас, сэр. Надеюсь, мы сможем когда-нибудь воспользоваться вашей помощью.— С того места, где я стоял, иа юге была видна мягко раскачивающаяся мачта шлюпки Оксфордской экспедиции в бухте Малая Подкова. Сама шлюпка и палатки пряталнсь за камеинстой грядой. Я спросил у лорда Кирксайда: — Но почему газетчнки, сэр? Даб-Сгейр не так доступеи, как Вестмннстер.

— Конечно, мнстер Джонсон.— Он улыбнулся, но глаза были серьезны.— Вы могли слышать об этом — ну, о нашей семейиой трагедии. Мой старший, Джонатан, и Джон Роллиисон — жеинх Сью.

Я знал, что произошло. И столько месяцев спустя его дочь ходнт с такимн сиияками под глазами... Должно

быть, она сильно любила женнха. Могу поверить в это.

— Я не газетчик, сэр. Совать нос в чужие дела не в моих привычках — это просто вся моя жизнь, смысл моего существования. Но вряд ли стоило здесь об этом говорить.

— Авиационная катастрофа. У Джонатана был собственный «Вичкрафт».— Он указал на зеленую полосу, убегающую к северным утесам.— Он поднялся отсюда в то утро. Они — репортеры — всегда хотят иметь репортаж с места событий. Они прилетали на вертолетах и приплывали на лодках — там, на западе, есть посадочная площадка.— Опять невеселая улыбка.— Но у них не было хороших рекомендаций... Не откажетесь выпить? Вы и ваш пилот?

Лорд Киркснайд, похоже, был сделан из другого теста, чем его дочка и Дональд Мак-Ичери; но с другой стороны, архиепископ Кентерберийский испытал на себе, что характер у Кирксайда был покруче, чем у дочери или мистера Мак-Ичерна...

— Благодарю вас, сэр. Я очень ценю вашу доброту. Но у нас мало времени, день уже на исходе.

— Конечно, конечно. Просто безрассудно с моей стороны. Но и вы не должны питать больших надежд, что успеете что-нибудь найти за это время.

— Откровенно говоря, нет. Но вы же знаете, как это бывает, сэр.

— Мы будем молить бога, чтобы дал вам хоть один шанс на миллион. Удачи вам, мистер Джонсон.

Он пожал мне руку и повернулся, чтобы уйти. Сью заколебалась, потом протянула руку и улыбнулась.

— У нас мало топлива и мало времени,— сказал Вильямс.— Еще час-другой и мы окажемся в темноте. Куда теперь, мистер Калверт?

— На север. Прямо вдоль этой полосы травы — кажется, с нее когда-то взлетали на легком самолете. Потом через ту гряду. А дальше командуйте сами.

Он сделал так, как я сказал, затем мы еще минут десять летели на север, и когда скрылись с глаз всех наблюдателей на этих островах, описали большой полукруг и отправились домой.

Солнце садилось, и под нами была уже скорее ночь, чем день, когда мы снизились над песчаной косой в восточной части острова Торбей. С трудом можно было различать темные пятна деревьев, слабый серебристый блеск песка и белые пятна на воде — там, где она пенилась у рифов, окаймляющих косу. Посадка вызывала у меня опасения, но Вильямс казался столь же спокойным, как мамаша на детском конкурсе, которая сунула жюри пятифунтовую бумажку. Ну, если он не беспокоился, то и мне не стоило — я ничего не понимаю в вертолетах, но достаточно разбираюсь в людях, чтобы признать что рядом со мной сидит превосходный пилот. Все, о чем я должен был беспокоиться, это как я буду пробираться назад через этот адский лес. Хорошо хоть, что теперь мне не надо будет бежать.

Вильямс поднял руку, чтобы включить посадочные огни, но свет вспыхнул за секунду до того, как его пальцы коснулись выключателя. Свет вспыхнул на земле. Яркий луч, слепящий луч, луч поискового прожектора диаметром по меньшей мере в пять дюймов, установленного где-то между линией прибоя и опушкой леса. Луч шел в сторону, затем уперся в нос вертолета, отчего внутри стало светло как днем. Я отвернулся, Вильямс поднял руку, чтобы защитить глаза, но тут же обмяк, убитый на месте, на его белой куртке появилось красное пятно — грудь была пробита в самой середине. Я бросился вперед и вниз, пытаясь найти хоть какое-то укрытие под прозрачным колпаком кабины. Вертолет был неуправляем, он наклонился вперед и медленно вращался вокруг своей оси. Я пытался вырвать руль из рук мертвеца, но тут траектория пуль изменилась. Безумная какофония звуков, железный скрежет пуль, бьющих по двигателю, визг рикошетов. Двигатель остановился внезапно, будто кто-то выключил зажигание. Вертолет больше не хотел оставаться в воздухе, и я ничего не мог поделать. Я напрягся в ожидании удара о воду, но удар оказался намного резче и разрушительнее, чем я предполагал. Мы упали не в воду, а на окружающие отмель рифы.

Я был зажат между полом и приборной доской, дверь была надо мной и я не мог ее достать. После удара я почти потерял сознание и был слишком беспомощен, чтобы добраться до двери. Ледяная вода устремилась сквозь пробитый обтекатель и дыры в днище фюзеляжа. Воцарилась могильная тишина, журчание воды лишь подчеркивало ее. Потом опять застрочил пулемет. Пули пробили фюзеляж как раз позади меня и вышли через обтекатель. Дважды я чувствовал, как резко рвануло у плеча рукав куртки, и постарался с головой спрятаться в ледяную воду. Потом, когда в носу накопилась вода, вертолет наклонился вперед, замер на мгновение, соскользнул с рифа и камнем пошел на дно.

Глава пятая

СРЕДА: СУМЕРКИ — 20.40.

Среди множества смешных и ни на чем не основанных представлений, распространяемых людьми, не ведающими того, о чем они болтают, есть одно, особенное, специально для слабоумных, а именно представление о том, что утонуть — значит избрать самый мирный, легкий и чуть ли даже не приятный вид смерти. Это не так. Это ужасная смерть. Могу утверждать так, потому что пробовал тонуть — и мне это ничуть не понравилось. Мне казалось, что голова раздулась, будто ее накачали сжатым воздухом, боль в ушах и глазах была просто дикой, ноздри, рот и желудок полны морской воды, а мои разорванные легкие, казалось, кто-то облил бензином и поднес спичку. Может быть, если бы я открыл рот и, чтобы сократить затянувшуюся агонию, сделал бы глубокий вдох — последний в своей жизни, может быть, если бы я сделал это, конец наступил бы легко, мирно и приятно. Однако до конца дней я не поверю в это.

Проклятую дверь заклинило. После попаданий в фюзеляж, после удара о рифы, а затем о морское дно, было бы чудом, если бы ее не заклинило. Я толкал ее и тянул к себе, молотил кулаками. Она не двигалась. Кровь клокотала и шумела у меня в ушах, огненные тиски сдавили грудную клетку, крушили ребра, выжимали из легких жизнь. Я уперся ногами в приборную доску и вцепился в ручки двери. Я упирался ногами и выкручивал ручку с такой силой, на какую только способен человек, знающий, что его ждет смерть. Ручка отломилась, меня отбросило назад и вверх, в хвост фюзеляжа, и тут мои легкие не выдержали. Смерть не могла быть хуже этой агонии. Воздух вырвался из наполненного водой рта и ноздрей, и я сделал судорожный вдох, тот самый последний вдох, который должен наполнить легкие морской водой.

Но легкие не наполнились морской водой, они наполнились воздухом. Ядовитым сжатым воздухом, насыщенным парами бензина и масла, но тем не менее — воздухом.

Уровень воды достигал шеи. Я сделал полдюжины глубоких вдохов, чтобы унять огонь в легких и шум в голове, а потом до предела протиснулся в хвостовую часть фюзеляжа. Теперь вода была по грудь. Я пошарил рукой в темноте, чтобы оценить имеющееся в моем распоряжении запасы воздуха. Точно судить было невозможно, но мне показалось, что его хватит минут на десять-пятнадцать, учитывая то, что он находится в сжатом виде.

Я двинулся влево поперек фюзеляжа, глубоко вздохнул и оттолкнулся. В восьми футах от кресла пилота должен быть пассажирский люк, может быть его дверцу удастся осилить. Я нашел — ее — не дверцу, а дыру, где она должна была быть. Удар заклинивший одну дверцу, вышиб другую. Я вернулся в хвостовую часть и подкрепился несколькими глотками сжатого воздуха. Теперь он не показался мне столь замечательным, как в первый раз.

Теперь, когда я знал, что могу выбраться в любую минуту, я не спешил. Если что и отличает тех парней наверху, так это педантизм. Для них сделать работу наполовину все равно, что не сделать ее вообще. Сюда они могли добраться только на лодке, и теперь эта лодка наверняка

кружнт над тем местом, где упал вертолет, и ее экипаж не отмечает успех со стаканами в руках. Эти парни светят с обоих бортов факелами н прожекторами, выискивая какое нибудь волнение на поверхности. И оружие у них иаготове.

Я могу только гадать, сколько времени иаверху будут ждать — в том, что ждать они будут, я не сомневался ни минуты. Но я ничего не мог поделать с постоянно ухудшающимся воздухом. Просто удивительно, сколько времени может провести человек в столь душиой, загрязненной обстановке — кислорода все еще оставалось на несколько мннут. И однако я не мог сидеть здесь бесконечно. Может быть, я и так уже ждал слишком долго?

Я постарался припомнить все, чему меня учили когда-то, когда я работал морским спасателем. Как долго я нахожусь под водой? Как глубоко? Сколько времени продолжалось погружение?

Тогда я не ощущал хода времени. Может, погружение длилось секунд сорок. Где-то на пол пути я сделал последний глоток воздуха, прежде чем погрузнлся в воду с головой. Потом минуты полторы я боролся с дверцей. Минута на отдых, полминуты на поиски другого люка... а после этого, сколько еще? Шесть минут, семь? Не меньше семи. Значит всего около десяти минут. В горле появнлся твердый комок, стало трудно дышать.

Как глубоко погрузился вертолет? Это был вопрос жнзни н смерти. Судя по давлению воздуха в кабине — достаточно глубоко. Но на сколько? Десять морских саженей? Пятнадцать? Двадцать? Я пытался мысленно представить карту побережья Торбея. В самом глубоком месте пролива доходило до восьмидесяти саженей, меня сбили блнже к берегу, стало быть, вполне могло быть, скажем, двадцать пять. Если это так — значит все. Финиш. Что говорнт по этому поводу декомпрессноиная таблица? Если человек пробыл на глубине тридцати саженей десять минут, он должен сделать прн подъеме на поверхность остановку для декомпрессии не менее восемнадцати минут. Иначе азот, растворившийся в крови под давлением, вскипает и тогда... Даже если я находился на глубине двадцати саженей, то н тогда требовалась остановка на шесть минут — и если в мире было хоть что-то, в чем я был уверен на сто процентов, так это в том, что любые остановки не для меня. Я конченый человек. Мне оставалось только выбирать между муками компрессионной болезни н быстрой н верной гибелью от руки тех, кто ждал меня на поверхности. Я сделал несколько глубоких вдохов, стараясь вобрать весь оставшийся кислород в легкие, погрузнлся с головой в воду, преодолел расстояние до люка и устремнлся к поверхности.

Я потерял счет времени на пути вниз, и так же точно я потерял его, поднимаясь. Я плыл медленно, без рывков, расходуя всю энергию только для продвижения вверх и в то же время двигаясь не слишком энергично, чтобы экономно растрачивать запасы кислорода. Каждые несколько секунд я выпускал немного воздуха, совсем немного, чтобы слегка уменьшить давление в легких. Я смотрел вверх, но вода была черна, как чернила — иадо мной, видимо, было саженей пятнадцать, слишком много, чтобы сюда проник хоть луч света. И вдруг незадолго до того, как запас воздуха был исчерпан, вода стала еще темнее, и я ударился головой о что-то твердое и неподвижное. Я ухватился за это что-то, подтянулся н оказался на поверхности, набрав полные легкие холодного, соленого замечательного воздуха. Я ждал мучительных приступов боли от декомпрессии, но их не было. По-видимому, я был на глубине не больше десяти саженей.

За последние десять минут моему мозгу досталось ие меньше, чем всему остальному телу, но он, видимо, пострадал сильнее, поскольку я никак не осознавал, за что держусь. Это был руль судна, н если еще оставались сомнения в этом, то достаточно было посмотреть на бледно фосфоресцирующую воду, которая разбегалась от двух медленно вращающнхся винтов в паре футов от меня. Я вынырнул прямо под судном. Мне повезло — я мог попасть под один нз винтов, который разрубил бы мне голову

пополам. Даже н сейчас, если бы в машнне дали полный назад, меня затянуло бы в водоворот, после чего я выглядел бы как после мясорубкн. Но я прошел уже через такое, что бояться грядущего не было снл. Будем переживать неприятностн в порядке нх поступлеиня.

Из своего укрытия я мог вндеть освещеный прожектором риф — тот самый, о который мы разбнлись. Судио находнлось ярдах в сорока от него, отрабатывая вннтамн против прилнвного течения н ветра. Прожектор обшарнвал чериую воду вокруг, на палубе никого не было видно, но мне ие надо было объяснять, чем они там заняты — они наблюдалн н ждали. Я не мог в темноте опознать судно, однако я подумал, что когда-нибудь смогу встретить его еще раз. Я вытащил из ножен на шее нож и сделал глубокую треугольную зарубку на задней кромке руля.

Вдруг послышались голоса. Я слышал голоса четырех человек, и мие ие составило труда узнать каждый. Доживн я до мафусаиловых лет, и тогда я не смог бы забыть ни одного из них.

— С твоей стороны ничего, Квнни?
— Капитан Имрн, органнзатор охоты на меня на борту «Нантсвилла».

— С этого борта ничего, капитан.— Я почувствовал, как у меня волосы шевелятся на голове. Квинн. Он же Дюрран. Мнимый таможенник. Человек, который почти задушил меня.

— А на твоей стороне, Жак? — снова спросил капитаи Имри.

— Ничего, капнтан.— Это пулеметчик.— Мы здесь уже восемь минут, пятнадцать минут с тех пор, как они пошли ко дну. У человека должны быть очень хорошие легкие, чтобы столько пробыть под водой, капитан.

— Ладно, хватнт,— сказал Имри.— Сегодня ночью вы заработали премию. Крамер!

— Да, капитан Имри? — Голос такой же гортаниый, как у капнтана.

— Полный вперед. Вверх по проливу.

Я оттолкиулся и глубоко ныриул. Вода над головой вскипела в турбулентном фосфоресцирующем потоке. Оставаясь на глубиие около десяти футов, я поплыл к рифу. Как долго я плыл, не зиаю. Конечно, ие больше минуты — мои легкие уже никуда ие годились, даже в сравиеиин с тем, что они могли пятнадцать минут назад. Когда меня вынесло иа поверхиость, я натянул на голову воротник черной непромокаемой куртки.

Не стоило беспокоиться. Я вндел только слабо мерцающий след уходящего судна и больше ничего. Прожекторы были погашеиы. Если капитан Имри считал, что дело сделано, значит оно было сделано. Судно шло в полной темноте без габаритных и навигациоиных огией.

Я повериулся и медленио поплыл к рифу. Добрался до камней и вцепился в иих изо всех сил, что еще оставались в моем измученном теле. Я бы никогда не поверил, что какие-нибудь пятнадцать минут способны так выжать человека. Я оставался у рнфа пять минут. Можно было торчать там хоть целый час, но время было не на моей стороне. Я опять соскользнул в воду и поплыл к берегу.

* * *

Трн раза я пытался и три раза терпел неудачу, пытаясь перебраться через планшир «Файркреста». Четыре фута, не больше. Всего четыре фута. Пустяк. Это мог бы осилить подросток. Но не Калверт. Калверт был уже старой, старой развалиной.

Я позвал Хаислетта, ио Хаислетт ие выходил. Три раза я звал его, но он так и не вышел. «Файркрест» казался мрачным, покинутым и безжизненным. Куда он, черт побери, делся? Спит? Сошел на берег? Нет, сойти он не мог, он должен был оставаться на борту на случай каких-нибудь вестей от дядюшки Артура. Значит, спит, спит в своей каюте. Я почувствовал прилив гнева. Это было уж слишком, после того, что я испытал, это было слишком. Спит! Я закричал, что было снл, н стал колотить о стальной корпус судна рукояткой люгера. Но он не вышел.

Я сделал это с четвертой попытки. Рнскованное было дело, ио я сделал. Через несколько секуид я стоял, перегнувшнсь через планшнр, держа в руке носовой конец от резиновой лодки. Я закрепил конец и отправился нскать Хаислетта. У меня было что сказать ему.

Но я не мог этого сделать. Его не было иа борту. Я обшарнл «Файркрест» от носа до кормового рундука, но Хаислетта ие было. Ни следов поспешиого бегства, ни остатков еды или грязной посуды в камбузе, никаких следов борьбы — все чисто, все в полном порядке. Все как и должно быть. Вот только Хаислетта не было.

Минуту нли две я иеподвижио сидел в салоне, пытаясь представить себе причины его отсутствия, ио только минуту нли две. Я ничего не придумал. Качаясь от усталости, вышел иа верхиюю палубу, затащил резиновую лодку иа борт. Ннкаких дурацких фокусов с якорной цепью, иикакой маскировки — я не чувствовал себя способным на это, да и времеии ие было. Я выпустил нз лодкн воздух и засунул ее вместе с веслами в кормовой руидук. А если кто-нибудь появится на борту и начиет искать? Если кто-иибудь: офицер полиции, помощник комиссара или самый главный таможеиник королевства, ои сиачала получнт пулю в руку нли, скажем, в иогу, а уж потом я выслушаю его объяснения. Если же это будет ктолибо из моих друзей, одии из монх друзей с «Нантсвилла», то он получит пулю в лоб.

Я прошел в каюту и переоделся в сухое, ие забыв и шотлаидский шарф. Кровоподтеки всех цветов радуги, которые Квинн оставил на моей шее, сталн еще больше, мие прншлось обмотаться шарфом до самых ушей. Я посмотрел в зеркало. Казалось, на меня смотрит мой дедушка. Мой дедушка иа смертном одре. Лицо покрылось восковой бледиостью и осунулось, как лицо мертвеца. Капель кровн ие было, но сосновые иглы оставили свои следы, так что выглядел я, как человек, переболевший скоротечным лншаем, а чувствовал себя так, словно был болен скоротечной бубонной чумой...

Я проверил, находятся ли люгер н «лнлнпут» — они были упаковаиы в водоиепроницаемый мешок после того, как мы покннули Даб Сгейр,— в рабочем состоянии. С иими все было в порядке. В салоие я плеснул себе на три пальца виски. Виски проскочнло в глотку, как фокстерьер в нору за крысой — раз н там, и вторая порция прошла следом не замедлив. Старые замерзшие кровяные шарики встали на ноги н кое-как зашевелились. Это показалось мие обиадеживающим н я добавил еще немного, после чего онн перешли иа медленный галоп.

Послышался звук мотора.

Я поставил бутылку на место, выключнл свет в салоие, хотя он был н незаметен снаружи из-за плотных вельветовых штор, и заиял позицию за дверью салона.

Я был почти уверен, что предосторожностн излишни — десять против одного, что это Хаислетт, который возвращается с берега. Но почему он не взял шлюпку, подвешеииую на корме? Возможно, кто-то подбросил его к берегу, а теперь возвращает обратио.

Лодочный мотор сбавнл обороты, перешел на нейтраль, дал задний ход, потом снова нейтраль. Легкий удар, тихие голоса, я услышал, как кто-то карабкается иа борт, потом мотор заработал снова.

Над головой послышались шаги, посетитель — там был один человек — направляется к рулевой рубке. Пружииистые, увереиные шаги человека, который твердо знает, чего ему надо. Было только одио «ио» — это не были шаги Хаислетта. Я прижался к переборке, достал люгер, снял его с предохранителя и приготовился встретить своего гостя в лучших традициях Хайлеида, с которыми уже успел познакомиться.

Скрип открываемой двери рулевой рубки, потом более громкий скрип — дверь закрыли твердой рукой. Луч света от фоиаря пришельца спускался — четыре ступеньки вниз от рулевой рубки к салону. Он потоптался на месте, луч обшаривал стены в поисках выключателя. Я вышел из-за двери н одновременно сделал три вещи: обхватил гостя за шею, уперся коленом ему в поясницу и вставил ствол люгера в ухо. Грубая выходка, ио не слишком грубая, если это был мой приятель Квиии. По тому, как ои

застонал от боли, я понял, что это кто-то другой.

— Это не слуховой аппарат, ты уже, наверное, понял, приятель. Это люгер. Стонт легонько нажать, и ты уже в лучшем мнре. Так что не выводи меня нз себя.

Лучший мнр не прельщал его. Он ие стал выводить меня нз себя. Из его глотки вырвался какой-то булькающий звук, словно он пытался что-то сказать или вздохнуть, но он не пытался вырваться. Я слегка уменьшнл давление.

— Возьмнсь за выключатель левой рукой. Медлеино. Аккуратио.

Он все сделал очень медлеино и аккуратно. Свет залил салон.

— Руки за голову. Еще выше.

Он был образцовым плеииком, этот тип, он делал все нмеино так, как ему приказывали. Я толкнул его вперед, иа середииу комнаты н велел посмотреть на меня.

Он был среднего роста, щегольски одетый: в пальто с воротником нз астраханских смушек н меховой казацкой папахе. Хорошо ухоженная белая борода и усы, по центру бороды шла удивительно ровная полоса черных волос — такую мне доводилось видеть только однажды. Загорелое лицо покраснело — либо от гнева, либо от удушья. Думаю, что и от того, и от другого. Он опустил руки н без спроса уселся в кресло, вытащил монокль, вставил его в правый глаз и уставнлся на меня с холодным бешенством. Не отводя от иего взгляда, я положил люгер в карман, налил в стакан виски н подал его дядюшке Артуру. Вице-адмиралу, сэру Артуру Эрнфорду-Джейсону, кавалеру ордена Банн 2-й степени и прочая, прочая.

— Я мог вас прикончить, сэр,— сказал я с укоризной.

— Да, вы могли меня прикончить.— Голос его звучал полузадушенно, пожалуй я приложил большее усилие, чем следовало.— Вы всегда так встречаете гостей, Калверт?

— У меня не бывает гостей, сэр. У меня нет друзей. По крайней мере на Западных территориях. У меня есть только враги. Я не ожидал увидеть вас здесь, сэр.

— Надеюсь, что так. После такого приема, остается надеяться, что не ожидали.— Он помассировал горло, выпил немного виски и откашлялся.— Я и сам ие предполагал здесь оказаться. Вы знаете, сколько было иа борту «Наитсвилла»?

— Думаю, около миллиона.

— Вот и я так думал. Восемь миллионов! Только подумайте, потерять восемь миллионов фунтов. Золото, которое переправлялось в Штаты, в подвалы Форта Нокс, обычно грузили малыми партиями, но 108 слитков за раз. В целях безопасности. Для надежности. На случай, если что не так. Но Банк был уверен, что иа этот раз все будет нормально, его агенты погнались за вознаграждением и поступили очень умно, погрузив четыреста сорок слитков сразу, никому ничего ие сказав. Восемь миллионов. В Банке сходят с ума. И все валят на меня.

А теперь он прибыл сюда, чтобы все свалить на меня. Я сказал:

— Вы должны были мне сообщить об этом. О том, что появитесь здесь.

— Я пытался. Но вы нарушили предписанный график связи. Самое элементарное нарушение, Калверт, и самое серьезное. Поэтому я и понял, что наши дела стали еще хуже. Поэтому я и решил, что требуется мое присутствие. И поэтому я прибыл военным самолетом, а затем спасательным катером...— Должно быть, у него был самый быстроходный катер из всех, что я видел в заливе.— Где Ханслетт?

— Не знаю, сэр.

— Вы не знаете? — Он спросил самым спокойным невыразительным тоном — тем, который я терпеть не мог.— Вас не было на борту, не так ли?

— Да, сэр. Боюсь, его увезли силой. Пока ие знаю, каким образом. Что вы делали последние два часа, сэр?

— Лучше вы это объясните! — Хоть бы он прекратил возиться с этим проклятым моноклем. Возможно, он носил его не из снобизма, он помогал ему сосредоточиться, но уж больно раздражала манерность, с какой он вставлял монокль в глаз. Сейчас меня все раздражало.

— Этот спасательный катер доставил вас сюда только сейчас. А должен был часа два назад. Почему вы тогда не появились у нас?

— Я появлялся. Мы чуть было не проскочили «Файркрест» в темноте, когда шли вдоль материка. На борту никого не было. Поэтому я решил пообедать. Но насколько я могу судить, на борту этой посудины ничего кроме фасоли нет.

— Отель «Колумбия» ие предложит вам ничего другого. Разве что еще гренки к фасоли, если очень повезет.— «Колумбия» — это единственный отель на Торбее.

— Копченая форель, филе из вырезки и бутылка рейнвейна. Я обедал на борту «Шангри-Ла»... И все это с легким намеком на улыбку. Дядюшка Артур опять выставил свою ахиллесову пяту: он уважал титулы и богатство, баронет с доходом, выраженным семизначным числом, был для него так же хорош, как наследный принц.

— На «Шангри-Ла»? — Я уставился на него, потом сказал: Да, конечно, вы же мне говорили. Вы знакомы с леди Скурос. То есть вы знаете ее очень хорошо, а мужа достаточно неплохо. Как поживает наш старина Энтони?

— Прекрасно,— холодно сказал он. Чувства юмора у дядюшки Артура хватит иа четверых, но только не в разговоре о титулованных миллионерах.

— А леди Скурос?

— Ну-н...— Он колебался.

— Не так прекрасно. Бледна, измучена, несчастна, с темными кругами под глазами. Почти такими же, как у меня. Ее муж плохо с ней обращается, очень плохо. Он ее изводит морально и физически. А на руках у нее следы от веревок. Почему у нее на руках следы от веревок, сэр Артур?

— Это невозможно. Просто фантастика. Я знал бывшую леди Скурос, которая умерла в этом году в больнице. Она...

— Она лечилась в психической лечебнице. Скурос был настолько любезен, что рассказал мне об этом.

— Ну и что? Она обожала его. Он обожал ее. Человек не может так измениться. Сэр Энтони... сэр Энтони — джентльмен.

— В самом деле? Расскажите, как он сделал свои последние миллионы. Вы видели леди Скурос, не так ли?

— Да, я ее видел,— медленно сказал он.— Она запоздала. Она пришла только ко второму блюду.— Он не видел в этом ничего примечательного.— Выглядела она неважно, на правом виске у нее был кровоподтек. Она сорвалась, взбираясь на борт из шлюпки и ударилась о планшир.

— Больше похоже, что она ударилась об своего мужа... Но вернемся к прошлому, к тому времени, когда вы в первый раз взошли на борт «Файркреста». Вы осмотрели судно?

— Я осмотрел его. Все, за исключением кормовой каюты. Она была закрыта. Я предположил, что вы прячете там что-то такое, что не хотели бы показывать случайным посетителям.

— Там было кое-что. То, что неслучайные посетители не хотели показывать вам,— медленно сказал я.— Ханслетт. Связанный Хансл[е]тт. Они ждали сообщения о моей смерти, затем они убили Хансл[е]тта или увезли с собой. Если бы сообщения о моей смерти не было, они дождались бы, пока я вернусь, и схватили меня тоже. Или убили бы нас обоих сразу. Ведь им ясно, что я знаю слишком много, чтобы оставаться живым. Им нужно много времени, чтобы вскрыть сейф на «Наитсвилле» и вытащить все эти тонны золота, а теперь они почуяли, что их время истекает. Сейчас они в отчаянии. Но пока они не сделали ни одной непоправимой ошибки.

— Они ждали сообщения о вашей смерти,— механически повторил дядюшка Артур.— Не понимаю.

— Речь идет о том вертолете, который вы прислали, сэр. Нас сбили вечером после захода солнца. Пилот мертв, а машина на дне моря. Они уверены, что я тоже мертв.

— Теперь понятно. Я вижу, вы набираете темп, Калверт.— Почти никакой видимой реакции. Может он уже достаточно выпил к тому времени, но больше походило на то, что он ищет подходящую комбинацию, которая вернет меня в ряды безработных быстро и без особых затрат. Он зажег

длинную черную манильскую сигару и задумчиво затянулся.— Когда мы вернемся в Лондон, напомните мне, чтобы я показал вам мой конфиденциальный рапорт на вас.

— Хорошо, сэр.— Пусть будет что будет.

— Я обедал с заместителем министра всего сорок восемь часов назад. Он спросил меня, между прочим, какая страна располагает лучшими агентами в Европе. Я не знал тогда, что ответить на этот вопрос. Но я сказал ему, кто, по моему мнению, является лучшим агентом в Европе. Филип Калверт.

— Вы очень добры, сэр.— Если бы убрать бороду, стакан с виски, сигару и монокль, то по выражению его лица можно было бы попытаться угадать, что задумал он своим изощренным умом.— Но вы собрались выгнать меня с работы тридцать шесть часов назад.

— Если вы в это верите,— тепло сказал дядюшка Артур,— то поверите еще кое-чему.— Он выпустил облако вонючего дыма и продолжил.— Один из пунктов в рапорте о вас гласит: «Не годится для обычного расследования. Теряет интерес и быстро начинает скучать. Проявляет лучшие качества в экстремальных ситуациях. В этих случаях не имеет себе равных». Это официальный документ, Калверт. Мне не придется потом отрезать себе правую руку?

— Нет, сэр. Знаете, кто вы, сэр?

— Старый черт Макиавелли,— сказал дядюшка Артур с некоторым удовлетворением.— Вы поняли, что тут происходит?

— Да, сэр.

— Налейте мне еще виски, мой мальчик, на этот раз побольше, и расскажите мне, что произошло, что вы знаете, и что вы предполагаете.

И я налил ему побольше виски и рассказал, что произошло, что я узнал, и столько из того, что я предполагал, сколько мне показалось разумным ему рассказать.

Выслушав меня, он сказал:

— Итак, вы думаете,— Лох-Гурон?

— Должен быть, Лох-Гурон. Больше я нигде ни с кем не разговаривал и никто не мог меня увидеть. Кто-то узнал меня там. Или получил мое описание по радио. Именно по радио. Судно, которое караулило нас с Вильямсом, пришло из Торбея или откуда-то вблизи Торбея. Им бы понадобилось в пять раз больше времени, чем нам, чтобы добраться на судне из Лох-Гурона. Где-то здесь, на море или на суше, есть радиостанция. И где-то на Лох-Гуроне есть другая.

— Вы видели лодку университетской экспедиции на чужом берегу Лох-Гурона. Якобы университетская экспедиция. У них на борту мог быть передатчик.

— Нет, сэр. Видели бы вы этих чудаков с бородами...— Я встал, раздвинул шторы по обеим сторонам салона и снова сел.— Я сказал вам, что их лодка была повреждена. Она стояла на мертвом якоре, однако в ней было полно воды. Сами они ее не дырявили, естественным путем она тоже возникнуть не могла. Кто-то о них позаботился. Еще одно мелкое происшествие с малым судном, которые так часто происходят в этих местах.

— Зачем вы раздвинули шторы?

— Еще одно происшествие, сэр. Оно вот-вот произойдет. Однажды ночью на судне появятся люди. Ханслетт и я мертвы, думают эти люди. По крайней мере я мертв, а Ханслетт или мертв, или у них в руках. Нельзя оставлять «Файркрест» без присмотра, это может вызвать подозрения, начнется расследование. Поэтому однажды ночью они появятся на судне, поднимут якорь и отведут «Файркрест» в пролив на буксире. А там они перережут приемный патрубок системы охлаждения, включат насос, подающий заборную воду, перейдут на свое судно и снимут шляпы, а тем временем «Файркрест» будет тонуть, чтобы присоединиться к вертолету. И все будет выглядеть очень невинно, ведь Ханслетт и я вполне могли сняться с якоря до восхода солнца...

— И воды пролива поглотят вас,— кивнул дядюшка Артур.— Вы уверены в этом, Калверт?

— На этот раз абсолютно.

— Тогда зачем вы раздвинули эти проклятые шторы?

— Похоронная команда не явится когда попало, они будут ждать своего часа. Лучшее время, чтобы затопить яхту в этих водах, это время прилива, а если вы хотите действовать наверняка, лучше дождаться высшей точки прилива, то есть часа ночи. Ну, а если кто-то примчится сюда сразу же после того, как я раздвинул шторы, то это будет веским доказательством того, что существует передатчик, о котором мы говорили, и наши приятели, которые на нем работают, находятся где-то рядом, на суше или на море.

— Почему это является доказательством? — сердито спросил дядюшка Артур.— Почему они должны примчаться?

— Они знают, что Ханслетт у них. По крайней мере я так предполагаю, потому что не могу придумать другой причины его отсутствия. Они знают, что я мертв, но не совсем уверены в этом. И вдруг они видят призывный свет в иллюминаторе. Что это, спросят они себя, Калверт воскрес из мертвых? Или третий коллега Калверта и Ханслетта, которого мы прозевали? Кто бы тут ни был, он должен замолчать. И замолчать немедленно. Вы бы не примчались?

— Не стоит так легкомысленно относиться к этой возможности,— выразил недовольство дядюшка Артур.

— Говоря вашими словами, сэр, если вы поверите в это, то поверите еще кое-чему.

— Сначала надо было посоветоваться со мной, Калверт.— Дядюшка Артур поерзал на своем месте — едва уловимое движение, выражение лица не изменилось. Он был прекрасным администратором, но вот оглушать человека одним ударом и сталкивать его со скалы — это было не совсем по его части.— Я же говорил вам, что приехал сюда только для проверки.

— Виноват, сэр Артур. Может вам лучше переделать рапорт? Я имею в виду ту часть, где говорится о лучшем в Европе.

— Вот ненормальный,— проворчал он.— Они нападут на нас из темноты, не так ли? Они уже на пути сюда. Вооруженные убийцы. Не должны ли мы подготовиться, чтобы защитить себя? Черт возьми, у меня ведь даже нет пистолета.

— Он может вам и не понадобиться. Если вы не согласитесь со мной.— Я протянул ему люгер. Он взял его, проверил обойму, убедился, что предохранитель сдвигается легко, и уселся, неловко держа пистолет в руке.

— Может, нам следует двигаться, Калверт? А то изображаем из себя неподвижные мишени.

— Их еще долго не будет. Ближайший дом или судно в миле к востоку отсюда. Им придется двигаться навстречу ветру и приливу, а мотором пользоваться они не могут. Если они идут на веслах, то им еще долго тащиться. Но наше время уходит, сэр. Нам еще многое надо сделать за эту ночь. Ведь перевозки золота кончаются, не будут же они нападать на резиновые лодки после того, как взяли пять океанских кораблей. Так что вернемся к Лох-Гурону. Начнем с МакИчерна — его действия выглядят подозрительно, уж очень рьяно он защищает свою недвижимость. И он так напуган, будто ему в спину смотрело полдюжины ружей, когда он столкнулся со мной. Слишком правдоподобно, чтобы быть правдой, профессионалы не будут так действовать.

— Может быть, профессионалы проверяли, как будет реагировать профессионал. Вы говорите, что он был испуган.

— А может, это пустой номер. Может, он причастен, но только косвенно. Тогда есть еще ловцы акул. У них есть лодки, есть недвижимость, они живут здесь не первый год и всем тут хорошо известны. Они на хорошем счету на побережье. Кроме того, есть еще Даб-Сгейр. Лорд Кирксайд и его прекрасная дочь Сью.

— Леди Сьюзен,— сказал дядюшка Артур. Трудно было при столь безразличном, отсутствующем выражении изобразить холодный упрек, но ему это удалось.— Я знаю лорда Кирксайда, разумеется.— Его тон показывал, что было бы странным, если бы он его не знал.— И прав я или нет относительно сэра Энтони, но насчет лорда Кирксайда я уверен: он совершенно неспособен совершить что-нибудь нечестное или противозаконное.

— Я тоже. Он довольно суров

с виду, но душа у него аигельская.

— А его дочь? Я ее иикогда не встречал.

— Вполие современная девушка. Одета на современный лад, говорнт по-совремеиному: я смела, я все зиаю, я могу за себя постоять. Но она совсем не смелая, просто симпатичная старомодная девчонка в модных одежках.

— Итак, нх мы исключаем,— сказал с облегчением сэр Артур.— У нас остаются ловцы акул, экспедиция, несмотря иа вашн насмешки, н Мак-Ичерн. Лично я за ловцов акул.

Я не стал спорить. Пришло время подняться на палубу, н я сказал ему об этом.

— Теперь уже недолго?

— Думаю, что нет, сэр. Мы выключим свет в салоне — это будет очень некстати для иих, если оин попробуют заглянуть в окиа. Мы включим аварийное освещение кают и мачтовый огонь. Это укажет им место расположения лодки. Корма будет освещена. А нос будет погружен во тьму. В этой темноте мы н скроемся.

— Мы будем в темноте? — Голос дядюшки Артура звучал не слишком уверенно.

— Вы встанете в рулевой рубке. Дверь в иее открывается наружу. Держнтесь изнутри за ручку. Только очень легко. Как только почувствуете, что она поворачивается, очень медлеиио н бесшумио поворачивается, прнготовьтесь. А как только дверь чуть-чуть приоткроется, ударьте в дверь ногой со всей силы чуть ниже ручки. Если вы не сломаете ему иос или ие перекинете его за борт, то по крайней мере выбьете половину зубов. А я позабочусь об остальных.

— Каким образом?

— Я буду на крыше салоиа. Там будет тень от мачты, н даже если они подойдут со стороны рулевой рубки, они не смогут разглядеть мой силуэт.

— Но что вы собираетесь делать?

— Искалечить его. Или нх. Большой гаечный ключ нз машииного отделения, обернутый тряпкой,— думаю, это будет неплохо.

— А почему бы нам не ослепить их прожектором и не заставить подиять руки? — Дядюшка Артур явно не оценил мой образ действий.

— По трем причннам. Это опасные и опытные люди, нх не следует предупреждать. Тут иет честной спортивной борьбы, иадо заботнться о нашей жизни. Далее, я уверен, что они уже рассматривают «Файркрест» в ночной бинокль. Наконец, звук хорошо распространяется по воде, а ветер дует в сторону Торбея. Это я на тот случай, если начнется стрельба.

Он больше ничего не спрашивал. Мы вышли на нсходные позиции и стали ждать. Все еще лил сильный дождь и с запада дул ветер. Дождь не особенно смущал меня, я надел водонепроницаемый костюм. Распластавшись на крыше салона, я лежал, расслабив пальцы рук, правая придерживала гаечный ключ, в левой был нож. Они появились через пятнадцать миiут. Я услышал легкое касание резины по правому борту со стороны двери в рулевую рубку. Я потянул за шиур, который проходил через заднее окно рулевой рубки. Шнур был прнвязан к руке дядюшки Артура.

Их было только двое. К тому времени мои глаза прекрасно прнспособились к темноте, и я мог легко различить фигуру первого, который шагнул через борт чуть ниже того места, где я лежал. Он закрепил носовой конец и стал ждать своего напарника. Вперед онн двинулись вместе.

Первый корчился в агонии после удара дверью, который, как мы потом установили, прншелся прямо в лицо. Со вторым ие так повезло — он обладал кошачьей реакцией н уже спрыгивал на палубу, когда гаечный ключ обрушился на него. Я схватил его за руку или за плечо и ударил еще раз — по голове. В одной руке у него был нож или пистолет, и если бы я промедлил долю секунды, выясняя, что нменно у него было, я был бы покойннком. Я отпустил руку, и он тут же тихо улегся.

Я прошел мимо второго, задернул шторы в салоне н зажег свет. После этого я приподнял стонущего на палубе человека, протащнл его через дверь рулевой рубки, вниз по ступенькам в салон и бросил на ковер. Я не узнал его. В этом не было ничего удивительного: родная мать его бы не узнала. Дядюшка Артур был нз тех, кто делает работу добросовестно.

— Держите его на прицеле, сэр,— сказал я. Дядюшка Артур смотрел на дело рук своих с иесколько удивленным выражением. Единствениое, чем отличалось его лицо от обычного состояния, была легкая бледность.— Если он иачнет рыпаться, убейте его.

— Но... посмотрите иа его лицо. Не можем же мы так оставить...

— А вы посмотрите на это, сэр.— Я наклонился н поднял оружие, которое выпало, из рук этого парня, когда я бросил его на ковер.— В полицейском департаменте Соедниеиных Штатов это иазывают «малюткой». Обрез, у которого отпнлено две трети ствола н две трети прнклада. Если бы ему удалось выстрелить первым, у вас вообще не осталось бы лица. В буквальном смысле. Вы все еще чувствуете себя в роли Флоренс Найтингайл над павшим героем?

Это был совсем ие тот тон, в котором можно говорить с дядюшкой Артуром, поэтому в конфнденциальном рапорте, когда мы вернемся, появятся иекоторые дополнения. Если мы вернемся. Но в тот момент я не мог говорить нначе. Я прошел мнмо дядюшки Артура н поднялся по ступенькам.

В рулевой рубке я взял маленький фонарик, вышел наружу и посветил за борт, прикрывая лампочку так, чтобы свет был не виден со стороны. Они прнплыли на резиновой лодке, и подвесиой мотор на ней был. Героипобедители, согреваемые чувством удовлетворения после хорошо выполненной работы, намеревались возвращаться с комфортом.

Обмотав конец вокруг головки цилиндра и подтягивая попеременно то его, то носовой конец, я за пару минут втащил на палубу лодку. Отсоединил мотор, перетащил лодку на другую стороиу надстройки, чтобы не было видно с залива, и исследовал ее тщательио при свете фонаря. Кроме имени изготовнтеля на ней ие было ннкакнх пометок, позволяющих определить ее прннадлежность тому или иному судну. Я разрезал ее на полосы н выкинул за борт.

Вернувшись в рулевую рубку, я отрезал двенадцатнфутовый кусок кабеля в полихлорвиниловой оболочке, вышел наружу и прнвязал к лодыжкам мертвеца подвесиой мотор. Я обследовал его карманы — ничего. Я знал, что там ннчего не будет, я нмел дело с профессионалами. Я поднял фонарь н осветил его лицо. Я никогда прежде его не видел. Забрав у мертвеца пистолет, я снял цепь ограждения, столкнул сначала подвесной мотор, а потом и тело за борт. Они исчезли в темной воде залива Торбей без единого всплеска. Я зашел внутрь, закрыл дверь рулевой рубки н дверь салона за собой.

Раиеный к тому времени уже был на ногах, он стоял пошатываясь, промокая лицо полотенцем, и время от времени стонал. Я ие осуждаю его — если бы у меня был сломан нос, выбнты почти все передние зубы и, скорее всего, сломана челюсть, я бы тоже стонал. Дядюшка Артур с пистолетом в одной руке и монм стакаиом в другой сидел на скамье и созерцал дело рук своих со странной смесью удовлетворения и отвращения на лице.

— Ковер несколько пострадал,— заметнл он.— А что мы будем делать с этим?

— Передадим полиции.

— Полиции? Вы что — заранее ее вызвали?

— Ну, вы слишком многого от меня хотите. Придется немного подождать.

— А наш прнятель снаружи?

— Который?

— Ну, это тип... э-э... сообщник.

— Я броснл его за борт.

Ковер опять пострадал, поскольку дядюшка Артур пролил на него вискн.

— Что? — спросил он.

— Не беспокойтесь.— Я указал пальцем вниз.— Глубина двадцать саженей и почти тридцать фунтов металла привязано к ногам.

— На... на дне моря?

— А вы думали, я устрою ему похороны на государственный счет? Виноват, я не сказал вам, что он был мертв. Я убил его.

— Убил? Убил? — Он был растерян.— Почему, Калверт?

— Здесь не спрашивают почему. Здесь не требуют оправданий. Или я его, или он меня, а потом н вас. Вам нужио основание для убийства челове-

ка, который сам убивал по меньшей мере трижды, а может быть, и больше? Даже если нмеиио этот тип прежде не убивал, то сюда он пришел нмеиио за этим. Я убил его не раздумывая, без жалости, как раздавил бы тарантула.

— Да, вы правы, вы правы.— Он вздохнул.— Должен прнзиать, впечатление от ваших отчетов несколько иное, чем от иепосредственного участия. Но я должеи также призиать, что в случаях, вроде этого, полезио иметь вас где-нибудь поблизости. Ну что ж, давайте доставим этого типа в участок.

— Я бы предпочел сначала побывать на «Шаигри-Ла», сэр. Чтобы поискать Хаислетта.

— Понимаю. Чтобы иайти Хаислетта. Вам не прнходит в голову, Калверт, что если они — враги, как вы полагаете, то вам не позволят искать Хаислетта?

— Да, сэр. В мои намерения не входит появляться на «Шангри-Ла» с пистолетами в обеих руках и обыскивать яхту. Мне ие дали бы пройти н пяти футов. Я только собираюсь спросить, не видел ли его кто-нибудь. Думаю, полезио понаблюдать за их реакцией, когда покойник явится к ним на борт, особеино, если покойник является с яхты, на которую они только что послали пару убийц. А представляете, как интересно будет понаблюдать за ними некоторое время спустя, когда они так и не дождутся возвращения убийц?

— Еслн предположить, что они бандиты, то, конечно.

— Я узнаю это до того, как мы скажем «до свидания».

— Я взял моток провода из рулевой рубки и отвел своего пленника в кормовую каюту. Я прнказал ему сесть, обмотал проводом его талию и привязал к геиератору, ноги я привязал к одиой нз опор. Руки я оставнл свободными. Он мог двигаться, мог пользоваться полотенцем и ковшом с холодной водой, которые я ему оставнл. Но он не мог дотянуться до стекла или какого-инбудь режущего инструмента, чтобы освободиться или покончить с собой. Хотя, по правде говоря, ни то, нн другое меня сильно не беспокоило.

Я запустил двигатели, выбрал якорь, включил навигациоиные огни н направился к «Шаигрн-Ла». И тут я вдруг почувствовал, что не чувствую больше усталости.

Глава шестая

СРЕДА: 20.40—22.40.

Менее чем в кабельтове от «Шангри-Ла» я заглушнл мотор, якорь с лязгом ушел иа глубнну в пятиадцать саженей. Я погасил навигациоиные огни н свет в рулевой рубке, спустился в салон н закрыл за собой дверь.

— Долго мы будем сидеть? — спросил дядюшка Артур.

— Недолго. Лучше бы вам надеть непромокаемый плащ, сэр. После следующего дождевого заряда мы пойдем.

— Как вы думаете, они наблюдали за нами в ночной бинокль, пока мы пересекали бухту?

— Что за вопрос? Они и сейчас ие сводят с иас глаз. Они очень беспокоятся, беспокоятся потому, что все идет не так, что-то случилось с нх приятелями, которых послали взять у нас интервью. Конечно, еслн они — бандиты.

— Они начнут их искать.

— Не сразу. Не раньше чем через час нлн два. Они будут ждать их возвращения. Подумают, что те слишком долго добнрались до «Файркреста», н мы снялись с якоря до их появления. Или что-то случилось с резиновой лодкой.— Я услышал, как дождь с силой забарабанил по крыше салона.— Пора отправляться.

Мы поднялись иа палубу, прошли на корму, тихо спустили резиновую лодку на воду и по кранцу слезли в иее. Я оттолкнулся. Ветер и прнлив тут же поиесли нас вперед, к заливу. Сквозь струи дождя мы с трудом различали «Шангри-Ла», раскачивающуюся на волнах, в то время как нас несло ярдах в ста мимо ее левого борта. Где-то посреднне между «Шангри-Ла» и берегом я запустил мотор и повернул назад.

Катер был отшвартован за коиец шлюпбалки, выставленной по правому борту «Шангри-Ла» примерио футах в десяти от мостика. Корма катера была в каких-нибудь пятнадцати футах от освещенного трапа. Я подошел с правого борта, против ветра, и причалил к трапу. Матрос в иепромокаемом плаще и французской бескозырке с помпоном сбежал по трапу и принял носовой конец.

— А-а... Добрый вечер, приятель,— сказал дядюшка Артур. Он ие пытался изображать что-то: нменно в таком тоне ои обычио и разговаривает с людьмн.— Сэр Эитони на борту?

— Да, сэр.

— Надеюсь, я могу встретиться с ним иенадолго?

— Если вы подождете... э-э...— Ои осекся, уставившнсь на сэра Артура.— О-о, это вы, адмирал!

— Адмирал Эрнфорд-Джейсои. А вы тот самый парень, что отвознл меня на берег в «Колумбию» после обеда?

— Да, сэр. Я провожу вас в салон, сэр.

— Моя лодка подождет меня здесь несколько мииут.— Тем самым ои давал понять, что я всего лишь его матрос.

— Прекрасно, сэр.

Адмнрал вскарабкался по трапу и прошел иа корму. Десять секунд я потратил на осмотр съемных пернл, обрамляющих трап, и решил, что их можно выдериуть без особого труда, затем последовал за адмиралом и его сопровождающим на корму. Я прошел коридором, ведущим в салои, н спрятался за вентиляциоиной трубой. Почти тут же матрос вернулся обратио. Секуид двадцать он будет размышлять, куда я делся, ио меия мало занимало, чем он будет занят в эти двадцать секунд.

Подкравшись к приоткрытой двери салоиа, я услышал голос дядюшки Артура.

— Нет, нет, я нскреиие сожалею, что ворвался к вам столь бесцеремонно... Да, благодарю вас, пожалуй, ие откажусь, если вам ие трудно. Да, и содовой, пожалуйста.— Казалось, дядюшка Артур пожаловал лишь для того, чтобы промочить горло иа сон грядущий.— Спаснбо, спасибо. Ваше здоровье, леди Скурос. Ваше здоровье, джентльмены... Не хотелось бы вас задержнвать, но буду очень благодарен, если вы поможете нам. Я н мой друг, мы очень обеспокоеиы, понстиие очень... Куда же ои подевался? Я думал, он идет следом за мной...

Реплика Калверта. Я опустил воротник иепромокаемой куртки, который закрывал нижнюю часть лица, снял зюйдвестку, скрывавшую лицо до самых бровей, вежливо постучал н вошел.

— Добрый вечер леди Скурос. Добрый вечер, джентльмены. Прошу прощения за вторжение, сэр Эитони.

Кроме дядюшки Артура их было шестеро — в дальием конце салоиа, у камина. Сэр Энтони стоял, остальные сндели. Шарлотта Скурос, Дольман, управляющий Скуроса, Лаворски — его банкир, лорд Чернли — маклер, и пятый, которого я не узнал. Все держали в руках бокалы.

Их реакция на мое внезапное появление была интересиой. Старина Скурос изобразил нечто среднее между иеудовольствием и задумчивостью. Шарлотта Скурос послала мие натяиутую улыбку. Дядюшка Артур не преувеличивал: кровоподтек у нее иа лнце был внушительный. Лнцо незнакомца ничего не выражало, лицо Дольмана было иепроницаемо, у Лаворски оно, казалось, было высечено из мрамора. Зато у лорда Чернли было такое выражение, словно ои в полиочь забрался в церковь на кладбище и кто-то схватил его за плечо. Конечно, мие могло это показаться. Но что уж мне точно не показалось, так это звои упавшего на ковер хрустальиого бокала. Прямо сцена нз мелодрамы викторианских времен. Наш маклер-аристократ, видимо, еще сохраиил остатки души. За других я бы ие поручился, Дольман, Лаворски и, в чем я особенно был увереи, сэр Эитони могли заставнть свои лица выражать все что угодио.

— Боже мой, Петерсон! — Тон Скуроса выражал удивление, но не удивление при виде человека, восставшего нз могилы.— Я и не подозревал, что вы знакомы друг с другом.

— Господи, да, конечио же. Мы с Петерсоиом коллеги, Тонн. ЮНЕСКО, вы же зиаете.— Дядюшка Артур всегда выдает себя за предста-

вителя ЮНЕСКО, эта крыша помогает ему оправдывать частые поездки за границу.— Морская биология настолько же составная часть культуры, как и науки. Петерсон один из лучших моих организаторов. Я имею в виду публичные лекции. Он выступает в Европе, Азии, Африке, Южной Америке...— Это было близко к истине, только не с лекциями я туда ездил.— Я даже не знал, что он здесь, пока мне не сказали об этом в отеле. Но, дорогой мой, речь не о нас. Речь идет о Хэнслетте. Коллеге Петерсона. И моем, конечно. Мы не можем его найти. В деревне его нет. Ваше судно ближайшее. Вы его не видели?

— Боюсь, что нет,— сказал Скурос.— А остальные? Нет? Никто? — он нажал кнопку звонка, появился стюард. Скурос велел ему расспросить команду, и стюард вышел.— Когда он исчез, мистер Петерсон?

— Понятия не имею. Я оставил его, когда отправился на работу. Меня не было целый день, я собирал образцы. Медузы,— невесело рассмеялся я и потер пылающее лицо.— Боюсь, что какой-то ядовитый вид. А когда я вернулся, от него не осталось и следа.

— Ваш друг умеет плавать, мистер Петерсон? — спросил незнакомец. Я посмотрел на него: мрачный коренастый тип лет сорока, с цепкими черными глазами, глубоко посаженными на загорелом лице. Бесстрастные лица были здесь в моде нынче, поэтому и я постарался остаться бесстрастным. Но это было нелегко.

— Боюсь, что нет,— спокойно сказал я.— Боюсь, что вы думаете о том же, что и я. У нас нет защитного ограждения. Один неосторожный шаг и...— Я замолчал, поскольку явился стюард и доложил, что никто Хэнслетта не видел. После этого я продолжил: — Думаю, надо немедленно сообщить об этом сержанту Мак-Дональду.

Оказалось, все разделяют мое мнение, так что мы сразу же вышли. Холодный дождь хлестал сильнее, чем прежде. На последней ступеньке трапа я поскользнулся, взмахнул руками и рухнул в море, увлекая за собой шаткие перила, вместе с освещавшими трап фонарями. Дождь, ветер и внезапная темнота вызвали некоторое замешательство, поэтому им потребовалось не меньше минуты, пока меня вытащили на палубу. Старина Скурос выразил сочувствие и предложил мне переодеться немедленно, но я вежливо отказался, и мы с дядюшкой Артуром возвратились на «Файркрест». По дороге мы молчали.

Как только мы привязали резиновую лодку, я сказал:

— Когда вы обедали на «Шангри-Ла», вы, наверное, рассказали им какую-то басню, чтобы оправдать свое появление, да еще на катере военно-воздушных сил?

— Да. И довольно достоверную. Я сказал им, что проходящая в Женеве конференция ЮНЕСКО приостановлена из-за отсутствия некоего доктора Спенсера Фримена. Так оно и есть. Об этом писали во всех газетах. Доктора Фримена там нет, поскольку нам удобно, чтобы его там не было. Этого я им, конечно, не сказал. Я сказал, что интересы нации требуют, чтобы доктор был там, а нам стало известно, что он проводит исследования в Торбее, поэтому правительство прислало меня за ним.

— А почему вы отослали катер назад? Это может показаться странным.

— Нет. Если он бродит где-то в дебрях Торбея, я все равно не смогу его найти до утра. А когда найду, достаточно будет снять телефонную трубку и через пятьдесят минут здесь будет вертолет.

— И разумеется, вы не могли знать, что телефонная линия выведена из строя... Это сработало бы, если бы вы не появились здесь до того, как отправиться на «Шангри-Ла». Наши друзья, запертые в кормовой каюте, сообщили своим, что слышали шум мотора спасательного катера в такое-то время. Они могли увидеть вас в щель, но даже если и не видели, шум двигателей катера спутать невозможно. И теперь наши друзья знают, что вы бессовестно врете о нашей случайной встрече. Наверняка они сейчас мучаются мыслью, кто же вы на самом деле. Примите мои поздравления, сэр. Теперь вы принадлежите к той же категории, что и я — ни одна страховая компания не выдаст вам полис, даже при высшей ставке платежей.

— Путешествие на «Шангри-Ла» устранило последние ваши сомнения насчет наших друзей оттуда?

— Да, сэр. Вы наблюдали реакцию нашего титулованного маклера, лорда Чернли. А ведь он аристократ с головы до пят!

— Вы делаете слишком далеко идущие выводы, Калверт,— холодно сказал дядюшка Артур.

— Да, сэр.— Я вытащил акваланг из рундука и направился вниз.— Мое падение в воду не было случайным. Я сделал это с определенной целью. Я не говорил, что когда цеплялся за руль той лодки у рифов, то сделал на нем пометку. Глубокую треугольную зарубку. На руле катера «Шангри-Ла» есть глубокая треугольная зарубка. Та же самая. И лодка та же самая.

— Понятно. Теперь понятно.— Дядюшка Артур уселся на скамью, проделал нехитрую операцию с моноклем и уставился на меня.— Но вы забыли заранее ознакомить меня с вашими планами.

— Я не забыл.— Я начал стаскивать с себя промокшую одежду.— Просто раньше у меня не было повода узнать, хороший ли вы актер, сэр.

— Готов признать это. Итак, именно это устранило ваши последние сомнения?

— Нет, сэр. Только подтвердило дополнительно. Я уже знал все до этого. Вспомните того смуглого типа, который сидел сбоку от Лаворски, он еще спрашивал, умеет ли Хэнслетт плавать. Готов поставить жалованье за год против пенни, что его не было с вами во время обеда на «Шангри-Ла».

— Вы выиграли. Но как вы догадались?

— Потому что он командовал экипажем судна, ждавшего вертолет, он приказал убить Вильямса, он велел потом караулить меня на месте падения. Его имя капитан Имри. Он командовал и на «Нантсвилле».

Дядюшка Артур кивнул, но думал он о другом. Он думал об акваланге, который я тем временем надевал.

— Что вы, черт побери, собираетесь с этим делать? — спросил он.

— План моих действий? Сию минуту, сэр. Я собираюсь совершить небольшое путешествие на «Шангри-Ла». Вернее, на катере «Шангри-Ла». С небольшим пеленгующим устройством и пакетиком сахара. С вашего позволения, сэр.

— Вы что-то еще забыли сказать мне, Калверт. Как насчет вашего падения в воду, которое не было случайным?

— Я хотел бы оказаться там до того, как они восстановят освещение, сэр.

— Я не могу этого допустить, не могу допустить...— Дядюшка Артур покачал головой. Поначалу я подумал, что тот возражает против моего путешествия на «Шангри-Ла», но его последующие слова показали, что ум его был занят более возвышенными результатами.— Чтобы Тони Скурос был замешан в таком деле? Здесь что-то не так? Я просто не могу в это поверить. Боже мой, знаете ли вы, что он уже включен в список на присвоение звания пэра на будущий год?

— Уже? А он говорил мне, что ждет, когда будут снижены цены.

Дядюшка Артур ничего не сказал. В другое время его хватил бы инсульт от такого заявления, поскольку сам он стал пэром, только выйдя в отставку. Он был потрясен.

— Мне все равно, я только хочу арестовать их всех,— сказал я.— Но у нас связаны руки. Мы беспомощны. Но сейчас я знаю, что мы должны разузнать до того, как сойдем на берег. С вашей помощью, сэр. Есть две вещи, которые я хотел бы узнать. Во-первых, был ли сэр Энтони на верфи в Клайде несколько дней назад, чтобы сменить стабилизаторы — это сложная работа, и такая яхта как у него не могла быть не замечена. Это можно выяснить за пару часов. Народ простодушен, ему незачем врать. Во-вторых, я хотел бы знать, предпринимал ли лорд Кирксайд необходимые шаги, чтобы титул его погибшего сына — он был, кажется, виконтом,— перешел к младшему сыну.

— Вы уже взяли все в свои руки, я спрошу все, что вы хотите,— вяло сказал дядюшка Артур. Он и не

Дядюшка Артур медленно, как во сне, двинулся вперед.

Передатчик исчез. Все взрывные устройства, подслушивающая аппаратура, микропередатчики — все это исчезло. Они получили достаточно большое свободное пространство. Даже если бы они увеличили Ханслетта вдвое, и тогда бы для него хватило места. Голова его покоилась на руках, руки на коленях, и места оставалось еще очень много. Я не видел его лица. И никаких следов насилия тоже. От его фигуры веяло мирным покоем, словно он в летний полдень прислонился к нагретой солнцем стене. Слишком долгим оказался для него летний полдень. Когда я звал его из лодки, он уже спал вечным сном.

Я коснулся его лица. Оно еще не остыло. Он умер два или три часа назад, не более. Я повернул тело, чтобы узнать, как он умер. Его голова свесилась набок, как у сломанной куклы. Я повернулся и посмотрел на сэра Артура. Задумчиво-сонное выражение исчезло, его глаза были холодными, злыми, беспощадными. Я всегда с недоверием относился ко всем этим россказням о беспощадности дядюшки Артура. Теперь я им поверил. Ясно, что дядюшка Артур занял свой пост не по объявлению в «Дейли Телеграф»; наверняка, двое-трое умных людей прочесали все королевство, чтобы найти человека именно с теми специфическими свойствами характера, какие им требова-

слушал меня, все пытался опровергнуть мысль о том, что будущий пэр мог ввязаться в авантюру такого масштаба.— И подайте мне вон ту бутылку, прежде чем спуститесь к передатчику.

Судя по темпу, какой набрал дядюшка Артур, надо было благодарить провидение за то, что мы встали на якорь всего в полмиле от дома самого известного самогонщика в Хайленде.

Я поставил фальшивую крышку правого двигателя на пол так, словно она весила не меньше тонны. Выпрямился и целую минуту стоял без движения. Потом подошел к двери машинного отделения.

— Сэр Артур!

— Иду, иду...— Несколько секунд спустя он появился в коридоре со стаканом в руке.— Вы уже соединились?

— Я нашел Ханслетта, сэр.

лись, и беспощадность входила в число этих свойств. Раньше я об этом не задумывался.

— Убит, конечно,— сказал он.

— Да, сэр.

— Каким образом?

— Ему свернули шею.

— Шею? Такому силачу, как Хanслетт?

— Я знаю человека, который способен сделать это одним движением руки. Человек, который убил Бейкера и Дельмонта. И чуть не убил меня. Квинн.

— Ясно...— Он помолчал, затем продолжил отсутствующим тоном.— Разумеется, вы должны найти этого человека и обезвредить его. Любым способом, какой захотите избрать.— Дядюшка Артур все время говорил очень спокойно и вдруг впервые с тех пор, как я его знаю, перешел на крик: — Но как они, черт побери, могли догадаться, что это фальшивый дизель? Как они могли узнать, Калверт? — Он заговорил тихо, почти шепотом: — Им кто-то сказал, Калверт. Или это чья-то преступная неосторожность.

— Никто не говорил, сэр. Это просто преступная неосторожность. Моя. Будь я внимательнее, Ханслетт не лежал бы здесь. В ту ночь, когда два фальшивых таможенника были на борту, я видел, что они обшаривали все подряд, пока не дошли до машинного отделения. И их уже ничего не интересовало, когда они нашли наши батареи. Они сразу успокоились, и Ханслетт предположил, что их заинтересовали именно батареи...— Я взял с полки фонарик, подал его дядюшке Артуру.— Сможете ли вы, осмотрев батареи, найти что-нибудь подозрительное?

Он сверкнул на меня злым, холодным взором через свой монокль и принялся тщательно изучать батареи. Он потратил две минуты на поиски, потом выпрямился.

— Я ничего не нашел,— сказал он зло.

— Томас-таможенник нашел. Он опережал нас уже на старте. Он знал, что он ищет. Он искал мощный радиопередатчик. Не ту безделушку, что мы поставили в рулевой рубке. Он искал ту нагрузку, для которой были предназначены все эти батареи. Он искал следы от клемм или крокодилов, какими присоединяют передатчик большой мощности.

Дядюшка Артур выругался и снова склонился над батареями. На этот раз ему хватило десяти секунд.

— Вы сделали правильный вывод, Калверт.— Его глаза были все еще злыми, но уже не так сверкали на меня.

— Неудивительно, что они точно знали, чем я займусь сегодня,— сказал я в ярости.— Неудивительно, что они знали, когда Ханслетт останется один, когда я появлюсь на той косе вечером. Все, что им требовалось,— это подтверждение по радио от кого-то в Лох-Гуроне, что Калверт вертится там, после чего они, естественно, решили сбить вертолет. Все их фокусы с поломками передатчиков были нужны, чтобы убедить нас в том, что только у нас остался передатчик. О боже, насколько же надо быть слепыми!

— Я полагаю, что теперь-то вы прозрели,— холодно сказал дядюшка Артур.

— В тот вечер мы с Ханслеттом отправились выпить на «Шангри-Ла». Я говорил вам, что после мы догадались, что здесь побывали гости. Тогда мы не поняли зачем. О боже!

— Вы уже доказали, что на вашем месте я тоже ничего не понял бы насчет батарей. Нет никакой необходимости повторять...

— Дайте мне закончить,— прервал я его. Дядюшка Артур не любит, когда его прерывают.— Они спустились в машинное отделение. Они знали, что там есть передатчик. Они осмотрели правую головку блока. Четыре настоящих болта, остальные фальшивые — на краске ни единой царапины от ключа. На болтах левой головки вообще ни одной царапины. Они сняли правую головку и подключили к выходу передатчика свой — миниатюрный, совсем незаметный. И с тех пор они слышали каждое наше слово. Они прекрасно понимали, что им выгоднее оставить нам с Ханслеттом этот канал для связи с вами, чтобы точно знать наши планы, чем заставлять нас искать какие-то другие, неведомые им пути связи.

— Но почему... почему тогда они сами лишили себя этого преимущества таким... таким образом? — Он указал на пустой корпус дизеля.

— Это не было больше преимуществом,— сказал я устало.— Когда Ханслетт умер, и Калверт, как они считали, был мертв... Им уже были не нужны никакие преимущества.

— Конечно, конечно... О боже, ну и каша заварилась...— Он снял монокль, протер глаз сгибом пальца.— Теперь я понимаю смысл вашего замечания тогда, в салоне...— что нам придется рассчитывать только на себя. Они не знают, что нам известно, но они прикинут, стоит ли рисковать, если на карту поставлено семнадцать миллионов фунтов стерлингов. Они постараются заставить нас замолчать.

— Это единственное решение,— согласился я.— Мы пробыли тут уже довольно долго, они, наверное, уже в пути. Не выпускайте люгер из рук, сэр. Здесь, на борту, мы в безопасности. Но сначала мы должны доставить Ханслетта и нашего приятеля из кормовой каюты на берег.

— Да-да, мы должны доставить их на берег.

Поднять якорь при помощи электрической лебедки смог бы даже идиот, даже насмерть перепуганный идиот и тот бы справился. Но стоит неосторожно подставить руку или свисающий край прорезиненной куртки, как их затянет между цепью и барабаном, и вы лишитесь руки или ноги прежде, чем успеете крикнуть или дотянуться до рубильника. Работать на скользкой мокрой палубе вдвойне опасно. Но проделывать это на скользкой мокрой палубе, в полной темноте, под сильным дождем, когда судно раскачивается на волнах, да еще с отключенным храповиком и накрыв лебедку брезентом... Не стоит и говорить, насколько опаснее. И все же это было не опаснее, чем привлечь внимание наших друзей с «Шангри-Ла».

Может, оттого, что я был поглощен тяжелой работой, может, из-за металлического лязга якорной цепи, но я не так быстро, как обычно, уловил посторонний звук. Дважды мне почудился женский голос вдалеке, и оба раза я счел, что слышу крики пирующих с одной из маленьких яхт, что стояли в заливе. Только компьютер мог бы подсчитать, сколько галлонов джина выпивается на всех британских якорных стоянках после захода солнца. Но потом я услышал голос снова, на этот раз ближе. Самый отчаянный крик, какой услышишь во время этих вечеринок,— это когда прольют джин; в этом же крике звучало неподдельное отчаяние. Я включил палубные огни, и голос смолк. Сам не знаю, каким образом у меня в руке оказался «Лилипут».

— Помогите! — Голос звучал тихо, но отчаянно.— Ради бога, помогите.

Голос доносился с воды, по левому борту. Я бесшумно перебрался на корму и замер. Я помнил о Ханслетте, и у меня не было желания помогать кому-либо, пока я не удостоверюсь, что кричат не с резиновой лодки, лодки с пассажирами, вооруженными пулеметами. Одно слово, один предательский луч света, семь фунтов давления на спусковой крючок — и Калверт отправится к праотцам, если только они признают своим потомком такого простофилю.

— Пожалуйста! Пожалуйста, помогите мне! Прошу вас!

Я помог. Не столько потому, что отчаяние в ее голосе было искренним, сколько потому, что узнал голос Шарлотты Скурос.

Я протиснулся между шпигатами и нижней цепью ограждения, наклонился до самой воды и спросил:

— Леди Скурос?

— Да-да, это я. Слава богу, слава богу! — Голос ее звучал так, словно она нахлебалась воды и задыхается.

— Тут по борту идут кранцы из автопокрышек, хватайтесь за них.

Секунду или две спустя она сказала:

— Я держусь за них.

— Сможете подтянуться сами?

Послышались всплески и прерывистое дыхание.

— Нет, я не смогу.

— Ничего, погодите.

Я повернулся и пошел за дядюшкой Артуром, но он был рядом.

— Здесь в воде леди Скурос,—

сказал я ему на ухо.— Это может быть ловушкой. Хотя я так н не думаю. Но если увидите свет, стреляйте по нему сразу.

Он ничего не сказал, но я заметил, как рука его сразу полезла в кармаи за люгером. Я перелез через ограждение и спустился, встав на нижнюю часть покрышки. Согнувшись, я поймал ее руку.

Шарлотта Скурос отнюдь ие была невесомой полупрозрачной нимфой — это была зрелая женщина и весила соответственно возрасту, да н я уже не так крепко стоял на ногах, как, скажем, сорок восемь часов назад, однако с помощью дядюшки Артура я смог втащить ее на палубу. Между нами говоря, мы буквально волоком втащили ее в салои и уложили на кушетку. Я подложил диванную подушку ей под голову и при этом хорошенько разглядел ее. Да... никогда бы не поместили ее фото иа обложке.

Выглядела она ужасио. Черные брюки н блузка выглядели так, словио их месяц вымачивали в море, а не всего лишь несколько мннут. Длинные мокрые волосы облепили голову и шею, вся косметнка расплылась н потекла по мертвенно-бледиому лицу. Но ей незачем было быть прнвлекательной. Она и в таком вндe была самой желанной женщиной, какую я когда-либо видел. Чтоб мне с ума сойти!

— Ах, дорогая леди Скурос, дорогая леди Скурос! — Дядюшка Артур вновь был в аристократической среде н спешил это показать. Ои склонился иад ней н безуспешно пытался вытереть ее лицо свонм носовым платком.— Скажите, ради бога, что проншошло? Вренди, Калверт, бренди! Да не стойте же вы. Вренди!

Дядюшка Артур, видимо, вообразил, что ои в баре. Я не стал его разубеждать, а заодио плеснул и себе немного.

— Если вы возьмете на себя заботу о леди Скурос, сэр,— сказал я, подавая ему стакан,— то я пойду закончу там с якорем.

— Нет-иет! — Она отхлебнула бренди, проглотила его, и мне прншлось дожндаться, пока она не перестанет кашлять.— Они не появятся, еще по меньшей мере два часа. Я знаю. Я слышала. Пронсходит что-то ужасное, сэр Артур. Я должна была помочь вам, должна!

— Ну, а теперь успокойтесь, леди Скурос, успокойтесь... Допейте это, леди Скурос.

— Нет, только не это! — Конечно, это не был изысканиый напиток, но все-таки бренди был вполне прнличный. Потом я поиял, что она возражает против чего-то другого.— Только не леди Скурос. Ни за что больше! Шарлотта. Шарлотта Майиер. Просто Шарлотта.

Вполие в природе женщин заботнться в первую очередь о собственных чувствах. На «Шаигри-Ла» сейчас налаживают самодельную атомную бомбу, чтобы швырнуть ее к иам в иллюминатор, а оиа беспокоится лишь о том, чтобы ее иазывали Шарлоттой.

— Почему вы решили, что должиы прийти нам на помощь? — спросил я.

— Калверт! — Голос у дядюшки Артура был строгим.— О чем вы думаете? Леди — я нмею в виду Шарлотту — еще в шоке. Дайте ей прийти в себя.

— Нет.— Она с трудом прнподнялась, уселась и выдавила из себя улыбку — полунспуганную, полунасмешливую.— Нет, мистер Петерсон, мистер Калверт, и как вас там еще... Вы совершенно правы. Актриса должиа управлять свонми эмоцнями. Но я больше не актриса.— Она сделала маленький глоток бренди, и в лице ее появилась бледная тень жизни.— Некоторое время назад я заметила, что на борту «Шаигрн-Ла» пронсходят странные вещи. На яхте стали появляться иезнакомые людн. Часть прежнего экипажа была сменена без всяких причин. Несколько раз меия в сопровождении горничной отправляли на берег, в то время как «Шангрн-Ла» уходила в загадочные рейсы. Мой муж — сэр Энтони — не рассказывал мне ничего. Он сильно изменился в худшую стороиу со времени женитьбы — боюсь, ои принимает наркотики. Я видела оружне. Как только эти странные людн появляются на борту, меня отсылают в каюту.— Оиа иевесело улыбиулась.— И прнчиной тут не ревность моего мужа, можете мне поверить. Последние день-два я стала чувствовать, что дела у них ндут плохо. Вечером, как раз перед тем, как появились вы, меня снова отослали в каюту. Я вышла из салона, но задержалась в корндоре. Я слышала, как Лаворски сказал: «Если ваш приятель-адмирал является представителем ЮНЕСКО, то я — царь морской. Я знаю, кто ои. Мы все знаем. Или мы, нли они — вот как обстоит дело». А затем капитан Имри — как я ненавнжу этого человека! — сказал: «В полночь я пошлю Квиина, Жака и Крамера. В час они откроют кингстоны в пролнве.»

— Обаятельные друзья у вашего мужа,— пробормотал я.

Она посмотрела на меня, то ли не понимая, то ли спрашивая:

— Мистер Петерсои нли мистер Калверт... Я еще слышала, как Лаворски называл вас Джонсон...

— Это недоразумение,— пояснил я.— Калверт. Филип Калверт.

— Филип,— произнесла она на французский манер, и это прозвучало очень мило.— Вы останетесь в дураках, если будете продолжать разговор в таком тоие. Вам угрожает смертельиая опасность.

— Мистер Калверт,— мрачно произнес дядюшка Артур,— вполие осознает опасиость. Это его иеудачная манера выражаться н только.— Ее манеру он не осуждал — это была лишь освященная традицией фамильярность в разговоре арнстократа с крестьянином.— Вы очеиь смелая женщина, Шарлотта.— Обмен любезиостями для аристократов превыше всего.— Вы очень рисковали, когда подслушивали. Вас могли схватить.

— Меня схватнли, сэр Артур.— Улыбка тронула ее губы, но ие коснулась глаз.— Это вторая прнчина, по которой я оказалась здесь. Даже не зиая о грозящей вам опасности, я все равно бы сбежала. Меня поймал мой муж. Ои запер меия в каюте.— Она встала, ее сотрясала дрожь. Повериувшись спиной, она подияла намокшую темную блузку. Поперек спины шли трн длинные сине-багровые полосы — следы от ударов плетью. Дядюшка Артур замер, затаив дыхание. Я пересек салон и стал рассматривать ее спину. Следы были примерно с дюйм шириной и иаполовину опоясывали тело. Тут и там располагались мелкие кровавые точки. Я легко коснулся одного из следов. Мякоть вздулась и опухла, след был свежий, самый натуральный из тех, что мне доводилось видеть. Она ие двигалась. Я отступил, и она повериулась к нам лицом.

— Мило, не правда лн? Но ощущение не из прнятных.— Она улыбиулась все той же улыбкой.— Я могу показать кое-что похуже.

— Нет, нет, нет,— торопливо сказал дядюшка Артур.— В этом иет никакой необходнмости.— Он помолчал иемного, затем выдавил из себя: — Дорогая Шарлотта, в какой же опасностн вы оказались. Это жестокость, дьявольская жестокость. Чудовище, которое, возможно, находилось под действием наркотиков. Никогда бы этому ие поверил! — Лицо у иего стало красно-кирпичного цвета, голос был такой, словно Квиин держал его за горло. Он задыхался.— Никто бы в это не поверил!

— Кроме прежней леди Скурос,— спокойно сказала она.— Теперь я понимаю, почему она то и дело попадала в психбольницы, пока не умерла.— Оиа вся сжалась.— Я не хочу последовать за иeй. Я сделаиа из более крепкого материала, чем Мадлен Скурос. Поэтому я собралась н убежала.— Оиа показала иа маленькую полиэтиленовую сумку с одеждой, прнвязаниую к поясу: — Как Дик Внттиигтон, не правда ли?

— Они будут здесь задолго до полуночи, если обнаружат, что вы сбежали,— заметил я.

— Они обнаружат это только утром. Я часто запираю дверь каюты на ночь. Сегодня вечером я заперла ее изнутри.

— Да, это хорошо,— сказал я.— А вот стоять в мокрой одежде — не очень полезно. Это может кончиться воспалением легкнх. В моей каюте вы найдете полотенце. А после мы вас устроим в отеле «Колумбия».

— Я надеялась иа большее...— Плечи ее опустнлись еще ниже, если только это было возможио; выраже-

Что же до всего остального, то здесь моего согласия не требуется. Я подчиненный н обязан выполнять приказы.

— Вы снисходительны до предела,— ядовито сказал дядюшка Артур.

— Внноват, сэр. Я не должен был подвергать сомнению ваши суждення. Я очень рад вндеть леди. Но думаю, ей лучше находнться внизу, пока мы будем стоять у пирса, сэр.

— Разумная предосторожность,— мягко сказал дядюшка Артур. Ему прнятна была моя покорность, мое прнзнанне нсконных прав арнстократии.

— Это будет недолго.— Я улыбнулся Шарлотте Скурос.— Мы покинем Торбей в теченне часа.

* * *

— Не могу взять в толк, за что вы его взяли?

Я перевел взгляд с сержанта Мак-Дональда на человека с лицом, разбнтым в кровь, и вновь на Мак-Дональда.

— Вторжение н нападение. Физнческое наснлне и сопротнвление. Незаконное ношенне опасного оружия с намерением совершнть убнйство. Чего же вы еще хотнте?

— Ну ладно. Не так все просто, как кажется.— Сержант Мак-Дональд развел рукамн.— Он не вторгался н не нападал, мистер Петерсон. Он только ошвартовался. Закон не против этого. Физнческое насилие н сопротивленне? Но он сам выглядит так, словно он жертва, а ие преступник. И какое же у него было оружие, мистер Петерсон?

ние отчаяния н крушення всех надежд было непередаваемо.— Вы оставнте меня в таком месте, где они сразу найдут меня. Для меня нет безопасного места в Торбее. Они схватят меня и вернут назад, а мой муж запрет меня в каюте. Моя единственная надежда — бежать. Пожалуйста! Разве мы не можем бежать вместе?

— Нет.

— Мужчнны не любят уклончнвых ответов, так, что ли? — Еднnственное, что ее удручало н уннжало, это то, что она никак не могла задеть мое самолюбие. Она повернулась к дядюшке Артуру, взяла его рукн в свон и сказала тихо: — Сэр Артур! Я взываю к вам, как к английскому джентльмену.— Черт с нпм, с Калвертом, этим крестьяннном, рожденным за граннцей. Можно мне остаться? Пожалуйста!

Дядюшка Артур покоснлся на меня, колеблясь, заглянул в большие карне глаза Шарлотты Скурос и пропал.

— Конечно, вы можете остаться, моя дорогая Шарлотта.— Он склонился перед ней в классической манере, соответствующей его бороде н моноклю.— К вашнм услугам, дорогая леди.

— Благодарю вас, сэр Артур.— Она улыбнулась мне, но не с триумфом нли удовлетворением, а несколько заискнвающе н дружелюбно.— Хорошо бы, Филип, чтобы мы пришлн к соглашению, хотя бы молча. Что вы на это скажете?

— Если сэру Артуру угодно подвергать вас опасности, по сравнению с которой то, что ожндало вас в Торбее, просто ничто — это дело сэра Артура.

— Я не знаю. Он, должно быть, выбросил его за борт.

— Понятно. Выбросил за борт, говорите? Итак, мы не имеем никаких реальных доказательств преступных намерений.

Я начал немного уставать от сержанта Мак-Дональда. Он быстро сговорился с мнимыми таможенниками, но со мной был исключительно сух.

— Вы хотите сказать, что это продукт моего больного воображения? Вы еще скажите, что я только что высадился на берег, напал на первого встречного, набил ему морду и приволок сюда, чтобы рассказать вам эту историю. Даже вы не настолько глупы, чтобы в это поверить.

Его коричневое лицо стало красным, костяшки пальцев побелели. Он сказал мягко:

— Будьте добры не говорить со мной в таком тоне.

— Если вы и дальше будете упираться, как дурак, то я и буду считать вас дураком. Вы что, не собираетесь посадить его?

— Но против него нет ничего, кроме ваших слов.

— Есть. У меня есть свидетель. Он сейчас внизу, на старом пирсе. Адмирал сэр Артур Эрнфорд-Джейсон. Очень уважаемый государственный деятель.

— Но когда я был у вас на судне, с вами был мистер Ханслетт.

— Он тоже там, внизу.— Я указал на своего пленника.— Почему бы вам не задать несколько вопросов нашему приятелю?

— Я послал за врачом. Сначала он должен привести в порядок его лицо. Я не могу разобрать ни слова из того, что он говорит.

— Врач тут не поможет,— сказал я.— Меня, например, гораздо больше беспокоит то, что он говорит по-итальянски.

— По-итальянски? Это я быстро установлю. Владелец кафе на Западных островах итальянец.

— Это пригодится. Мы должны задать нашему приятелю несколько вопросиков. Где его паспорт? Как он появился в этой стране? Кто его нанял и где он живет?

Сержант долго смотрел на меня, затем медленно произнес:

— Вы очень странный морской биолог, мистер Петерсон.

— А вы очень странный полицейский, мистер Мак-Дональд. Доброй ночи.

Я пересек слабо освещенную улицу, вышел на мол и стал ждать в тени телефонной будки. Спустя две минуты по улице торопливо прошел человек с саквояжем и свернул к полицейскому участку. Он вышел через пять минут, что меня не удивило: это был маленький провинциальный эскулап, а тут требовалась госпитализация. Дверь полицейского участка снова отворилась, и оттуда быстро вышел сержант Мак-Дональд в наглухо застегнутом черном макинтоше. Он быстро шагал вдоль мола, не глядя по сторонам, поэтому мне легко было следовать за ним. Он повернул к старому каменному пирсу. В конце пирса он зажег фонарь, спустился по веревочной лестнице и подтянул за цепь маленькую лодку.

— Почему они не снабдили вас телефоном или передатчиком для срочных сообщений? — спросил я.— В такую ночь можно погибнуть в холодных волнах, так и не добравшись до «Шангри-Ла».

Он медленно выпрямился, выпустил конец из рук, и лодка исчезла в темноте. Он медленно поднялся по лестнице, очень медленно и тяжело, как старик, и спокойно спросил:

— Что это вы сказали о «Шангри-Ла»?

— Я не хочу принуждать вас, сержант,— приветливо сказал я.— Вы не можете разглашать служебные тайны. Вы ведь служите вашим хозяевам и теперь отправляетесь туда, чтобы сообщить, что один из их наемников серьезно искалечен и что у этого Петерсона серьезнейшие подозрения насчет сержанта Мак-Дональда. Так?

— Я не понимаю, о чем вы говорите,— отрешенно произнес он.— «Шангри-Ла»? Я и не думал даже приближаться к «Шангри-Ла».

— Тогда куда же вы собрались? Ну, говорите... Ловить рыбу? Что-то не видно ваших снастей...

— А как вы объясните ваши собственные дела? — спросил Мак-Дональд.

— Я как раз этим и занимаюсь. Присоединяйтесь, сержант. Давайте поразмыслим о нашем итальянском парнишке. Я привожу его к вам, имея лишь смутные подозрения, что вы тоже в чем-то замешаны. Привожу, чтобы посмотреть, как вы отреагируете. И у меня не остается никаких сомнений. Вы прекрасно отреагировали.

— Я, может, не такой умный, мистер Петерсон,— с достоинством возразил он,— но я и не полный идиот. Я думал, вы один из них или что-то в этом роде.— Он помолчал.— Но вы не из тех. Вы из службы безопасности.

— Да, я из службы безопасности.— Я указал туда, где в двадцати ярдах от нас стоял «Файркрест».— Вам лучше побеседовать с моим боссом.

— Я не подчиняюсь службе безопасности.

— Это ваше дело,— сказал я безразлично, отвернулся и посмотрел через мол.— А ваши два сына, сержант Мак-Дональд, шестнадцатилетние близнецы, которые якобы погибли некоторое время назад в Кайнгорме?

— Что вы сказали о моих сыновьях? — спросил он упавшим голосом.

— Только то, что мне, к сожалению, придется сказать им, что их отец и пальцем не пошевелил, чтобы спасти их.

* * *

Дядюшка Артур был страшен, как никогда, а уж если дядюшка Артур примется запугивать, тут есть на что посмотреть. Он даже не шелохнулся, когда я ввел Мак-Дональда в салон, он не предложил ему сесть. Пристальный синий взгляд василиска, усиленный и сконцентрированный сверкающим моноклем, пронизывал несчастного сержанта, как луч лазера.

— Итак, вы пытались ускользнуть, сержант,— начал дядюшка Артур без всякой преамбулы. Ровным, холодным, неумолимым тоном, от которого волосы дыбом встают.— Это следует из того, что вы находитесь здесь. Когда мистер Калверт сошел на берег с арестованным, у него уже были веревка достаточной длины, чтобы вас повесить, а вы своими руками завязали петлю. Не очень умно с вашей стороны, сержант. Вы не должны были пытаться вступать в контакт с вашими друзьями.

— Это вовсе не мои друзья, сэр,— зло сказал Мак-Дональд.

— Я сейчас расскажу вам то, что вы должны знать о Калверте — Петерсон это его псевдоним — и обо всем, чем мы занимаемся. Если вы когда-нибудь кому-нибудь повторите то, что я расскажу, это будет стоить вам работы, пенсии, всех надежд на будущее, на то, что вы сможете найти работу в другом месте, а также нескольких лет тюрьмы за разглашение государственной тайны. Я лично буду поддерживать обвинение.— Он выдержал паузу и добавил, что было уже сущим излишеством: — Я ясно выражаюсь?

— Вы очень ясно выражаетесь, сэр,— сказал Мак-Дональд угрюмо.

После этого дядюшка Артур рассказал Мак-Дональду все, что он считал возможным открыть ему,— это было не так уж много, и закончил словами:

— Надеюсь, мы теперь можем рассчитывать на ваше безоговорочное сотрудничество, сержант.

— Калверт догадался о моем участии в этом...— сказал тот тупо.

— Боже мой! — воскликнул я.— Вы же знали, что таможенники были поддельные. Вы знали, что у них нет документов. Вы знали, что их единственной целью было сломать нашу радиоустановку и узнать, нет ли у нас еще одной. Вы знали, что они не могли вернуться на материк — сильно штормило. А их судно... Это же был катер с «Шангри-Ла», именно поэтому вы отошли, не зажигая огней! А как вы узнали, что телефонные провода перерезаны в проливе? Вы знали, что они перерезаны, но почему же вы сказали, что именно в проливе? Потому что вы точно знали, что именно там. Вы могли бы хотя бы попросить таможенников связаться с банком, где хранятся деньги ваших погибших сыновей, чтобы закрыть счета. Но вы знали, что таможенники туда не собираются. И потом ваши сыновья, сержант, мальчики, которые якобы погибли,— вы не позаботились за-

крыть их счета. Потому что знали, что они не погибли.

Я забыл обо всех этих счетах,— медленно сказал Мак-Дональд.— А что до остального, то боюсь, я не очень разбираюсь во всех этих делах.— Он посмотрел на дядюшку Артура.— Я знаю, что для меня это конец. Они сказали, что убьют моих мальчиков, сэр.

— Если вы будете сотрудничать с нами,— деловито сказал дядюшка Артур,— я лично прослежу, чтобы вы остались в торбейской полиции до конца ваших дней, сержант. А кто это «они»?

— Единственный, кого я знаю, был тот тип, который называл себя капитаном Имри. И еще два таможенника — Дюран и Томас. Настоящее имя Дюрана — Квинн. Имен остальных я не знаю. Обычно я встречался с ними у себя дома после наступления темноты. Дважды меня возили на «Шангри-Ла». Чтобы встретиться с Имри.

— А сэр Энтони Скурос?

— Я не знаю.— Мак-Дональд беспомощно пожал плечами.— Он хороший человек, сэр. По крайней мере, я так думаю. Может быть, он в этом и замешан. Кто угодно может попасть в дурную компанию. Это очень страшно, сэр.

— В самом деле? А какова была ваша роль в этом деле?

— В последние месяцы тут стали происходить странные вещи. Пропадали лодки. Исчезали люди. Рыбаки находили свои сети порванными, моторы яхт загадочно ломались — и все в нашем заливе. Это происходило, когда капитан Имри хотел, чтобы некоторые лодки не могли попасть в некоторые места в нужное ему время.

— А по вашей части было расследование: очень тщательное и без всяких шансов на успех,— кивнул дядюшка Артур.— Вы были незаменимы для них, сержант. Человек с вашим положением и вашим характером вне всяких подозрений. Расскажите, сержант, что они собирались делать?

— Бог видит, сэр, я понятия не имею!

— Они вас держали в полном неведении?

— Да, сэр.

— Я в этом не сомневался. Именно так работают квалифицированные специалисты. И вы понятия не имеете, где содержатся ваши мальчики?

— Нет, сэр.

— А откуда вы знаете, что они живы?

— Меня вывозили на «Шангри-Ла» три недели назад. Моих мальчиков тоже доставили туда, бог весть откуда. Они были в порядке.

— Вы и в самом деле так наивны, чтобы поверить, будто ваши мальчики будут в порядке и вернутся к вам живыми, когда все кончится? Даже после того, как мальчики видели похитителей и смогут их опознать при случае?

— Капитан Имри сказал, что они вернутся невредимыми. Если я буду сотрудничать с ними. Он сказал, что только дураки применяют насилие без особой необходимости.

— Так значит, вы убеждены, что они не пойдут на убийство?

— Убийство?! О чем вы говорите, сэр?

— Калверт!

— Да, сэр?

— Налейте ему побольше виски.

— Да, сэр.— Когда речь идет о моих личных запасах, дядюшка Артур предельно щедр. Поэтому я налил сержанту большой стакан виски и, видя, что разорения все равно не избежать, налил себе такой же. Через десять секунд стакан сержанта был пуст. Я взял его за руку и отвел в машинное отделение. Когда мы вернулись в салон, сержанта не нужно было уговаривать выпить еще. Его лицо было белым.

— Я говорил вам, что Калверт летал сегодня в разведку на вертолете,— небрежно сказал дядюшка Артур.— Но я не сказал, что пилот вертолета был убит сегодня вечером. Я не говорил вам, что два других моих лучших агента были убиты за последние шестьдесят часов. А теперь, как вы могли убедиться, убит Ханслетт. Вы все еще верите, сержант, что имеете дело с компанией робких нарушителей закона, для которых человеческая жизнь неприкосновенна?

— Что я должен сделать для вас, сэр? — К его загорелым щекам прилила кровь, взгляд был холодным и тяжелым.

— Для начала вы с Калвертом перенесете Ханслетта на берег, в ваш участок. Вызовете доктора и получите официальное свидетельство о смерти. Это нужно для суда. Остальные покойники, вероятно, так и останутся без освидетельствования. Затем вы отправитесь на «Шангри-Ла» и скажете Имри, что в участок доставили Ханслетта и другого человека — итальянца. Вы скажете, что вы слышали, как мы собирались на материк за новым водолазным снаряжением и вооруженным подкреплением и что мы не вернемся назад по меньшей мере два дня. Вы знаете, где перерезаны провода?

— Да, сэр. Я сам их перерезал.

— Когда будете возвращаться с «Шангри-Ла», загляните туда и соедините их. До восхода. И еще до восхода вы, ваша жена, ваш старший сын должны исчезнуть. На тридцать шесть часов. Если, конечно, хотите жить. Вам понятно?

— Я понял, что нужно сделать. Только не понял зачем.

— От вас требуется только сделать. И последнее. У Ханслетта нет родственников — мало у кого из моих людей есть родственники — поэтому он может быть погребен в Торбее. Свяжитесь с местным похоронным бюро и подготовьте все для похорон в пятницу. Мы с Калвертом будем там присутствовать.

— Но пятница — это послезавтра.

— Да, послезавтра. К этому времени все будет кончено. И вы вновь обретете своих мальчиков.

Мак-Дональд долго молча смотрел на него, потом произнес:

— Откуда у вас такая уверенность?

— У меня ее совсем нет.— Дядюшка Артур устало провел ладонью по лицу и посмотрел на меня.— Это у Калверта есть уверенность. Очень жаль, что соображения секретности никогда не позволят вам рассказать в кругу друзей, что вы однажды встречались с Филипом Калвертом. Если Калверт берется за дело, оно будет сделано. Мне же остается только надеяться.

— Я тоже надеюсь на это, сэр,— мрачно сказал Мак-Дональд.

Мне тоже оставалось только надеяться — больше, чем любому из них, но поскольку вокруг и так царило уныние, я не стал еще больше усугублять его, изобразил на лице уверенность и повел Мак-Дональда обратно в машинное отделение.

Глава седьмая

СРЕДА, 20.40.— ЧЕТВЕРГ, 2.00.

Те трое явились убить нас, но не в полночь, как ожидалось, а в 22.40. Явись они на пять минут раньше, мы бы попались, потому что еще пять минут назад наше судно болталось у старого пирса. И виноват был бы я, поскольку это я, оставив тело Ханслетта в участке, вынудил сержанта Мак-Дональда проводить меня к единственному в Торбее аптекарю и заставить того обслужить нас. Аптекарь не оказал серьезного сопротивления, но отнял у меня пять минут — большая часть времени ушла на то, чтобы выжать из старикана маленькую бутылочку с зеленым ярлыком и лаконичной надписью «Таблетки». Но удача не покинула меня, я вернулся на «Файркрест» в 22.30.

Бабье лето непродолжительно на западном побережье Шотландии — наступившая ночь лишний раз подтвердила это. Холод, ветер — это в порядке вещей, но стало вдобавок темно, как в преисподней, и штормило несколько больше обычного. Сразу же, как мы отошли от пирса, я вынужден был включить прожектор на крыше рулевой рубки. Западный вход в пролив между Торбеем и островом Гарв в ширину не менее четверти мили, я легко мог найти его вслепую, ведя судно по компасу, но здесь болталось множество небольших яхт, и даже если на них позаботились включить стояночные огни, я все равно не разглядел бы их сквозь моросящий дождь.

Ручка управления прожектором под потолком рулевой рубки. Я переместил луч прожектора вперед и вниз, потом провел им по дуге градусов в сорок по обе стороны от курса.

Я осветил первую лодку через пять

секунд — не яхту, стоящую на рейде, а резиновую лодку с гребцами, медленно двигающуюся по волнам. Я не мог узнать человека, сидящего на веслах, он сидел ко мне спиной. Но я сразу понял, кто это. Это был Квинн. Человек на носу был одет в водонепроницаемый плащ и темный берет, в руках у него было оружие. С пятидесяти ярдов трудно установить тип оружия, но походило оно на пистолет-пулемет Шмайсера. Несомненно, это был Жак-пулеметчик. Человек, скорчившийся на дне лодки, был почти невидим, зато я сразу заметил блеск пистолета в его руке. Господа Квинн, Жак и Крамер направлялись с визитом вежливости, как сказала бы Шарлотта Скурос. Но они не придерживались назначенного времени.

Шарлотта Скурос была справа от меня, в затемненной рулевой рубке. Она появилась всего три минуты назад, до этого она сидела взаперти в салоне. Дядюшка Артур стоял слева, оскверняя свежий ночной воздух дымом своей сигары. Я потянулся за фонариком, а правой рукой пощупал карман, чтобы проверить, на месте ли «Лилипут». Он был на месте.

— Я сказал Шарлотте Скурос:

— Откройте дверь рулевой рубки, выйдите, снова прикройте ее и встаньте где-нибудь в стороне.— Потом обернулся к дядюшке Артуру: — Возьмите руль, сэр. Когда я скажу, поверните резко вправо. Затем снова курс на север.

Он молча встал за руль. Я услышал, как щелкнул замок правой двери. Мы делали не более трех узлов. До лодки было двадцать пять ярдов, и те двое, что сидели к нам лицом, подняли руки, чтобы защитить глаза от света прожектора. Квинн перестал грести. Если бы мы шли прежним курсом, то оставили бы их по меньшей мере в десяти футах по левому борту. Я направил луч прямо на лодку.

Нас разделяли двадцать ярдов, я видел, как Жак наводит свой пистолет-пулемет на наш прожектор, и тут я резко двинул вперед сектор газа. Дизель взревел на полных оборотах, «Файркрест» вздыбился и рванул вперед.

— Теперь резко! — крикнул я.

Дядюшка Артур завертел штурвал. Нас положило на правый борт. Пламя вырвалось из ствола пистолета-пулемета, беззвучное пламя — Жак пользовался глушителем. Пули срикошетили от носовой аллюминиевой мачты и прошли мимо рулевой рубки и прожектора. Квинн понял, что происходит, и глубоко погрузил весла в воду. Поздно. Я крикнул: «Теперь все ложись!», убавил газ и выпрыгнул через правую дверь.

Мы ударили как раз в том месте, где сидел Жак, пропороли винтом нос лодки, опрокинули ее, и всех троих выбросило в воду. Останки лодки и две барахтающиеся фигуры медленно двигались вдоль правого борта «Файркреста». Луч фонарика выхватил из тьмы того, кто был ближе к нам. Жак со своим пистолет-пулеметом, он держал его высоко над головой, инстинктивно стараясь уберечь от воды, хотя оружие все равно вымокло, когда шлюпка перевернулась. Я свел вместе левую руку с фонариком и правую — с «лилипутом», целясь вдоль узкого яркого луча. Дважды нажал спусковой крючок «лилипута», и яркий малиновый цветок расцвел там, где было лицо Жака. Он ушел вниз, будто его утащила акула, с автоматом в судорожно вытянутых руках. Да, шмайсер, ор райт. Еще один оставался на поверхности, и это был не Квинн — тот, наверное, поднырнул под «Файркрест» или прятался под перевернутой шлюпкой. Я выстрелил дважды во второго, и он начал кричать. Через две или три секунды крик перешел в бульканье. Кому-то сзади меня стало плохо. Шарлотта Скурос. У меня не было времени для Шарлотты Скурос, у меня вообще не было времени. Дядюшка Артур продолжал выполнять команду «Ложись!» — он бросил штурвал, и «Файркрест» успел описать дугу в три четверти окружности. Я прыгнул в рулевую рубку, вывернул руль до отказа влево и совсем убрал газ. Потом снова выскочил наружу и оттащил от борта Шарлотту Скурос за секунду до того, как ей проломило бы голову одной из обросших ракушками свай, что торчали вокруг пирса. Задели мы пирс или нет, сказать трудно, но ракушкам наверняка пришлось плохо.

Я вернулся в рулевую рубку, таща за собой Шарлотту Скурос. Я тяжело дышал. Все эти прыжки туда-сюда сбивают дыхание. Я спросил:

— Простите, сэр, что вы хотели сделать?

— Я? — Адмирал был возбужден, как медведь, разбуженный от спячки в январе.— А что?

Я сдвинул сектор газа до отметки «малый вперед», взялся за штурвал и повел «Файркрест» по кругу, пока мы не встали на курс «норд».

— Вот так и держите, пожалуйста,— сказал я н пошарил вокруг прожектором. Вода была темной н пустынной, как в первый день творения, во духа божьего ие было видно. Я ожидал, что в Торбее загорятся все огни — эти четыре выстрела, даже из «лилипута», были достаточно громкими, а уж скрежет, когда мы задели сваи, должен был всех поднять на ноги. Видимо, джину было выпито как никогда миого. Я посмотрел иа компас: иорд-норд-вест. Как медоносную пчелу к цветку, как железо к магниту, дядюшку Артура тянуло прямо к берегу. Я забрал у иего штурвал, спокойно, но твердо сказал:

— Вы немиого отклоиились назад к пирсу, сэр.

— Видимо, так н есть.— Он вынул носовой платок н протер монокль.— Проклятое стекло запотевает в самый веподходящий момент... Я увереи, Калверт, что вы не стреляли наугад.

Дядюшка Артур стал очень агрессивен за последние часы: в большой степени благодаря Ханслетту.

— Мие попались Жак и Крамер. Жак был вооружен автоматом. Он убит. Думаю, что Кремер тоже. Квинн ушел...— Ну и заваруха, думал я уныло, ну н влип же я. На пару с дядюшкой Артуром в этих полуночных водах. Я всегда знал, что зрение у иего слабое, но ие ожидал, что после захода солнца он слеп как летучая мышь. Так что все свои планы мне придется осуществлять в одиночку. Это требовало радикального пересмотра плаиов, но я никак не мог сообразить каким образом это сделать.

— Не так плохо,— бодро сказал дядюшка Артур.— Жаль, что Квиии ушел, ио в целом неплохо. Слуги дьявола получили по рогам. Как вы думаете, они будут преследовать иас?

Нет. По четырем причииам. Во-первых, онн еще ие зиают, что произошло. Во-вторых, оба их рейда сегодня кончились плохо, и им не стоит торопиться с иовыми вылазками. В третьих, им понадобится катер, а не «Шаигри-Ла», а если их катер пройдет хоть сотню ярдов, я потеряю веру в полезные свойства сахара. В четвертых, надвигается дымка нли туман. Огни Торбея уже не видны. Они не смогут нас преследовать, потому что просто не иайдут.

В тот момент единствеиным источником света в рубке был отраженный свет лампочки иактоуза. Вдруг вспыхнул верхний свет. Рука Шарлотты Скурос лежала иа выключателе. Ее лицо было изможденным, н она так пристально смотрела на меия, словио я был пришельцем из иных миров. Это не был тот знакомый всем мужчинам Европы, вызывающий восхищение взгляд великой актрисы.

— Что вы за человек, мистер Калверт? — На этот раз не «Филип». Голос звучал ииже и грубее, чем обычно, в нем слышалось потрясение.— Вы... вы не человек. Вы убили двух людей и продолжаете разговаривать спокойно н рассудительно, будто иичего ие произошло. Кто же вы, скажите, ради бога? Наемный убийца? Это... это иевероятно. У вас что — иет чувств, эмоций, иет жалости?

— Есть. Мне жаль, что я не убнл и Квинна.

Она посмотрела на меня с каким-то ужасом в глазах, затем перевела пристальный взгляд на дядюшку Артура. Она обращалась к нему, и голос ее упал до шепота.

— Я видела этого человека, сэр Артур. Я видела, как пули пробили его лицо. Мистер Калверт — он должен был арестовать его, вытащить его из воды, и передать в руки полиции. Но он не стал делать этого. Он убил его. И второго тоже. Не спеша, преднамеренио. Почему, почему, почему?

— Здесь ие возникает вопроса «почему?», моя дорогая Шарлотта.— Дядюшка Артур говорнл почти раздраженно.— Здесь ие требуются оправдания. Если бы Калверт не убил нх, они убили бы иас. Они приплыли для того, чтобы убить нас. Вы же сами иас предупредили. Чувствуете лн вы угрызения совести, убивая ядовитую змею? Эти люди ничем не лучше. А что касается их ареста...— Дядюшка Артур сделал короткую паузу — может быть, для того, чтобы скрыть усмешку, а может, чтобы поточнее припомнить заключительную часть проповеди, которую я прочел ему сегодня вечером.— В этой игре нет промежуточных стадий. Убивай или будешь убит. Эти люди смертельно опасны, их ие следует предупреждать...— Добрый, старый дядюшка Артур, он запомнил практически всю проповедь, слово в слово...

Она посмотрела на него долгим взглядом, лицо ее было иепроницаемо. Потом повериулась, посмотрела на меня и ушла из рубки.

— Вы теперь такой же плохой, как и я,— сказал я дядюшке Артуру.

Она появилась снова ровно в полночь. И опять зажгла свет. Ее волосы были аккуратио уложены, лицо уже не казалось изможденным, а одета она была в одио из тех платьев, что так удачно скрывают излишнюю полноту. По тому, как оиа держала плечи, мне стало ясио, что у нее болит спина. Она попыталась улыбнуться, ио ответа не дождалась.

Я сказал:

— Полчаса иазад, огибая мыс Каррара, я чуть было ие потерял маяк. Теперь я иадеюсь, что мы двнжемся севернее Даб-Сгейра, ио вполие возможио, мы врежемся прямо в середину острова. Здесь темио, как в угольной шахте глубиной в милю, туман сгущается, у меня иебогатый опыт плавания в этих водах, и если у нас есть какая-нибудь надежда уцелеть, то она целиком зависит от остроты моего ночного зрения, которая так медленио возрастала за последний час. Да выключите вы этот чертов свет!

— Простите.— Свет погас.— Я ие подумала.

— И остальные огни тоже не зажигайте. Даже в вашей каюте.

— Простите меня,— повторила она.— И за прошлое простите. За этим я н пришла. Чтобы сказать вам это. Простите за то, что я так резко говорила и ушла. Я ие имею права судить других — потому что ничего в этом не понимаю. Но я была так... так потрясена... Видеть, как два человека убиты подобным образом, иет, ие убиты — убийство всегда совершается в запале, со злостью,— видеть, как два человека казнены таким образом, потому что надо убить нх, чтобы не убили нас, как сказал сэр Артур... И после этого видеть человека, который сделал это и даже не беспокоится...

Ее голос внезапно сорвался.

Могу подбросить вам еще факты, моя дорогая, — сказал дядюшка Артур.— Три человека, а ие два. Он убил еще одиого до того, как вы появились на борту. У него не было выбора. Но ни один разумный человек не назовет Филипа Калверта убийцей. Да, он не может беспокоиться из-за того, что произошло — иначе он лишился бы разума от всех этих переживаний. Но он беспокоится о миогом другом. И делает это не за деньги. Он получает мизерное жалованье для человека таких способностей...— Я мысленно отметил про себя, что напомню ему об этом, когда мы окажемся наедине.— Он делает это не в состоянии аффекта н не из любви к риску. Человек, отдающий свободное время музыке, астрономии и философии, не может быть любителем дешевого риска. Но он беспокоится. Он обеспокоен столкновением права и бесправия, добра и зла, и когда преимущество зла становится слишком большим, он не колеблясь вмешивается, чтобы восстановить справедливость. И может, это делает его чем-то выше нас с вами, дорогая Шарлотта.

— Это еще не все,— сказал я.— Я также широко известен своей любовью к маленьким детям.

— Простите, Калверт,— сказал дядюшка Артур.— Я иадеюсь, вы не усмотрели здесь никакой обиды, и я не хотел смутить вас. Но если Шарлотта считает необходимым прийти и извиниться, то я считаю необходимым внести полную ясность.

— Но Шарлотта пришла сюда не только за этим,— едко сказал я.— По крайней мере, это не главное для нее. Оиа поднялась к иам, чтобы удовлетворить женское любопытство. Она хочет зиать, куда мы иаправляемся.

— Как вы полагаете, можно мне закурить? — спросила она.

— Только не чиркайте спичкой у меня перед глазами.

Она закурила сигарету и сказала:

— Да, я хочу удовлетворить свое любопытство. Но что меня интересует, как вы думаете? О том, куда мы направляемся, я знаю. Вы сами сказа-

ли. К Лох-Гурону. Что бы я хотела знать, так это то, что же здесь происходит, что за страшная тайна за всем этим? Почему на «Шангри-Ла» появлялись эти странные посетители и пассажиры, что за фантастическая важность оправдывает гибель трех человек за один вечер, что вы здесь делаете и кого представляете? Я никогда всерьез не верила, что вы представитель ЮНЕСКО, сэр Артур. Теперь я точно знаю, что нет. Пожалуйста! Я думаю, что имею право знать.

— Не говорите ей,— посоветовал я.

— Почему же нет? — раздраженно спросил дядюшка Артур.— Как вы слышали, леди была втянута в дело без ее согласия. Она имеет право знать. Кроме того, все равно все станет известно всем через день или два.

— Вы так не думали, когда угрожали сержанту Мак-Дональду разжалованием и тюремным заключением за разглашение государственной тайны.

— Может быть, потому, что он мог повредить делу, разболтав,— возразил он веско.— А леди... то есть Шарлотта, она не в состоянии это сделать. Конечно,— быстро продолжил он,— у меня и в мыслях ничего такого не было. Это невозможно. Шарлотта мой старый и добрый друг, надежный друг, Калверт. Она должна знать.

— Я чувствую, что ваш друг мистер Калверт не слишком высокого мнения обо мне,— спокойно сказала Шарлотта.— Или, может быть, не слишком высокого мнения о женщинах вообще.

— Я просто обеспокоен,— сказал я.— Не могу забыть высказывание адмирала: «Никогда, никогда, никогда...» Забыл, сколько было этих «никогда», но думаю, четыре или пять. «Никогда не говорить никому, если в этом нет жизненной необходимости или особой срочности». В данном случае нет ни того, ни другого.

Дядюшка Артур закурил очередную сигару и перестал обращать на меня внимание. Его предписание, видимо, не распространялось на конфиденциальные отношения между членами высшего общества.

— Вся суть в пропажах кораблей,— начал он.— Пять кораблей, дорогая Шарлотта, если быть абсолютно точным. Я уж не говорю о множестве мелких судов, которые либо пропали, либо были повреждены... Пять кораблей, как я уже сказал. Пятого апреля этого года исчез сухогруз «Холмвуд» у южного побережья Ирландии. Пиратское нападение. Экипаж арестован и высажен на берег, где его держали под охраной два или три дня, после чего освободили. О «Холмвуде» больше никто не слышал. Двадцать четвертого апреля торговое судно «Антара» пропало в проливе Святого Георгия. Семнадцатого мая торговое судно «Хидли Пайонир» исчезло вблизи Северной Ирландии, шестого августа пропал «Харрикейн Спрей», вышедший из Клайда, и наконец в прошлую субботу судно под названием «Нантсвилл» исчезло вскоре после отплытия из Бристоля. Во всех случаях экипаж отпущен без причинения вреда.

Кроме исчезновения и последующего возвращения экипажа, все эти пять кораблей имели еще кое-что общее: они перевозили особо ценные грузы, о которых никто не мог знать. «Холмвуд» имел в трюме золотые слитки на полтора миллиона фунтов стерлингов, «Антара» везла на два с половиной миллиона необработанных алмазов для промышленных нужд, «Хидли Пайонир» — почти два миллиона фунтов в виде обработанных и необработанных изумрудов из колумбийской шахты Мюзо в Андах, «Харрикейн Спрей», который был зафрахтован в Глазго для чартерного рейса из Роттердама в Нью-Йорк, имел на борту свыше трех миллионов фунтов в бриллиантах — почти все огранены, а последний корабль, «Нантсвилл»...— Дядюшка уже почти помешался на нем.—Он вез восемь миллионов фунтов в золотых слитках, которые были предназначены для министерства финансов США.

Мы понятия не имеем, откуда похитители получают информацию. Такие сведения держатся под огромным секретом. Они — кто бы ни были эти «они» — имеют достоверный источник информации. Калверт утверждает, что теперь знает этот источник. После исчезновения первых трех кораблей стало очевидно, что тут работает хорошо организованная банда...

— Вы хотите сказать... вы хотите сказать, что капитан Имри замешан в этом? — спросила Шарлотта.

— Замешан — не то слово,— сухо ответил дядюшка Артур.— Он, возможно, является организатором всего этого.

— Не забудьте также старину Скуроса,— напомнил я.— Он достаточно глубоко залез в эту грязь — по уши, я бы сказал.

— Вы не имеете права так говорить,— быстро произнесла Шарлотта.

— Не имею права? Почему же это? Что он вам, что значит это беспокойство из-за виртуоза хлыста из бычьей кожи? Как там поживает ваша спина?

Она ничего не сказала. Дядюшка Артур тоже ничего не сказал, но продолжал рассказ несколько в ином тоне.

— Это была идея Калверта — спрятать двух наших людей и передатчик на кораблях, которые везут подобные грузы. Конечно, мы не встретили никаких возражений со стороны экспортных и транспортных компаний, а также получили согласие правительства. Наши агенты — их было три пары — обычно прятались где-нибудь среди груза или в пустой каюте, или в машинном отделении, имея при себе запас пищи. Только капитаны были посвящены в то, что они на борту. Их передатчики подавали пятнадцатисекундные сигналы с фиксированными, точно фиксированными, но нерегулярными интервалами. Эти сигналы принимались специальными станциями, расположенными вдоль западного побережья — именно здесь отыскивались освобожденные экипажи.

Между семнадцатым мая и шестого августа ничего не произошло. Никакого пиратства. Мы полагаем, что их отпугивали белые ночи. А шестого августа исчез «Харрикейн Спрей». У нас никого не было на нем — мы не могли обеспечить все суда. Но двое наших были на борту «Нантсвилла». Дельмонт и Бейкер. Два наших лучших человека. «Нантсвилл» был захвачен, как только он вышел из Бристольского пролива. Бейкер и Дельмонт начали подавать сигналы. При помощи пеленгаторов мы могли определять точное положение корабля по меньшей мере через каждые полчаса.

Калверт и Ханслетт ждали в Дублине. Как только...

— Ах, да,— прервала она.— Мистер Ханслетт. Где он? Я не видела...

— Минуту. «Файркрест» вышел в море, но не пошел за «Нантсвиллом», а двигался впереди него по его предполагаемому курсу. Мы достигли мыса Кинтайр и собирались ждать, пока «Нантсвилл» придет туда, но усилился юго-западный ветер и «Файркресту» пришлось искать укрытие. Калверт прошел через Кринанский канал, и ночь они провели в Кринанской бухте. И в ту же ночь морская ловушка захлопнулась — ветер был западным, небольшое судно не могло пробиться к Кринану при западном ветре в девять баллов.

Ночью «Нантсвилл» повернул на запад, в Атлантику. Мы решили, что потеряли судно. Мы считали, что знаем, почему они повернули: они должны были появиться в условленном месте в определенное время — в ночные часы, при высоком уровне прилива. К вечеру погода улучшилась. Калверт покинул Кринан на рассвете, почти в то же самое время «Нантсвилл» повернул на восток. Радиосигналы от Бейкера и Дельмонта все еще поступали точно по графику. Последнее сообщение пришло в 10.22.

Дядюшка Артур прервался, его сигара ярко вспыхнула в темноте. Он мог бы заключить выгодный контракт с пароходными компаниями на фумигацию трюмов. Затем он стал продолжать, торопливо, как это всегда бывает, когда не хочется говорить о том, что было дальше. Уверен, что ему не хотелось.

— Мы не знали, что произошло. Они могли выдать себя неосторожными действиями. Я так не думаю: они были достаточно квалифицированны. Кто-нибудь из нового экипажа мог случайно наткнуться на них. Тоже не похоже. Калверт полагает, и я с ним согласен, что был один шанс на десять тысяч, что радист будет прослушивать их диапазон в тот самый момент,

когда они пошлют свой пятнадцатисекундный сигнал.

Изучив график движения судна с восхода солнца до момента подачи последнего сигнала, мы предположили, что место назначения — Лох-Гурон. Расчетное время прибытия — на закате. Калверту надо было пройти расстояние втрое меньше, но он не повел «Файркрест» в Лох-Гурон, потому что любое судно, оказавшееся в устье Лох-Гурона, было бы захвачено или потоплено. Поэтому он поставил «Файркрест» в Торбее и тайком пробрался к устью Лох-Гурона на резиновой лодке с мотором, имея при себе акваланг. Когда появился корабль, он взобрался на него в темноте. Название было другое, флаг другой, одной мачты не было, а надстройки перекрашены. Но это был «Нантсвилл».

На следующий день Калверт и Ханслетт пережидали шторм в Торбее, а в среду Калверт организовал воздушный поиск «Нантсвилла» или хотя бы того места, где его могли спрятать. Он сделал ошибку. Он был уверен, что «Нантсвилл» ни в коем случае не может быть в Лох-Гуроне, потому что капитан Имри знает, что Калверт знает, что корабль там. Стало быть, Лох-Гурон — последнее место в Шотландии, где следует искать пропавшее судно. К тому же после того, как Калверт ушел с «Нантсвилла», корабль снялся с якоря и двинулся в направлении Каррара-Пойнт. Поэтому Калверт главным образом искал на материке и в проливе Торбей, а также на самом острове Торбей. Теперь он уверен, что «Нантсвилл» в Лох-Гуроне. Мы идем туда, чтобы отыскать его там...— Его сигара снова вспыхнула.— И это все, моя дорогая. Теперь, с вашего разрешения, я хотел бы часок вздремнуть в салоне. Эти ночные приключения...— Он зевнул и закончил: — Я уже далеко не мальчик. Я должен поспать.

Вот это мне нравится. Я сообразил, что я не мальчик, намного раньше, чувствую я себя так, будто не спал несколько месяцев. А дядюшка Артур регулярно укладывался спать ровно в полночь и теперь опаздывал, бедняга, на пятнадцать минут... Но бог с ним. Единственная цель, какую я перед собой поставил, это дожить до пенсии. И я доживу до нее — если не допущу, чтобы дядюшка Артур не прикасался к штурвалу сегодня ночью.

— Но это же не все,— возразила Шарлотта.— Это не все об этом. Мистер Ханслетт, где мистер Ханслетт?

И еще вы сказали, что мистер Калверт был на борту «Нантсвилла». Ради всего святого, как же...

— Есть вещи, о которых вам лучше не знать, дорогая. Почему бы вам не ограничиться необходимым? А остальное предоставьте нам.

— Вы, наверное, давно не смотрели на меня внимательно, сэр Артур? — спросила она спокойно.

— Не понимаю.

— Возможно, это ускользнуло от вашего внимания, но я ведь давно не дитя. Я даже не так молода... Пожалуйста, не третируйте меня как несмышленыша. И если вы хотите поскорее добраться до своего дивана...

— Ладно. Если вы настаиваете... Борьба, к сожалению, всегда бывает обоюдной. Колверт, как я уже говорил, побывал на борту «Нантсвилла». Он нашел обоих моих оперативных работников, Бейкера и Дельмонта.— У дядюшки Артура был безразличный, бесстрастный голос человека, проверяющего счет из прачечной.— Оба они заколоты стамеской. Этим вечером пилот вертолета,на котором летел Калверт, был убит, его машину сбили над Торбейским заливом. Час спустя был убит Ханслетт. Калверт нашел его в машинном отделении со свернутой шеей.

Сигара дядюшки Артура вспыхнула и погасла по меньшей мере с полдюжину раз, прежде чем Шарлотта снова заговорила. Ее голос дрожал.

— Они звери. Звери.— Длинная пауза и потом: — Как вы можете справиться с ними?

Дядюшка Артур еще раз затянулся, затем откровенно сказал:

— Я даже не собираюсь пытаться. Разве вы не видели генерала, который сидел бы в окопах бок о бок со своими солдатами? Калверт с ними справится. Доброй ночи, моя дорогая.

Он ушел. Я не стал спорить с ним. Но я-то знал, что Калверту не справиться с ними. Калверт нуждается в помощи. С командой, состоящей из подслеповатого шефа и женщины, на которую стоит только взглянуть, услышать ее голос, коснуться ее, чтобы колокол громкого боя зазвенел в затылке,— с такой командой Калверт нуждался в помощи. И он рассчитывал ее получить.

После ухода дядюшки Артура мы с Шарлоттой молчали в темноте рулевой будки. Но это было молчание, которое объединяет. Чувствуешь, что можешь заговорить в любой момент. И дождь так уютно барабанит по крыше. Темно, как это иногда бывает на море, и клочья белого тумана все наползают и сгущаются. Из-за них мне пришлось вдвое снизить скорость и при сильном боковом ветре удерживать «Файркрест» на курсе стало еще труднее. Правда, у меня был автопилот, включив который, я сразу почувствовал себя спокойнее. Автопилот гораздо лучший рулевой, чем я. О дядюшке Артуре и говорить не приходится.

— Что вы намерены делать этой ночью? — вдруг спросила Шарлотта.

— Вы просто гурман по части информации. Вы разве не знаете, что дядюшка Артур — простите, сэр Артур,— и я выполняем особо секретную миссию? Все засекречено!

— Ну вот, теперь вы смеетесь надо мной — и забываете, что я тоже здесь с вами выполняю секретную миссию.

— Я рад, что вы с нами, и не смеюсь над вами, потому что я собираюсь оставить судно один или два раза за ночь, и мне нужен кто-то здесь, кому я могу доверить вести его без меня.

— Но у вас есть сэр Артур.

— Да, у меня есть, как вы сказали, сэр Артур. Нет никого на свете, чье благородство и интеллект я уважал бы больше. Но сейчас я бы променял все благородство и интеллект на пару острых молодых глаз. На ночную работу сэра Артура нельзя выпускать без тросточки для слепых. А как ваши глаза?

— Ну, их уже нельзя назвать молодыми, но я думаю, они достаточно зоркие.

— Итак, я могу на вас положиться?

— На меня? Но я и понятия не имею, как управлять судном.

— Вы и сэр Артур составите отличную команду!

— Тогда я постараюсь. Где вы хотите высадиться?

— Эйлен Оран и Крэйгмор. Два самых удаленных острова в Лох-Гуроне. Если,— добавил я задумчиво,— я смогу найти их. Эти острова дышат лишь пустотой холодного ветра и каменного безлюдья. Но Эйлен Оран и Крэйгмор — ключ ко всему. На это я очень надеюсь.

Она промолчала. Я выглянул из-за ветрового обтекателя, надеясь увидеть Даб-Стейр раньше, чем оттуда увидят меня. Минуты две спустя, я почувствовал, что ее рука легла на мою руку и она стоит рядом. Ее рука дрожала. Ее приближение я почувствовал по запаху духов, которые явно не были куплены в первом попавшемся супермаркете и не выпали из елочной хлопушки. На какое-то время я растерялся перед невозможностью понять женский разум; перед тем, как бежать, чтобы спасти свою жизнь, и пускаться в опасное плавание в водах Торбейского залива, она не забыла положить духи в свою полиэтиленовую сумку! Уж в чем можно быть уверенным, так это в том, что любые духи, какие она употребляла до этого, напрочь смыло водой, пока я выуживал ее из залива.

— Простите меня.— Она сказала это так, что я должен был забыть о том, что она лучшая актриса Европы.— Я прошу у вас прощения. За то, что я говорила, за то, что думала раньше. За то, что считала вас чудовищем. Я ведь не знала о Ханслетте, о Бейкере и Дельмонте, а также о пилоте вертолета. Обо всех ваших друзьях. Простите, Филип. Простите меня!

Она зашла слишком далеко. И была слишком близко от меня, черт побери. Чтобы вставить между нами спичечный коробок, пришлось бы забивать его паровым молотком. А эти духи, что не выпадают из елочной хлопушки — дурманящие духи, духи для привлечения плэйбоев с глянцевых обложек, я бы сказал. Колокол тревоги не переставая звенел в моей голове, словно предупреждая о краже со взломом. Я попробовал прекратить это, насколько это в человеческих силах. Я стал думать о более возвышенных вещах.

Она ничего не говорила. Она только сжимала мою руку, и даже паровой молот теперь бы уже не помог. Слышно было, как позади нас спокойно и умиротворенно гудит большой дизель. «Файркрест» скатывался в пучину по длинным, пологим валам и снова медленно всплывал. Я впервые отметил странный каприз природы на Западных островах: неожиданный рост температуры после полуночи. Надо будет поговорить с этими ребятами из компании «Кент» насчет их обтекателей, которые якобы гарантированы от запотевания при любых условиях. Но может, им просто никогда не приходилось работать в подобных условиях? Я уж подумывал, не выключить ли автопилот, чтобы мне было чем занять себя, когда она сказала:

— Я думаю, мне пора спуститься вниз. Хотите чашечку кофе?

— Если вы обойдетесь без света, то да. И если при этом не наступите на дядюшку Артура — я имею в виду сэра...

— «Дядюшка Артур» звучит очень мило,— сказала она.— И идет ему.

Еще одно пожатие руки, и она ушла. Каприз природы продолжался недолго. Очень быстро температура понизилась до обычного уровня, и гарантии фирмы «Кент» снова обрели силу. Я воспользовался этим, предоставил «Файркрест» попечению его собственных приборов и забрался в кормовой рундук. Я вытащил акваланг и все снаряжение для подводного плавания и перенес их в рулевую рубку.

Я дал ей двадцать пять минут, чтобы сварить кофе. Даже принимая во внимание трудность обращения с газовой плиткой в темноте, это был поистине рекорд длительности приготовления кофе. Я услышал звон посуды, когда она принесла кофе в салон, и цинично улыбнулся в темноте. Затем я вспомнил о Ханслетте, Бейкере, Дельмонте и Вильямсе и уже больше не улыбался.

* * *

Я не улыбался и тогда, когда вскарабкался по камням Эйлен Оран, снял акваланг и установил большой вращающийся фонарь между двух камней, направив его луч в сторону моря.

Эллинг не был совсем пуст, но недалеко ушел от этого. Я осветил его своим маленьким фонариком и убедился, что эллинг Мак-Ичерна — совсем не то, что мне нужно. Там не было ничего, кроме потрепанной бурями спасательной шлюпки — обшивка пробита, на дне валяется подвесной мотор, похожий на кусок ржавого железа.

Я подошел к дому. На северной стороне светилось окно. Свет в половине второго ночи. Я подтянулся и осторожно заглянул в окно. Чистая, прибранная комнатка с побеленными известью стенами, каменным полом, застеленным ковром, и камином, где догорали поленья. Дональд Мак-Ичерн сидел в плетеном кресле — все такой же небритый, в той же месячной свежести рубашке; он сидел, склонив голову, глядя в глубину тлеющего очага. Так, словно угасающее пламя должно было угаснуть вместе с его жизнью. Я двинулся к двери, повернул ручку и вошел.

Он услышал и повернулся ко мне, но не быстро, а как человек, которому уже ничто в мире не может повредить. Он посмотрел на меня, на пистолет в моей руке, на свое ружье двенадцатого калибра, висевшее на гвозде,— и даже не попытался встать со своего кресла, а еще глубже погрузился в него.

— Кто вы, черт вас побери? — спросил он безразлично.

— Меня зовут Калверт. Я был тут вчера.— Я снял резиновый шлем, и он вспомнил. Я указал на двустволку: — Нынче вечером вам ружье, похоже, без надобности, мистер Мак-Ичерн. По крайней мере, вы не хватаетесь за него, чтобы защищаться.

— Вы не ошиблись,— неохотно пробурчал он.— В ружье нет патронов.

— И за вами никто не стоит, как вчера...

— Не понимаю, о чем вы говорите... Кто вы? Чего хотите?

— Я хочу знать, почему вы устроили мне такой прием вчера.— Я спрятал пистолет.— Он был слишком дружеским, мистер Мак-Ичерн.

— Кто вы, сэр? — Он выглядел еще старше, чем вчера: старый, разбитый, уничтоженный.

— Калверт. Они велели вам отпугивать посетителей, не так ли мистер Мак-Ичерн? — Никакого ответа.— Я задал несколько вопросов вашему приятелю Арчи Мак-Дональду. Полицейскому сержанту в Торбее. Он сказал, что вы женаты. А я не видел миссис Мак-Ичерн.

Он чуть приподнялся в кресле. Старые воспаленные глаза блеснули. Потом снова опустился, и глаза померкли.

— Однажды ночью вы вышли в море на своей лодке, не так ли, мистер Мак-Ичерн? Вышли в море и увидели кое-что лишнее. Они схватили вас, притащили сюда, забрали миссис Мак-Ичерн и пообещали, что если вы произнесете хоть одно слово, то уже никогда больше не увидите своей жены. Я имею в виду — живой. Они велели вам оставаться здесь — на тот случай, если кто-нибудь забредет сюда, удивится вашему отсутствию и поднимет тревогу. А чтобы иметь уверенность в том, что вы не попытаетесь обратиться за помощью на материк — хотя я уверен, что вы не сумасшедший, чтобы решиться на это,— они испортили ваш двигатель, превратив его в кусок ржавого железа. Пропитанная морской водой мешковина — и случайный посетитель подумает, что это простая оплошность, а никак не умышленная порча.

— Да, они сделали это.— Он смотрел в огонь невидящими глазами, его голос упал до шепота, будто он думал вслух или тяжело переживал то, что произносит.— Они забрали ее и сломали мою лодку. А я медленно умираю здесь, в задней комнате, потому что мою жизнь они тоже отняли. Если бы я имел, я отдал бы им миллион фунтов — лишь бы они вернули мою Мэри. Она на пять лет старше меня...

Он больше не защищался.

— Чем же вы здесь живете?

— Каждые две недели они привозят мне консервы. Немного. И еще сгущенное молоко. Чай у меня есть, и еще я ловлю мелкую рыбешку с берега.— Он опять уставился в огонь, сдвинув брови; он как-будто вдруг начал понимать, что я принес какие-то перемены в его жизнь.— Кто вы, сэр? Кто вы? Вы не один из них. И вы не полицейский, я нагляделся на них. Нет, вы совсем не такой...— Теперь в нем появились признаки жизни, жизнь возникла в его лице, в глазах. Он смотрел на меня целую минуту, и мне стало неловко под взглядом его выцветших глаз. И тут он сказал: — Я знаю, кто вы. Я знаю, кем вы должны быть. Вы человек правительства. Вы агент службы безопасности.

— Браво, старикан, я готов снять перед тобой шляпу.— Я стоял перед ним, затянутый в скафандр по самые уши, с ног до головы засекреченный, а он видел меня насквозь. А еще болтают о непроницаемых лицах стражей безопасности! Я припомнил, что бы ему сказал на моем месте дядюшка Артур: автоматическое лишение должности и тюремное заключение, если старик выболтает хоть слово. Но у Дональда Мак-Ичерна не было никакой работы, чтобы лишиться ее, а после жизни на Эйлен-Оран даже тюрьма строгого режима покажется отелем — из тех, что в путеводителях отмечены, как отели высшего класса; так что я в первый раз в жизни честно сказал:

— Я агент службы безопасности, мистер Мак-Ичерн. И я намерен вернуть вам вашу жену.

Он медленно покачал головой, затем сказал:

— Вы, должно быть, очень смелый человек, мистер Калверт, но вы не представляете, с какими ужасными людьми вам придется иметь дело.

— Если я когда-нибудь получу медаль, мистер Мак-Ичерн, то лишь в том случае, если меня с кем-нибудь спутают. Что же до остального, я очень даже хорошо представляю, против кого выступаю. Попробуйте поверить мне, мистер Мак-Ичерн. Этого будет достаточно. Вы ведь были на войне.

— Вы и это знаете? Вам сказали?

Я покачал головой:

— Никто мне не говорил.

— Благодарю вас, сэр.— Его спина вдруг стала очень прямой.— Я был солдатом двадцать два года. Я был сержантом Пятого Хайлендского дивизиона.

— Вы были сержантом Пятого Хайлендского дивизиона,— повторил я.— На войне вы повидали много всякого народу, мистер Мак-Ичерн, и не только шотландцев, для которых Шотландия была превыше всего.

— Дональд Мак-Ичерн не стал бы с вами спорить, сэр.— В первый раз тень улыбки тронула его глаза.— Но здесь, среди них, есть двое, которые хуже, чем... Вы понимаете, кого я имею в виду, мистер Калверт. Но мы не побежим, мы не сдадимся так легко.— Он неожиданно вскочил на ноги.— Боже мой, о чем я говорю? Я иду с вами, мистер Калверт!

Я коснулся его плеча рукой:

— Спасибо вам, мистер Мак-Ичерн. Но не нужно. Вы уже достаточно сделали. Ваши дни борьбы уже миновали. Оставьте это нам.

Он молча посмотрел на меня, потом кивнул. Снова только намек на улыбку.

— Да, может, вы и правы... Я всегда хотел повстречать на жизненном пути человека вроде вас. И встретил.— Он устало опустился в кресло.

Я двинулся к двери.

— Доброй ночи, мистер Мак-Ичерн. Она скоро будет свободна.

— Она скоро будет свободна,— повторил он. Он посмотрел на меня, глаза его увлажнились, а когда он заговорил, в голосе его слышалась та же робкая надежда, что была написана на лице: — Вы знаете, я верю, что она вернется.

— Она вернется. Я привезу ее сюда сам, и это будет лучшее из всего, что я до сих пор делал. В пятницу утром, мистер Мак-Ичерн.

— В пятницу утром? Так скоро? Так скоро? — Он смотрел куда-то в бесконечность, в точку, удаленную на миллиард световых лет; казалось, он и не подозревал, что я стою в дверях. Он восторженно улыбался, его старые глаза горели.— Я не усну всю ночь, мистер Калверт. И следующую ночь тоже.

— Вы выспитесь в пятницу,— пообещал я. Но он уже не видел меня, по его серым небритым щекам бежали слезы. Поэтому я закрыл дверь и оставил его наедине со своими мечтами.

Глава восьмая

ЧЕТВЕРГ, 2.00. — 4.30.

Я сменил Эйлен-Оран на остров Крэйгмор. Дядюшка Артур с Шарлоттой вытворяли такие навигационные выкрутасы, что у меня кровь стыла в жилах, потому что северная оконечность Крэйгмора была еще неприступнее, чем южный берег Эйлен-Оран; потому что туман сгущался; потому что я задыхался и захлебывался в огромных волнах, которые швыряли меня на невидимые рифы; потому что я прикидывал мои шансы выполнить обещание, данное Дональду Мак-Ичерну. И чем больше я прикидывал, тем меньше меня смущали все причины, кроме последней, и в конце концов я бросил о них думать, поскольку ночь была на исходе, а мне еще многое предстояло сделать до восхода солнца.

Две рыбацкие шхуны раскачивались на волнах в естественной бухте, огражденной рифами, как природным волноломом, с запада. Волны тяжело бились о рифы, поэтому меня не беспокоил плеск воды, стекающей со скафандра, когда я карабкался на первую шхуну, гораздо больше я опасался проклятого яркого света, что струился из сарая, где топили жир. Он был достаточно ярок, чтобы меня могли заметить из любого дома.

Это было обычное рыболовное судно с дизельным двигателем, около сорока пяти футов длиной, способное, казалось, выдержать любой ураган. Все было в прекрасном состоянии и не было ничего подозрительного. Мои надежды стали возрастаться. Правда, никакой другой возможности у меня все равно не было.

Вторая шхуна была точной копией первой.

Я доплыл до берега, спрятал свое водолазное снаряжение подальше от кромки прибоя и направился к сараю, стараясь держаться в тени. Лебедки, стальные столы и бочки, печи для вытапливания жира — вот и все, что я обнаружил в сарае. И еще там валялись останки акул и стоял самый ужасающий запах, какой встречался мне в жизни. Я торопливо вышел.

Первый коттедж не дал ничего. Я посветил фонариком в разбитое окно. Комната была пуста, казалось, сюда не ступала нога человека по меньшей мере полста лет. Второй коттедж был пуст, как и первый. Я осторожно открыл дверь третьего. Передо мной был узкий коридор. Две двери справа, три слева. Если следовать теории, то босс этого предприятия наверняка занимает самую большую комнату. Я осторожно открыл первую дверь справа.

При свете фонаря комната показалась мне на удивление комфортабельной. Хороший ковер, плотные шторы, пара удобных кресел, дубовые шкафы.

На двуспальной кровати спал только один человек, но ему все равно было тесновато. Лицо его было обращено ко мне, но большую часть его я не мог видеть — оно было спрятано под копной густых черных волос, видны были только мохнатые черные брови и самая великолепная черная борода, какую мне доводилось видеть. Он храпел.

Я подошел к кровати и ткнул ему под ребро стволом пистолета с силой, достаточной, чтобы пробудить парня таких габаритов.

— Вставай! — сказал я.

Он проснулся. Я отошел на почтительное расстояние. Он протер глаза волосатой лапой, потянулся и сел. Я бы не удивился, будь он одет в медвежью шкуру, но нет, на нем была пижама изысканной расцветки — такое сочетание цветов я, пожалуй, выбрал бы для себя.

Законопослушные граждане, разбуженные посреди ночи тыканьем в бок, реагируют по-разному — от страха до истерического возмущения насилием. Бородач был далек от стандартной реакции. Он посмотрел на меня из-под нависших бровей, и глаза у него стали как у бенгальского тигра, собирающегося в комок на своей подстилке перед тем, как совершить тридцатифутовый прыжок, чтобы добыть завтрак. Я отступил еще на пару шагов и сказал:

— Не надо.

— Ну-ка, убери свою пушку, малыш,— сказал он. Голос у него был низкий, раскатистый, словно он шел из глубин Гранд — каньона.— Убери пушку, или я встану, скручу тебя и заберу ее сам.

— Ну зачем же так! — сказал я жалобно. Потом добавил вежливо: А если я уберу пистолет, вы не станете скручивать меня?

Он некоторое время обдумывал, затем буркнул:

— Нет.— И потянулся за толстой черной сигарой. Он зажег ее, но глаза его все время следили за мной. Едкий дым заполнил комнату и достиг моих ноздрей. Неудивительно, что он не заметил вони от салотопки: по сравнению с этими сигарами то, что курил дядюшка Артур, было вроде духов Шарлотты Скурос.

— Простите за вторжение. Вы Тим Хатчинсон?

— Да. А ты кто, малыш?

— Филип Калверт. Я хочу воспользоваться передатчиком на одной из ваших шхун, чтобы связаться с Лондоном. Кроме того, мне нужна ваша помощь. Вы не представляете, насколько это срочно. Много жизней, не говоря уж о нескольких миллионах фунтов, будут потеряны в ближайшие двадцать четыре часа.

Он понаблюдал, как отвратительного вида облако ядовитого дыма поднялось к низкому потолку, затем перевел взгляд на меня.

— А ты сам случайно не разбойничек, малыш?

— Я не бандит, слышишь ты, большая черная обезьяна! И пожалуй, можно обойтись без «малыша», Тимоти.

Он посмотрел прямо перед собой, его глубоко посаженные, угольно-черные глаза стали не дружескими, как бы мне хотелось, но хотя бы веселыми.

— Туше! — как говаривала моя француженка — гувернантка. Может быть, вы и не бандит. Тогда кто вы, Калверт?

Снявши голову, по волосам не плачут. Этот человек не станет помогать мне, если не узнает правду. А помощь его, похоже, была бы крайне полезна. Поэтому второй раз за эту ночь и второй раз за всю свою жизнь я сказал:

— Я агент службы безопасности.— Слава богу, что дядюшки Артура не было здесь, его давление от такого нарушения конспирации подскочило бы так, что он не выжил бы.

В отличие от Мак-Дональда и Шарлотты, Хатчинсон узнал не просто правду, он узнал всю правду.

— Будь я проклят, если это не самая жуткая история, которую мне доводилось слышать! И все прямо под нашим гадким носом.— Слушая его речь, трудно было решить, австралиец он или американец — позднее я узнал, что Хатчинсон много лет провел во Флориде, где ловил тунцов.— Так это вы были на той трещотке? Однако, братец, от тебя ни днем ни ночью не скроешься. Беру назад свои слова насчет «малыша». Что вы хотите, Калверт?

Я объяснил ему, что рассчитываю на его личную помощь этой ночью, надеюсь использовать и шхуны вместе с экипажами в течение двадцати четырех часов, а также должен немедленно воспользоваться передатчиком. Он кивнул:

— Рассчитывайте на нас. Я скажу своим мальчикам. Можете начать передачу прямо сейчас.

— Я бы предпочел, чтоб мы с вами поднялись прямо сейчас на борт нашей шхуны,— сказал я.— Вы бы подождали там, а я бы вернулся сюда к передатчику.

— У вас еще есть о чем посекретничать с вашими ребятами, а?

— Я просто боюсь, что нос «Файркреста» в любую минуту воткнется прямо в эту дверь.

— Тогда я предлагаю сделать подругому. Я подниму ребят, мы возьмем «Шарман» — это та шхуна, что ближе к сараю,— и подойдем к «Файркресту». Я перейду к ним на борт, и мы покрутимся вокруг да около, пока вы передаете свое сообщение. Потом вы перейдете туда, а мальчики вернут «Шарман» на место.

Я подумал о водоворотах вокруг рифов, о пенных бурунах в устье залива и спросил:

— А не рискованно выходить в море на ваших судах в такую ночь?

— А чем вам не нравится эта ночь? Прекрасная свежая ночь. Лучше и не надо. Это еще что, я помню, как мои ребята выходили отсюда в шесть часов вечера в декабре, в самый настоящий шторм,

— Была серьезная необходимость?

— Представьте себе, очень серьезная.— Он улыбнулся.— У нас кончились все запасы, и ребята спешили добраться до Торбея, пока не закрылись кабаки. Все будет о'кей, Калверт.

Больше я ничего не сказал. Было пределом мечтаний иметь Хатчинсона при себе до конца этой ночи. Мы вышли в коридор, и тут он заколебался:

— Двое из моих ребят женаты. Я думаю...

— Они будут вне опасности. Кроме того, они будут как следует вознаграждены за работу.

— Не портите нам удовольствие, Калверт.— Для человека с таким громыхающим басом он иногда выглядел удивительно мягким.— Мы не возьмем денег за такую мелочь.

— Я не нанимаю вас,— сказал я устало. Слишком многих мне пришлось переубеждать в эту ночь, чтобы бороться еще с Тимом Хатчинсоном.— Страховая компания назначила премию. Я имею указания предложить половину вам.

— А, ну это совсем другое дело. Я не прочь облегчить карманы страховой компании. Но не половину, Калверт, не половину. Ведь тут работы на один день, после того, что вы уже сделали. Двадцать пять процентов нам, а двадцать пять вам и вашим друзьям.

— Вы получите половину. Другая половина пойдет на компенсацию тем, кто пострадал от них. Например, в Эйлен-Оране есть старая супружеская чета, которым кроме мечты жить дружно и умереть в один день нужно еще как-то прокормиться до этого дня.

— А вы ничего не получаете?

— Я получаю свое жалованье, размер которого я обсуждать не собираюсь, потому что это больной вопрос. Работник службы безопасности не имеет права на премию.

— Вы хотите сказать, что можете быть избиты, застрелены, наполовину утоплены и искалечены при очередной попытке вас прикончить, и все это за какое-то вшивое жалованье? Вы нормальный, Калверт? Какого черта вы этим занимаетесь?

— Это не оригинальный вопрос. Я задавал себе такие вопросы раз по двадцать в день. А иногда и чаще. Но эти времена уже прошли.

— Я пойду поднимать мальчиков. Их имена эти хранители золота должны выбить на мраморе. Или выгравировать. Мы будем на этом настаивать.

— Награда полагается в виде премии и никакой другой. В зависимости от того, какую часть товаров удастся спасти. Мы очень надеемся найти груз с «Нантсвилла». Много шансов на то, что найдем. Премия составит десять процентов. Ваших — пять. Минимум, на который можете рассчитывать вы и ваши ребята, это четыреста тысяч фунтов, максимум — восемьсот пятьдесят. Тысяч фунтов, я имею в виду.

— Повторите еще раз... — Он посмотрел так, словно ему на голову упала башня лондонского Тауэра. Я повторил, и спустя некоторое время он смотрел так, словно на голову ему упал всего лишь телеграфный столб. Он строго сказал.— За такую плату можно рассчитывать на очень серьезную помощь. Больше и говорить нечего. Выкиньте из голову всякие мысли насчет объявления в газете. Тим Хатчинсон — ваш.

Он провел «Шарман» между Сциллой и Харибдой на выходе из этого ужасного залива на полном ходу. Покрытые пеной рифы тянулись к нам с обеих сторон. Он, казалось, не замечал их. Да он просто не смотрел на них! Двое его мальчиков — эдакие заморыши ростом шесть футов и два дюйма или около того — всю дорогу откровенно зевали от скуки. Хатчинсон установил точное место расположения «Файркреста» задолго до того, как я вообще начал различать контуры судна в тумане, и подвел к нему «Шарман» так аккуратно, как я бы сумел прижать свой автомобиль к бордюру ясным днем — да и то в лучшие мои времена. Я перепрыгнул на борт «Файркреста», что вызвало там страшный переполох, поскольку ни дядюшка Артур, ни Шарлотта не услышали даже шороха при нашем появлении. Объяснив им ситуацию и представив Хатчинсона, я вернулся на «Шарман». Пятнадцать минут спустя, закончив радиосеанс, я вновь оказался у себя на борту.

Дядюшка Артур и Тим Хатчинсон были уже закадычными друзьями. Бородатый гигант-австралиец был предельно учтив и респектабелен, не забывая добавлять обращение «адмирал» к каждой своей фразе; дядюшка же был искренне рад и чувствовал себя обязанным Тиму за его появление на борту. Что касается меня, то я почувствовал, что мой авторитет капитана судна поставлен под сомнение, и так оно и было.

— Куда мы теперь направляемся? — спросила Шарлотта Скурос. Я был несколько ошарашен тем, что она так же искренне радовалась присутствию Хатчинсона, как и дядюшка Артур.

— Даб-Стейр,— сказал я.— Пора навестить лорда Кирксайда и его очаровательную дочь.

— Деб-Стейр! — Она отпрянула от меня.— Вы же говорили, что ответ надо искать в Эйлен-Оране или на Крэйгморе?

— Так оно и было. Но только ответы на некоторые частные вопросы. Но конец пути — на Даб-Стейр. Конец пути и конец радуги.

— Вы говорите загадками,— сказала она холодно.

— Только не для меня,— охотно пояснил Хатчинсон.— Конец радуги, мадам, это место, где зарыт котелок с золотом. Так говорят легенды.

— Что касается меня, я предпочел бы котелок с кофе,— сказал я.— Кофе для четверых, и приготовлю я его сам, собственными честными руками.

— Я бы предпочла пойти спать,— сказала Шарлотта.— Я очень устала.

— Вы сварили кофе для меня,— сказал я с шутливой угрозой.— Теперь придется выпить мой. Все должно быть по-честному.

— Ну, тогда побыстрее.

Я сделал все очень быстро. Поставил четыре чашки на жестяной поднос, всыпал в каждую солидную дозу растворимого кофе, добавил в каждую молока и сахара, а в одну из них — кое-что еще. Недовольства качеством кофе не возникло.

— Не понимаю, почему бы вам всем троим не пойти спать? — спросил Хатчинсон, осушив свою чашку.— Или вы думаете, мне нужна помощь?

Вне всякого сомнения, в помощи он не нуждался. Шарлотта Скурос отправилась спать первой — она вдруг почувствовала себя очень сонной, в чем я ничуть не сомневался. Она уснет крепко. Дядюшка Артур и я ушли чуть позже, Тим Хатчинсон пообещал разбудить меня, когда мы подойдем к берегу с западной стороны Даб-Стейра. Дядюшка Артур закутался в плед на диване в салоне. Я пошел в свою каюту и лег.

Я лежал три минуты, потом встал, взял трехгранный напильник, осторожно выбрался в коридор и постучал в дверь каюты Шарлотты. Ответа не было, поэтому я открыл дверь, вошел, бесшумно запер дверь и включил свет.

Она, разумеется, спала, она была за миллион миль отсюда. Она даже не смогла добраться до постели и улеглась прямо на ковре, не раздеваясь. Я положил ее на койку и накрыл парой одеял. Но прежде приподнял край рукава и изучил следы, оставленные веревками.

Каюта была не очень большой, и потребовалась лишь одна минута, чтобы найти то, что я искал.

Как Тим Хатчинсон нашел этот старый пирс, несмотря на дождь, мрак и туман — это выше моего разумения. Может быть, он сам расскажет позднее. Он послал меня на нос с фонарем, но будь я проклят, если смог хоть что-то разглядеть. Он шел будто по радиопеленгу. Тим дал реверс мотору, подождал, пока нос судна фута на два уйдет под настил пирса, пока я выберу подходящий момент для прыжка, потом дал полный назад и исчез в тумане.

Всю дорогу от пирса до плато над ним я скользил и карабкался, поскольку никто не позаботился снабдить лестницу перилами хотя бы со стороны моря. А я вдобавок был тяжело нагружен. Фонарь, пистолет и моток каната — я не собирался подобно Дугласу Фербенксу взбираться на бастионы замка Даб-Стейр, но мой опыт подсказывал, что канат не будет лишним во время увеселительной прогулки по острову с обрывистыми берегами. И кроме этих мелочей я нес нелегкое бремя моих лет, так что я еле дышал, когда выбрался наконец на вершину.

Я повернул не к замку, а на север, вдоль поросшей травой полосы. Поло-

сы, с которой взлетал на своем «Бичкрафте» старший сын лорда Кирксайда в тот день, когда он со своим будущим родственником разбились; полосы, над которой каких-нибудь двенадцать часов назад пролетали мы с Вильсоном после разговора с лордом Кирксайдом и его дочерью; полосы, в самом конце которой я надеялся найти то, что ищу, но не был уверен, что найду. Не был уверен тогда. Теперь я был уверен.

Полоса была ровной, без ям и бугров, поэтому я старался не включать без нужды мой фонарь в обтянутом резиной корпусе.

Я не знал, насколько далек обрывистый край утеса от конца травянистой полосы, и не собирался проверять это с риском для жизни. Я встал на четвереньки и пополз, освещая путь светлячком. Я достиг края через пять минут и сразу же обнаружил то, что искал. Глубокие борозды на кромке утеса — дюймов восемнадцать шириной и до четырех дюймов глубиной. Следы были не очень свежими. Это были следы, оставленные самолетом «Бичкрафт». Они запустили моторы, дали полный газ и выбили подпорки. Не набрав достаточной скорости, чтобы подняться в воздух, самолет без единого человека на борту перевалил через кромку утеса, пропоров при движении эти канавы, и упал. Это было все, что мне нужно — это и еще дыра в обшивке шлюпки Оксфордской экспедиции, и еще круги под синими глазами Сьюзан Кирксайд. Теперь я не сомневался.

Мне повезло, что я подошел к замку именно в этом месте — если бы я подошел с другой стороны, с подветренной, я бы ни за что не уловил запах табачного дыма. Очень слабый запах, ничего похожего на вонючие сигары дядюшки Артура, и уж совсем слабенький по сравнению с карманным арсеналом отравляющих веществ Тима Хатчинсона, но тем не менее это был табачный дым. Кто-то у ворот курил сигарету. Общеизвестно правило, что на посту нельзя курить. С этим я полностью согласен.

Я взял пистолет за ствол и стал осторожно красться вперед. Часовой стоял, прислонившись к воротам, силуэт его был виден плохо, но огонек сигареты был великолепным ориентиром. Я подождал, пока он сунет сигарету в рот третий раз, и в тот момент, когда она ярко разгорелась, почти ослепив часового, шагнул вперед и ударил рукояткой пистолета в то место, где должен был находиться его затылок.

Он стал валиться назад, я подхватил его, и тут что-то больно ткнуло меня в ребро. Штык, и что характерно — очень острый штык. Штык был примкнут к винтовке «Ли-Энфилд 303». Весьма воинственно. Это уже не похоже на обычную предосторожность. Наши друзья забеспокоились всерьез, а я понятия не имел как разузнать, что им известно и что они предполагают. Время теперь работает против них так же, как и против меня. Через два часа рассвет.

Я взял винтовку и осторожно двинулся к кромке утеса, прощупывая штыком землю перед собой. Когда у вас в руках винтовка со штыком, у вас в запасе лишних пять футов до края, за которым начинается вечность. Я нашел этот край, отступил назад и сделал сбоку две параллельные царапины на мокром торфе, обрывающемся у самого края. Потом вытер приклад и бросил винтовку на землю. На рассвете караул сменят, и тогда, надеюсь, они придут к тому выводу, какой мне нужен.

Удар был не так силен, как мне показалось, часовой уже шевелился и слабо стонал, когда я вернулся. Это было к лучшему, а то пришлось бы тащить его на себе. Я был не настолько в форме, чтобы таскать на себе кого-то. Я затолкал ему в рот носовой платок, и стоны прекратились. Это опасный метод, я знаю — пленник с простудой или разбитым носом через четыре минуты умирает от удушья. Но у меня не было времени изучать его носоглотку, тем более, что речь шла о выборе между его жизнью и моей.

Он поднялся на ноги через две минуты. Он не пытался убежать или оказать сопротивление, потому что к тому времени ноги у него были спутаны, руки крепко связаны за спиной, а дуло пистолета приставлено к шее. Я велел ему идти, и он пошел. Через двести ярдов, там, где дорога пошла под уклон к пирсу, я заставил его отойти в сторону, связал вместе запястья и лодыжки и оставил в таком положении.

Разглядывая накануне замок с высоты, я убедился, что выстроен он с соблюдением законов симметрии в виде буквы «П» с внутренним двориком между ее ножек. Было логично предположить, что если парадная дверь находится посреди перекладины «П», то центральная лестница будет прямо напротив. И похоже, посреди вестибюля должен быть проход.

Так оно и было. Ступени были там, где им надлежало быть. Десять широких ступеней, а затем площадка и две лестницы — в правое и левое крыло. Я выбрал правую лестницу, потому что именно с этой стороны я увидел неясный отблеск света. Шесть ступеней второго пролета, еще один правый поворот, восемь ступеней вверх и я на лестничной площадке. Двадцать четыре ступени и ни одна не скрипнула! Я возблагодарил архитектора, который дереву предпочел мрамор.

Здесь свет был много ярче. Я направился к источнику: это была щель между дверью и косяком не шире дюйма. Я припал к ней любопытным глазом. Все, что было видно, это угол гардероба, краешек ковра, угол кровати и, наконец, грязный ботинок. Храп в самом низком регистре напоминал какофонию в котельной мастерской средних размеров. Я толкнул дверь и вошел. Лица парня я не видел, поскольку шапка была надвинута на самый нос. На ночном столике стояли фонарь и полупустая бутылка виски. Стакана не было, но судя по внешнему виду этого типа: он привык к жизни простой и незамысловатой, не отягощенной условностями цивилизованного общества. Бдительный страж добросовестно подготовился к невзгодам хайлендской ночи перед тем, как сменить своего напарника у ворот. Но он не сделал этого, поскольку некому было его разбудить. Глядя на него, было ясно, что он готов ждать побудки хоть до ленча.

Но вполне вероятно, что он проснется сам, от собственного храпа, который мог разбудить и покойника. Похоже на то, что, проснувшись, он будет испытывать неутолимую жажду, поэтому я отвинтил крышку и всыпал в бутылку с полдюжины таблеток, взятых у старика-аптекаря в Торбее. Завинтил крышку, взял фонарь и вышел.

Дальше была спальня, столь же грязная и в таком же беспорядке, как и первая. Можно было предположить, что здесь обитал караульный, которого я оставил лежать среди камней и кустов над пропастью.

Я перешел в левое крыло дома. Где-то здесь должна быть комната лорда Кирксайда. Она и была там — только его самого в ней не было. Один взгляд на содержимое гардероба убедил меня, что комната принадлежит именно ему, но постель лорда была нетронута.

Можно было предсказать, что в этом насквозь симметричном доме за спальней последует ванная комната. В ней не было никаких следов присутствия стражей, ее антисептическая чистота имела оттенок аристократизма. К стене был подвешен ящик с аптечкой. Я достал моток лейкопластыря и заклеил стекло фонарика так, чтобы осталось окошечко величиной с мелкую монету. Моток я сунул в карман.

Следующая дверь была заперта, но запор, установленный во времена постройки Даб-Сгейрского замка, был весьма примитивным. Я вынул из кармана лучшую в мире отмычку — продолговатый кусок прочного целлулоида. Просунул его между дверью и косяком на уровне замка, повернул дверную ручку, протолкнул немного целлулоида, отпустил ручку, потом повторил процесс снова и замер. Щелчок мог разбудить моих приятелей-караульных, а уж того, кто был внутри,— тем более. Но я не уловил никаких признаков движения.

Я открыл дверь примерно на дюйм и снова замер. Внутри комнаты горел свет. Я сменил фонарик на пистолет, встал на колени, низко наклонился и резко распахнул дверь. Потом встал, запер за собой дверь и подошел к кровати.

Сюзан Кирксайд не храпела, но она спала так же глубоко, как тот караульный в соседнем крыле. Ее волосы были стянуты синей шелковой лентой, лицо было открыто — не то что во время прогулок в ветреную погоду. Ее

отец сказал, что ей двадцать однн, но сейчас я не дал бы ей н семнадцатн. Журнал, выскользнувший из ее рук, валялся на ковре. На туалетном столике стоял полупустой стакан с водой и бутылочка с таблеткамн нембутала. Видимо, забвение нелегко дается в Даб-Сгейр, и я не сомневался, что Сьюзан Кирксайд находила его с большим трудом, чем другие.

Я взял полотенце, внсевшее у раковины в углу, стер с лнца влагу и грязь, пригладил волосы, придав им некоторое подобие порядка, и немного порепетировал перед зеркалом, изображая добродушно-воодушевляющую улыбку. Больше всего я походил на одного нз беглых каторжников, чьи фотографнн печатают в газетах.

Почти две минуты я вытягивал ее нз мрачной глубины забвения, пока не привел в состояние, среднее между явью и сном. Еще минута ушла на то, чтобы привести ее в полное сознание. И можете себе представить — я все время выдавал иа полную катушку свою добрую улыбку, так что лицо свело от боли, но это не помогло.

— Кто вы? Кто вы? — Голос ее дрожал, синие глаза, все еще затуманенные сном, широко раскрылись в нспуге.— Не смейте меня касаться! Не смейте — я позову на помощь! Я...

Я взял ее за руку, чтобы показать, что прикосновенне прикосновению рознь.

— Я не буду к вам прикасаться, Сью Кирксайд. У вас и без того хватает прнчин, чтобы звать на помощь. Но вы до сих пор не звали, вы были послушной девочкой. Вы не говорили об этом даже шепотом. Не думаю, что это было самое умное н безопасное, а вы?

Она смотрела на меня несколько секунд, губы ее шевелились, точно она пыталась что-то сказать, но страх постепенно покидал ее. Она села прямо.

— Вы — мистер Джоисон. Человек с вертолета.

— Надо быть осторожнее,— сказал я с укорнзной,— а то вас арестует полнцня нравов.— Она закуталась в одеяло до самого подбородка, и я продолжил: — Мое нмя Калверт. Я работаю на правительство. Я ваш друг. Думаю, вам нужен друг, не так ли, Сьюзан? Вам и вашему старику... лорду Кирксайду то есть.

— Что вы хотите? — прошептала она.— Что вы здесь делаете?

— Я здесь, чтобы покончить со всеми напастями,— сказал я.— Я здесь, чтобы испроснть разрешения иа ваш брак с достопочтенным Джоном Роллинсоном. Устройте бракосочетание где-нибудь в конце следующего месяца — тогда я смогу на нем присутствовать.

— Уходите отсюда.— Голос ее был тихнм и жалким.— Уходите отсюда вемедленно нли вы все испортите. Прошу вас, пожалуйста, уходите отсюда. Я умоляю вас, умоляю! Уходите. Если вы друг уходите. Пожалуйста, ну, пожалуйста, уходите!

Мне показалось, что она искренне хочет, чтобы я ушел.

— Судя по всему,— сказал я,— вам основательно промыли мозги. Еслн вы поверили их увещаниям, значит, вы верите всему, что вам наговорят. Они не позволят вам уйти, они и не собирались вас отпускать, они ие оставят в живых очевидца, который когда-ннбудь укажет на них пальцем. Это относится ко всем, кто имел с ними дело.

— Они не будут, не будут. Я слышала, как мистер Лаворски обещал папе, что никому не будет прнчинено вреда. Он сказал, что они бнзнесмены, что убийства не входят в нх бизнес. Он именно это имел в виду.

— Лаворски, вы говорите? Да, так оно и есть. Он имел в внду нмеино это. Вот только забыл упомянуть, что они уже убнли четырех человек за последние трн дня, или что они четыре раза пытались убить меня за эти дни.

— Вы лжете! Вы все это придумали. Этого не может быть. Сжальтесь, оставьте нас!

— И это говорит дочь старого во́ждя шотландского клана! — гневно воскликнул я.— От вас, видно, толку не добьешься. Где ваш отец?

— Я не знаю. Мистер Лаворски и капитан Имри — это еще один из них — пришли за ним в одиннадцать часов вечера. Папа не сказал, куда они отправились. Ои ничего мне не сказал.

Она помолчала и спросила меня:

— Почему вы сказали, что от меня толку не добьешься?

— Он сказал вам, когда вернется?

— Почему от меня не добьешься толку?

— Потому что ты — маленькая глупая девчонка, ты ни черта не знаешь об этом мире и веришь всему, что тебе говорят отпетые негодяи и преступники. Но особенно потому, что ты не веришь мне. Не можешь поверить единственному человеку, который хочет спасти тебя. Ты маленький глупый поросеиок, Сью Кирксайд! Если бы я не боялся попасть в ад за кощунство, я бы сказал, что преподобный Роллннсон легко отделался.

— О чем вы говорнте?

— Он не сможет жениться на тебе, когда умрет,— сказал я злобно.— И он уже на пол — пути к смерти. Он близок к смерти, потому что Сью Кирксайд решила дать ему умереть. Потому что она слишком слепа, чтобы узнать правду, когда видит ее.

Я расстегнул ворот и сдернул шарф.

— Нравится вам это?

Ей не понравилось. Краска сползла с ее щек. Я видел себя в зеркале на ее туалетном столике н мне ие понравилось то, что я там видел. Отпечаткн пальцев Квинна во всей красе. Цветной калейдоскоп пятен охватывал всю шею.

— Квиин? — выдохиула она.

— Вы знаете имя. Знаете этого человека?

— Я их всех зиаю. По крайней мере — большинство. Наш повар проболтался как-то, когда был снльио пьян, что слышал разговоры на кухне об этом страшном человеке. Он поссорился со своим прнятелем. Из-за женщины. И он убнл приятеля. Таким же образом.— Она сделала усилие, чтобы отвести глаза от моей шеи.— Я думала... думала, это просто болтовня.

— И вы по-прежнему думаете, что этн ребята готовятся стать миссионерами, чтобы нести по свету слово божье? — Я усмехнулся.— Вы знали Жака и Крамера?

— Она кнвнула.

— Я убнл нх сегодня. После того, как они убили моего друга. Онн свернули ему шею. Потом они пыталнсь убить моего шефа и меня. И еще одного я убнл тоже. Ои хотел убить нас. Кажется это был Генри. Теперь вы мне верите? Или все еще думаете, что мы пляшем вокруг старой внишни на лужайке н песенки поем?

Ее лицо побелело.

— Кажется, меня сейчас стошнит.

— Позже,— сказал я холодно.— У нас нет времени на эти развлечения. Вы ведь хотите выйти замуж, правда? Ваш отец сказал вам, когда он вернется?

Она смотрела на умывальник в углу так, будто прнкндывала, успеет она добежать прежде, чем ее стошнит, нли нет. Потом снова посмотрела на меня и прошипела:

— Вы такой же мерзкий, как н они. Вы убнйца.

Я сжал ее плечи н хорошенько встряхнул:

— Сказал он, когда вернется нли нет?

— Нет.

— Вы знаете, что эти люди делают здесь?

— Нет.

Я поверил ей. Ее старик наверняка знал, но он не стал говорить ей. Лорд Кирксайд не был так иаивен, чтобы верить, будто незванные гости оставят его в жнвых. Но ои мог надеяться, что они пощадят хотя бы дочь, если она ни о чем не будет знать...

— Очевидно, вы знаете, что ваш женнх еще жив,— продолжал я.— И ваш старший брат. И остальные. Онн содержатся здесь, не так ли?

Она беззвучно кивнула. Хотел бы, чтоб она не смотрела на меня так.

— Вы знаете, сколько нх?

— Дюжина. Или больше. Я знаю, что там есть дети. Три мальчика и девочка.

Все правильно. Два сына сержанта Мак-Дональда, а также мальчик н девочка с той переоборудованной спасательной шлюпкн, что вышла нз Торбея. Я не верил ни единому слову Лаворски об его уважении к человеческой жизни, но ие удивлялся тому, что свндетели незаконных операций еще живы. Для этого были свои резоны.

— Вы зиаете, где они содержатся? В замке должны быть подходящие темницы.

— Глубоко под землей есть камеры. Последние четыре месяца мне не разрешали подходить к ним близко.

— Теперь у вас появилась возможность сделать это. Одевайтесь и проводите меня туда.

— Идти вниз, к камерам? — В ее словах слышался ужас.— Вы с ума сошли! Папа сказал мне, что по меньшей мере три человека дежурят ночь напролет.— Теперь их было двое, но она была обо мне невысокого мнения, так что не стоило ее и разубеждать.— Они вооружены. Вы просто сумасшедший. Я не пойду!

— Я и не думал, что вы пойдете. Вы лучше допустите, чтобы ваш друг умер, потому что вы жалкая трусиха.— Меня самого чуть не тошнило от того, что я говорил.— Лорд Кирксайд и благородный Роллинсон. Что за счастливый отец! Что за удачливый жених!

Она ударила меня, и я понял, что победил.

— Не надо,— сказал я.— Вы разбудите охрану. Одевайтесь.

Глава девятая

ЧЕТВЕРГ: 4.30. — УТРО.

Мы спустились вниз по ступенькам, держась за руки. Наверное, я был бы последним мужчиной, с каким она согласилась бы остаться наедине на необитаемом острове, но держалась она за меня крепко.

Охранников трое, сказала Сьюзан. С тем, что снаружи, я уже управился. Второй дежурил на бастионах. Третий же охранял кухонный пристрой — единственный вход в замок кроме главных ворот — и тех несчастных, что сидели внизу, в подвалах.

Его не было в кухонном пристрое, значит, он был у камер.

Несколько ступеней вели из судомойки вниз; там, на каменном полу, я заметил отсвет справа. Сьюзан прижала палец к губам, и мы беззвучно спустились по этим ступеням. Я осторожно выглянул в коридор.

Это был не коридор, это снова была лестница, по какой мне еще не доводилось спускаться. Она была освещена двумя или тремя слабыми, удаленными друг от друга лампочками, ступени сходились вдали, словно шпалы уходящего вдаль железнодорожного пути. Вниз вело ступеней семьдесят, потом площадка и направо начинался новый пролет. На площадке стоял стул, на стуле сидел человек. На коленях у него лежала винтовка. Любят они тяжелую артиллерию...

— Куда, черт побери, ведет эта лестница? — шепотом спросил я у Сьюзан.

— К эллингу, конечно,— послышался удивленный шепот.— Куда же еще?

Конечно, куда же еще! Прекрасно сработано, Калверт, прекрасно. Ты облетел южную часть Даб-Сгейра на вертолете, ты видел замок, видел эллинг, и ты не увидел ничего странного в том, что их разделяет отвесная стена, ты даже бровью не пошевелил от удивления.

— А погреба там, где он сидит, в проходе? — Она кивнула.— А зачем так глубоко в земле? Если для того, чтобы хранить шампанское, то уж больно далеко.

— Их и в самом деле использовали как винные погреба. Но обычно там держали запасы воды.

— Другого пути вниз нет?

— Нет. Только этот путь.

— Если мы сделаем пять шагов вниз по этим ступеням, он изрешетит нас из своей «Ли-Энфилд». Вы знаете его?

— Это Гарри. Он армянин, как папа сказал. Его настоящее имя не выговорить. Молодой, прилизанный, слащавый — и омерзительный!

— Он ухаживал за хозяйской дочкой и получил от ворот поворот!

— Да. Это было ужасно.— Ее передернуло.— Помойное ведро, полное чеснока.

— Ну, его можно понять. Я и сам бы приволокнулся за вами, если бы не чувствовал, что приближаюсь к пенсии. Позовите его и постарайтесь искупить свою вину.

— Что?

— Скажите ему, что сожалеете о случившемся. Что вы не сразу поняли, какой у него благородный характер. Скажите, что ваш отец уехал, и вы можете наконец поговорить. Скажите все что угодно.

— Нет!

— Сью...

Она неохотно кивнула. Я спрятался в тени, держа пистолет за ствол. Когда он увидел, кто зовет его, он забыл о своей винтовке. Сьюзан пыталась что-то сказать, но не могла перевести дух. Гарри, или как там его, был порывистым молодым человеком. Ох уж эта дикая армянская кровь... Я шагнул вперед, рука описала круг, и он распластался на полу.

Это был, собственно говоря, не эллинг, а огромная пещера естественного происхождения. От основания лестницы в обе стороны уходили тоннели, до конца которых не доставал свет фонаря. Снаружи можно было видеть лишь маленькую пристройку величиной двадцать на двадцать футов, в которой едва поместились бы две гребные шлюпки средних размеров. Внутри же можно было спрятать судно типа «Файркрест» да еще осталось бы место. На причале справа виднелись четыре кнехта. Заметно было, что пещеру недавно расширяли, чтобы увеличить место для стоянки судов и платформу для выгрузки, но в остальном все было как и сто лет назад. Я взял шлюпочный якорь и попробовал промерить глубину, но дна так и не достал. Любое судно, способное разместиться внутри пещеры, могло зайти сюда независимо от высоты прилива. Две огромные створки ворот казались монолитными, но, приглядевшись, я увидел щель между ними. К ним с восточной стороны вела узкая тропка.

Эллинг был пуст, насколько я мог разглядеть. Наши друзья отправились на ночную охоту. Было нетрудно определить, какой работенкой им вскоре предстояло заняться, на рабочей площадке были разложены все необходимые им приспособления: компрессор, баллоны от акваланга, ручная помпа с двумя клапанами, два водолазных шлема, шланги для подачи воздуха на глубину, телефонный кабель и прочее. Я не испытывал удивления или радости при виде всего этого. Последние сорок восемь часов я знал, что все это должно у них быть, только не знал — где.

Единственное, чего я так и не увидел в эту ночь, так это подвалов, где были заключены узники. После того, как я поднялся почти до самого верху по этой чертовой лестнице, я свернул налево, в проход, где мы впервые увидели Гарри. Пройдя несколько шагов, я уперся в массивную дубовую дверь, запертую на массивный замок — и ключа, разумеется, не было. Весь целлулоид мира не помог бы мне открыть этот замок, тут нужна была добрая доза пластиковой взрывчатки. Однако я счел преждевременным взрывать этот замок немедленно. Я вернулся на площадку, где меня ждала Сью, вооруженная винтовкой, и Гарри — связанный, под надежной охраной.

— Эти люди в подвалах,— сказал я,— они там пробыли несколько недель, некоторые даже несколько месяцев. Они ослепнут, как летучие мыши, и ослабнут, как котята, к тому времени, когда выйдут на свободу.

Она покачала головой:

— Думаю, что с ними все в порядке. Их выводят под охраной на прогулку каждое утро. В такое место, откуда не видно моря. Нам тоже не позволяли смотреть на них. Они не знали, что я их часто видела. На этих прогулках настоял мой папа. И сэр Энтони.

— Какой добрый папа.— Я взглянул на нее.— И старина Скурос. О моем появлении на вертолете вчера после обеда было по радио сообщено на «Шангри-Ла». Где передатчик?

— Вы что, все знаете?

— Всезнающий Калверт. Так где он?

— В холле. В комнате под лестницей.

Передатчик был превосходный — большой, сверкающий, последняя модель. Такие ставятся на суда лишь в нескольких странах.

Кроме кодовых названий и географических координат я всю передачу вел открытым текстом. Я был вынужден — у меня не было шифрблокнота, и просто не было времени. Я говорил медленно и четко, давая исчерпывающие инструкции о передвижении людей, о радиочастотах, о деталях расположения замка Даб-Сгейр, расспрашивая о том, что недавно происходило на Ривьере. Я ничего не переспрашивал, и никто не переспрашивал меня, каждое мое слово записывалось. Не успел я высказать и половины, как брови Сьюзан поднялись и исчезли под ее белокурой челкой, а Гарри выгля-

дел так, словно был набит песком. Я закончил передачу, установил ручку настройки в прежнее положение и встал.

— Вот и все,— сказал я.— Я отчаливаю.

— Что вы?..— Ее серо-голубые глаза распахнулись, брови опять исчезли под волосами, но на этот раз в тревоге, а не от изумления.— Вы уходите и оставляете меня здесь?

— Оставляю. Если вы думаете, что я задержусь хоть одну лишнюю минуту в этом проклятом замке, то вы с ума сошли. Я уже наигрался. Или вы хотите, чтобы я дождался смены караула?

— Но у вас есть пистолет,— сказала она простодушно.— Вы можете арестовать их, разве нет?

— Арестовать кого?

— Караульных. Они на втором этаже. Они, наверное, спят.

— Сколько их?

— Восемь или девять. Я точно не знаю...

— Восемь или девять! Она точно не знает! Я что, по-вашему, супермен? Или вам хочется, чтоб меня убили? Вот что, Сьюзан, не говорите никому, что я был здесь. Даже отцу. Никому, если хотите, чтоб здесь когда-нибудь гуляли ваши дети. Понятно?

Она положила ладонь на мою руку и тихо, со страхом в голосе, сказала:

— Вы можете взять меня с собой?

— Могу. Я могу взять вас с собой и все поломать. И точно так же, если я хоть раз пальну в охрану наверху, тоже все будет кончено. Все зависит от того, узнают они или нет, что здесь кто-то был. Если только они это обнаружат, если у них возникнет хотя бы намек на подозрение,— они тут же соберут чемоданы и испарятся. Сегодня же ночью. А я, видимо, ничего не смогу сделать до вечера. И вы, конечно, понимаете, что они не уйдут, пока не убьют всех, кто сидит в подвалах. И вашего отца — тоже. И они заглянут в Торбей и позаботятся, чтобы сержант Мак-Доиальд не смог дать свидетельских показаний против них. Вы этого хотите, Сьюзан? Бог знает, как бы мне хотелось забрать вас отсюда, я ведь сделан не из железобетона, но если я это сделаю, зазвонят все колокола тревоги и они выдернут чеку. Неужели вам это не понятно? Если они вернутся и увидят, что вас нет, вывод будет только один: маленькая Сьюзан сбежала с острова. И ясно, с какой целью. Вы не должны исчезать.

— Хорошо.— Теперь она была спокойна.— Но вы кое-что упустили.

— Я самый большой старый растяпа. Что именно?

— Гарри. Он-то ведь исчезнет. Он не может не исчезнуть. Вы же не можете допустить, чтобы он рассказал.

— Он исчезнет. Вместе с охранником у ворот — я скрутил его по дороге сюда.

У нее опять расширились глаза, но я вытянул руку, засучил рукав куртки и свитера, раскрыл опасную бритву, которую она мне принесла, и полосиул ею по руке, но не глубоко, не так, чтобы из меня вытекла вся кровь, а чтобы хватило смочить ею конец штыка на три дюйма с обеих сторон. Я дал ей моток пластыря, и она без лишних слов залепила порез. Я опустил рукава свитера и куртки, и мы вышли — впереди Сьюзан с бутылкой виски и фонарем, следом Гарри, а сзади я с винтовкой наперевес. В холле я запер дверь той же отмычкой, какой ее отпирал.

Дождь прекратился, ветер утих, но туман был сильнее, чем обычно, и стало очень холодно. Бабье лето в Хайленде в полном разгаре. Мы прошли через внутренний дворик к тому месту, где я бросил винтовку часового, шли при свете фонаря, с которого я теперь снял маску из пластыря, довольно свободно, но разговаривая вполголоса. Парень, что нес неусыпную вахту на бастионе, не смог бы нас увидеть в самый лучший в мире прибор ночного видения, но звук в густом тумане приобретает непредсказуемое свойство — он то рассеивается, то глохнет, а то вдруг слышится с удивительной четкостью. Я слишком далеко зашел, чтобы слепо полагаться на везение.

Я велел Гарри лечь на траву лицом вниз — если бы я оставил его на ногах, он попытался бы сбросить меня с кромки утеса. Потом вытоптал траву в нескольких местах, сделал несколько вмятин прикладом винтовки и воткнул винтовку часового с землю почти отвесно, чтобы ее было видно издалека; винтовку Гарри я положил так, чтобы был заметен окровавленный штык, расплескал вокруг нее три четверти содержимого бутылки, а почти пустую бутылку положил возле одной из винтовок.

— Как вы думаете, что здесь произошло? — спросил я у Сьюзан.

— Это же ясно! Они устроили пьяную драку, оба поскользнулись и свалились с обрыва.

— А что вы слышали?

— О, я слышала, как двое парней орали в холле. Я выглянула во двор и услышала, как они ругаются последними словами. Кто-то сказал Гарри, чтобы он вернулся на свой пост, но Гарри кричал, что нет, что он, черт побери, должен отомстить немедленно! Я скажу, что оба они были пьяны, и я не могу повторить все, что они говорили. Последнее, что я слышала, это как они вместе шли через внутренний дворик, все еще ругаясь.

— Умная девочка. Именно это вы и слышали.

Она шла за нами до того места, где я оставил часового. Он еще дышал. Почти весь мой канат ушел на то, чтобы связать их вместе, в нескольких футах друг от друга, конец я держал в руке. Им нелегко будет держать равновесие со связанными за спиной руками, а при спуске по скользкому и обрывистому склону, они вряд ли устоят на ногах. Если они начнут скользить и падать, мне придется резким рывком ставить их на ноги. Но у меня не было желания тоже обвязаться веревкой вокруг пояса, как делают альпинисты. Если бы кто-то из них сделал шаг в сторону в темноте, они увлекли бы меня за собой в пропасть.

— Спасибо вам, Сьюзан,— сказал я.— Вы очень мне помогли. Не принимайте больше снотворного сегодня — им может показаться чертовски странным, если вы безмятежно проспите до полудня.

— Я, наверное, могла бы проспать и до послезавтра. Я не подведу вас, мистер Калверт. Все будет хорошо, правда?

— Конечно.

— Вы ведь могли бы столкнуть этих двоих с обрыва, если бы захотели, да? — спросила она после паузы.— Но вы не сделали этого. Вы могли бы порезать руку Гарри, а порезали свою. Я прошу у вас прощения за мои слова, мистер Калверт. За то, что назвала вас злым и ужасным.— Еще пауза.— Я думаю, вы замечательный.

— Они все получат по заслугам,— сказал я. Но я разговаривал сам с собой — она уже исчезла в тумане. Хотел бы я разделять ее чувства, но я вовсе не чувствовал себя замечательным, я чувствовал лишь смертельную усталость и беспокойство, потому что даже самые лучшие в мире планы — это нечто воображаемое, я не поставил бы и гроша ломаного за то, что они сбудутся. Но я запретил себе беспокоиться и сомневаться в успехе и поднял на ноги своих пленников.

Мы медленно спускались по предательски скользкому склону, я шел последним, держа в левой руке фонарь, а в правой крепко — но не слишком крепко,— зажал конец каната. Пока мы спускались, я рассеянно размышлял о том, почему же я не порезал руку Гарри вместо своей. Это было бы очень забавно, кровь Гарри на его же собственном штыке.

— Надеюсь, прогулка была приятной? — любезно спросил Хатчинсон.

— Скучной она не была. Вам бы понравилось.— Я разглядывал Хатчинсона, пока он вел «Файркрест» сквозь мрак и туман.— Куда теперь?

— А дядюшка Артур не сказал?

— Плохо вы думаете о дядюшке Артуре. Он сказал, что никогда не вмешивается в... как это? В проведение боевой операции. «Я планирую,— сказал он.— Я координирую, Калверт же заканчивает дело».

— Временами он бывает скромен,— признал я.

— Он рассказал мне несколько историй о вас. Думаю, что это большая честь — быть с вами.

— Конечно, если не считать четырехсот тысяч фунтов стерлингов или около того.

— Если не считать, как вы выражаетесь, что я тут в роли смотрителя площадки для гольфа. Так куда, Калверт?

— Домой. Если вам удастся его найти.

— Крэйгмор? Его я найду.— Он пыхнул сигарой и поднес ее кончик к глазам.— Думаю, пора ее выбросить. Она уже стала такой короткой, что я не вижу окон рулевой рубки. Дядюшка Артур, видимо, отдыхает?

— Дядюшка Артур допрашивает пленных.

— Не думаю, что он многого добьется.

— Я бы тоже не добился. Им и так несладко пришлось.

— Ну да, это был довольно опасный прыжок, с пирса на палубу. Особенно, когда палуба болтается вверх-вниз, как сегодня. И уж совсем страшно, когда руки связаны за спиной.

— Одна сломанная лодыжка и одно предплечье,— сказал я.— Могло быть и хуже. Они могли вообще не попасть на палубу.

— Это вы верно заметили,— согласился Хатчинсон. Он высунул голову в боковое окно рубки и тут же втянул ее обратно.— Дело не в сигарете,— объявил он.— Видимость ноль, мы идем вслепую, по приборам. Можете даже зажечь свет в рубке. Это поможет читать карту и смотреть на глубиномер и компас, а работе радара совсем не помешает.— Чего это вы вырядились в этот клоунский наряд?

— Это халат,— пояснил я.— У меня было три костюма и все три вымокли и порвались... С удачей, сэр? — В рубке появился дядюшка Артур.

— Один потерял сознание.— Дядюшка Артур был недоволен собой.— Второй стонет так громко, что не слышит моих вопросов. Ну, Калверт, рассказывайте.

— Рассказывать, сэр? Но я собирался идти спать. Я ведь вам уже все рассказал.

— Полдюжины отрывистых фраз, которые я не мог расслышать сквозь этот кошачий концерт,— холодно сказал он.— Мне нужен полный отчет, Калверт.

— Я чувствую себя очень слабым, сэр.

— Не помню такого дня, чтобы вы не чувствовали себя слабым, Калверт. Вы знаете, где находятся виски.

Хатчинсон деликатно кашлянул:

— Если адмирал позволит...

— Конечно, конечно,— сказал дядюшка Артур совсем другим тоном.— Конечно, мой мальчик.— Мальчик был на добрый фут выше дядюшки Артура.— И раз уж вы пошли за виски, Калверт, принесите и мне тоже, обычную порцию.

Иногда он бывает просто отвратителен, этот дядюшка Артур.

Пятью минутами позже я пожелал доброй ночи. Дядюшка Артур был не очень доволен, он был уверен, что я выпустил некоторые существенные подробности, но я устал, как старухи с косой после Хиросимы. Я заглянул к Шарлотте Скурос, она спала как убитая. Но не больше минуты потребовалось мне, чтобы растолкать Шарлотту, когда мы сверхъестественным образом оказались под защитой Крэйгморской гавани. Я велел ей одеться — коварная уловка, которая должна была показаться ей, что я не знаю, что она спит одетой,— и сошел на берег. Пятнадцать минут спустя мы были уже в доме Хатчинсона, а еще через пятнадцать минут мы с дядюшкой Артуром наложили крепкие шины на переломы наших пленников и заперли их в комнате, куда не проникал даже свет звезд и выбраться из которой Гудини не смог бы за всю свою жизнь. И я наконец оказался в постели в другой крошечной комнате, которая, очевидно, была спальней председателя художественного совета Крэйгморской картинной галереи, поскольку для себя он отобрал лучшие образцы. Вдруг открылась дверь и вспыхнул свет. Я открыл свои усталые глаза и увидел на пороге Шарлотту Скурос.

— Уйдите,— сказал я.— Я сплю.

— Разрешите мне войти,— попросила она. Она обвела взглядом картинную галерею, и губы ее дрогнули, что могло быть рождением улыбки.— Я думала, после такой ночи вы побоитесь спать без света.

— Простите, я устал. Ничего не могу поделать. Я не лучшим образом готов к визиту дамы посреди ночи.

— В соседней комнате дядюшка Артур. Вы всегда можете позвать на помощь, если захотите.— Она посмотрела на изъеденное молью кресло.— Можно я сяду?

Она села. Она все еще была одета в неизменное белое платье, волосы ее были аккуратно причесаны, но это все, что можно было о ней сказать. Она еще пыталась шутить, но веселья не было в ее улыбке, в ее глазах. Эти карие, мудрые, всепонимающие глаза, глаза, которые знали все о жизни, о любви, о радости, глаза, которые когда-то сделали ее самой популярной актрисой своего времени, теперь выражали только горечь и отчаяние. И страх.

— Вы мне не доверяете, Филип.— решительно сказала она.

— С чего вы это взяли? Почему бы мне вам не доверять?

— Это вы уж сами скажите. Вы уклоняетесь и не отвечаете на мои вопросы, а я достаточно хорошо знаю мужчин, чтобы понимать, что ваши ответы — это те ответы, которые вы хотите дать, но не те, которые я бы хотела получить. Почему так, Филип?

— Так вы решили, что я не говорю вам правды? Я думаю, что иногда говорил даже слишком много, так много, что случайно мог и солгать. Строго в интересах дела, конечно.— Я либо уже сделал это, либо собирался сделать — в ее же собственных интересах, разумеется.— Я не стал бы лгать таким людям, как вы.

— Вы удивились, когда я пришла, правда?

— Нет. Вы же говорили мне: вы хотите, чтоб я рассказал вам историю. Особенно начало и конец истории.

Она кивнула.

— Когда я начинала играть на сцене, мне давали очень маленькие роли, но я всегда знала пьесу наизусть. А теперь я не знаю пьесы. Я вышла на три минуты во втором акте, но я понятия не имела, что происходило в первом. Теперь я выхожу на сцену в четвертом акте, не зная, что происходило между вторым и четвертым. Я не могу представить, чем все это кончится! — Она всплеснула руками.— Вы не можете себе представить, как это убийственно для женщины!

— Вы и в самом деле не имеете понятия, как все началось?

— Я прошу вас поверить мне.

Я ей поверил. Поверил, потому что на сей раз она говорила правду.

— Пойдите в гостиную и принесите мне, как они выражаются, освежающего,— сказал я.— Я слабею с каждым часом.

Она послушно встала, вышла в гостиную и принесла мне освежающее, которое дало мне силы, чтобы рассказать ей все, что она хотела узнать.

— Я думаю, что главным организатором и мозгом всего предприятия был Лаворски,— сказал я.— Лаворски, видимо, первый понял, что империя Скуроса остро нуждается в переливании крови — то есть в крупной сумме денег, и он догадался, как добыть ее, используя те средства, какими они располагали.

— Но мой муж никогда не испытывал недостатка в деньгах,— сказала Шарлотта.— У него всегда было все самое лучшее: яхты, автомобили, дома...

— В этом смысле он, конечно, не испытывал недостатка. Так же, как все эти миллионеры, что выпрыгивают из окон своих небоскребов после крушения на бирже. Не спорьте, мадам, вы просто ничего не знаете о большом бизнесе.— Для человека, который живет на нищенское жалованье, это прозвучало весьма неплохо.— Лаворски подал идею заняться пиратством в крупных масштабах — брать лишь корабли с грузом не менее чем на миллион фунтов.

Она смотрела на меня, открыв рот от удивления. Хотел бы я иметь такие зубы,— вместо тех, которые выбиты врагами дядюшки Артура за последние годы. Дядюшка Артур, со злобой подумал я, он ведь на двадцать пять лет старше меня, и он еще стонет из-за того, что уже лишился первого зуба. Она прошептала:

— Вы все это придумали.

— Лаворски все это придумал. Я уже говорил вам, что у меня ума бы не хватило придумать такое. Придумав столь великолепный план добычи денег, они столкнулись с тремя проблемами, как узнать, когда и куда будут отправляться большие партии ценных грузов, как захватить эти корабли и где их спрятать, пока удастся вскрыть сейфы — чтобы вскрыть современный сейф, какими снабжают корабли, может потребоваться не менее суток.

Проблему номер один решить нетрудно. Я не сомневаюсь, что они могли подкупить несколько высокопоставленных банковых служащих —

наверняка именно для этого они приглашали на «Шангри-Ла» Жюля Бискарта. Помните, этот бородатый парень — он владелец крупного коммерческого банка. Но, по-моему, он почуял, куда дует ветер, и ему это не понравилось. Я не думаю, что мы сможем привлечь к ответственности тех, кто согласился поставлять информацию, но мы сможем арестовать и предать суду их главного информатора, их козырную карту — нашего доброго друга, маклера с орденской лентой, лорда Чернли. Чтобы действовать наверняка, пиратам был нужен контакт со страховым обществом Ллойда. С кем-нибудь, кто служит у Ллойда. С кем-нибудь вроде лорда Чернли. Он по профессии — морской страховой агент. Да перестаньте вы смотреть на меня так, будто я вызываю у вас отвращение... Большая часть ценных морских грузов страхуется у Ллойда. Чернли мог знать хотя бы о части из них. Он узнавал стоимость, фирму или банк назначения и по возможности дату отправления и название корабля.

— Но лорд Чернли состоятельный человек,— сказала она.

— Лорд Чернли изображал состоятельного человека,— поправил я.— Имея титул, он должен был доказывать свою состоятельность, чтобы оставаться членом аристократических клубов, но это не мешало ему ставить на ненадежных лошадей или играть на бирже. Он либо нуждался в деньгах, либо их требовалось ему все больше и больше. У него их могло быть достаточно, но деньги как алкоголь: чем больше получаешь, тем больше в них нуждаешься.

Дольман решил проблему номер два: захват судов. Не думаю, что это потребовало большого напряжения сил. Корабли вашего мужа доставляют нефть иногда в очень странные и опасные места, поэтому и плавают на них весьма странные и опасные люди. Дольману не нужно было самому набирать команду; он дал указания нашему другу капитану Имри, человеку с весьма интересным прошлым, и позволил тому прочесать весь флот Скуроса и отобрать подходящих людей. Когда команда для захвата была подготовлена, оставалось только дождаться, пока жертва появится в водах Хайленда, отправить вас с горничной в отель, посадить этих парней на «Шангри-Ла» и при помощи одной из множества уловок, о которых я могу вам рассказать позднее, проникнуть на корабль с грузом и захватить его. Затем на «Шангри-Ла» перевозили захваченный экипаж на берег, в то время как новая команда вела судно в условленное потайное место...

— Этого не может быть, не может быть,— прошептала она. Мне еще не доводилось видеть, как женщины ломают руки, но Шарлотта Скурос продемонстрировала мне это. В лице у нее не было ни кровинки. Она знала, что я говорю правду, и ничего подобного ей прежде слышать не приходилось.— В потайное место, Филип? Какое потайное место?

— Где бы вы спрятали корабль, Шарлотта?

— Откуда мне знать? — Она тяжело вздохнула.— Ночью у меня голова совсем не соображает. Где-нибудь в Арктике, должно быть, или в отдаленном норвежском фиорде, или на необитаемом острове. Корабль слишком большая вещь.

— Таких мест сколько угодно. Вы можете спрятать корабль практически в любом месте земного шара. Все что требуется — это открыть кингстоны и перепускной клапан в машинном отделении да выбить пару заглушек.

— Вы хотите сказать...

— Именно это. Надо отправить корабль на дно. К югу от Даб-Сгейра есть такое милое местечко — Бойлнан-Уам — Пасть могилы. Очень подходящее имя. И место тоже вполне подходящее.

Она не захотела слушать дальше:

— Даб-Сгейр? Но... но ведь там замок лорда Кирксайда.

— Никаких «но». Не «но», а потому, что там замок лорда Кирксайда. Именно поэтому укромное местечко было выбрано вашим мужем или кто-то выбрал за него — с его помощью.

— Укромное место было выбрано вашим мужем, или кто-то выбрал его, а остальное устроил через него. До недавнего времени я не знал, что ваш муж давний собутыльник лорда Кирксайда. Вчера я видел его, но он не пожелал со мной разговаривать. Ни он, ни его очаровательная дочь?

— А она-то здесь при чем?

— Каким образом эта троица получила согласие лорда Кирксайда на участие в их проделках, как вы думаете?

— Деньги. Взятка.

Я покачал головой.

— Лорд Кирксайд, кроме того, что хайлендер, еще и джентльмен. Это довольно сильное сочетание. У старины Скуроса никогда не наберется столько денег, сколько надо на подкуп лорда Кирксайда,— чтобы заставить того хотя бы провезти в автобусе неоплаченный багаж. Впрочем, это неудачный пример. Лорд Кирксайд не обратит внимания на автобус, даже если тот по нему проедет. Я просто хочу сказать, что он неподкупен. Поэтому наши милые друзья похитили старшего сына Кирксайда — младший живет в Австралии — и чтобы иметь уверенность, что Сьюзан Кирксайд не выкинет какой-нибудь глупости, похитили еще ее жениха. Их считают погибшими.

— Нет, нет,— шептала она. Она зажимала рот ладонями, голос ее дрожал.— О боже, нет!

— О боже, да. Это логично и очень эффективно. Они заодно похитили сыновей сержанта Мак-Дональда и жену Дональда Мак-Ичерна — по тем же причинам. Чтобы купить молчание и сотрудничество.

— Все сходится, становятся понятны многие вещи и понятны до конца. Но что хорошего в том, что теперь все понятно? Они за вами охотятся, они знают, что вы про них все знаете, что вы подозреваете Лох-Гурон. Они бросят все...

— Откуда они знают, что мы подозреваем Лох-Гурон?

— Дядюшка Артур сказал мне это в рулевой рубке вчера вечером.— В ее голосе слышалось удивление.— Вы разве не помните?

Я не помнил. Я вспомнил только теперь. Вот что значит быть полумертвым от недосыпания. Глупое замечание. Замечание, способное выдать меня с головой. Хорошо, что дядюшка Артур его не слышит.

— Калверт, видимо, уже миновал зенит своего расцвета,— сказал я.— Впадаю в маразм. Конечно, они уйдут. Но не раньше чем через сорок восемь часов. Они уверены, что у них достаточно времени — прошло только восемь часов с тех пор, как Мак-Дональду было велено внушить им, что мы отправились на материк за помощью.

— Понятно, — уныло сказала она.— А что вы делали в Даб-Сгейре, Филип?

— Не многое, но этого хватило.— Еще одна невинная ложь.— Хватило, чтобы подтвердить мои последние подозрения. Я плавал на берег, в маленькую гавань и нашел еще вход в эллинг. Это и в самом деле эллинг, только изнутри он в три раза больше, чем кажется снаружи. И еще там есть оборудование для подводных работ.

— Оборудование для подводных работ?

— Черт побери, неужели вы так же непонятливы, как и я? Скажите на милость, как они достают сокровища с затопленных судов? Они пользуются водолазным ботом, а Даб-Сгейр служит для него базой.

— Это все-все, что вы нашли?

— А больше мне нечего было там искать. Я только собирался осмотреться в замке — внутри утеса прорублена лестница, ведущая из эллинга в замок,— но примерно посредине лестницы сидел какой-то тип с винтовкой в руках. Он, правда, прикладывался к бутылке, но, несмотря на это, смотрел в оба. Я бы не смог и на сотню шагов подойти к нему, он сделал бы из меня решето. Я ушел.

— О боже,— прошептала она.— Какой ужас. И у вас нет радио, вы отрезаны от всего мира. Что мы будем делать? Что вы собираетесь делать, Филип?

— Я собираюсь пойти туда на «Файркресте» сегодня ночью, вот что я собираюсь сделать. В салоне под диваном у меня спрятан автомат, а дядюшка Артур и Хатчинсон получат по пистолету. Мы их захватим. Времени у них в обрез, они должны уйти самое позднее завтра. Ворота эллинга неплотно пригнаны, если мы увидим свет сквозь щели, значит, они еще не кончили свои подводные работы. Мы подождем, пока они закончат,

н войдем. Мы издалека заметим свет, когда они откроют ворота, чтобы впустить водолазный бот.

Неожиданность — это все. Мы захватим их врасплох. Автоматическое оружие в закрытом пространстве — страшное оружие.

— Вас убьют, вас убьют! — Она подошла и села на край постели. Ее распахнутые глаза выражали ужас.— Прошу вас, Филип! Пожалуйста, не надо. Говорю вам, вас убьют. Умоляю вас, не делайте этого.— Она и в самом деле была уверена, что меня убьют.

— Я должен, Шарлотта. Время уходит. Другого пути нет.

— Пожалуйста.— Карие глаза наполнились слезами. Вот этому я уже не мог поверить.— Пожалуйста, Филип. Ради меня.

— Нет.— Слеза упала прямо на край моих губ, она была солона, как морская вода.— Все что хотите, только не это.

Она медленно поднялась на ноги, по щекам ее катились слезы.

— Это самый сумасшедший план из всех, что мне приходилось слышать в жизни,— печально сказала она и ушла, выключив свет.

Я лежал, уставившись в темноту. В том, что сказала леди, было чертовски много смысла. Это и есть, подумал я, самый сумасшедший план из всех, что мне доводилось слышать в своей жизни. И я был до чертиков рад, что не должен был его исполнять.

Глава десятая

ЧЕТВЕРГ, ПОЛДЕНЬ — ПЯТНИЦА, РАССВЕТ.

— Дайте мне поспать,— простонал я, не открывая глаз.— Я мертвый человек.

— Вставайте, вставайте! — Еще один крепкий толчок — будто не рукой, а поршнем паровой машины.— Подъем!

— О господи! — я приоткрыл один глаз.— Который час?

— Ровно полдень. Вам нельзя больше спать, Калверт.

— Полдень?! Я просил разбудить меня в пять. Да знаете вы...

— Идите сюда.— Он отошел к окну, я медленно опустил ноги с кровати и последовал за ним. Хатчинсон кивнул в сторону окна: — Что вы думаете об этом?

Я уставился в серый непроницаемый мир за окном.

— Что я там должен увидеть, кроме чертова тумана?

— Туман.

— Вижу,— сказал я с идиотским выражением.— Это туман.

— Я слушал новости для тех, кто в море, в два часа ночи. Они обещали, что туман на рассвете рассеется. Однако чертов туман и не думает рассеиваться.

Зато рассеялся туман в моих сонных мозгах. Они потопили «Нантсвилл» в ночь с понедельника на вторник, однако у них не было возможности начать работу ни в ту ночь, ни в следующую: ветер был достаточно свежий в бухте Торбея, один бог знает, что вытворял шторм вблизи Бойл-нан-Уам. Однако они могли начать работы прошедшей ночью, они н а ч а л и работы этой ночью, потому что водолазного бота не было в эллинге Даб-Сгейра. Бронированная камера на «Нантсвилле» старого образца, как утверждают владельцы судна, можно вскрыть ее автогеном за пару часов. За прошлую ночь, работая втроем без перерыва, они могли поднять на поверхность довольно много золота — но черт побери меня совсем, если они могли поднять все. Все восемнадцать тонн. Я занимался подъемом затонувших кораблей до того, как меня нанял дядюшка Артур, так что я представляю, сколько там работы. Им нужна была еще одна ночь, чтобы закончить. Они должны были дождаться захода солнца, чтобы мы не обнаружили их. Но с таким же успехом они могли работать и в такой туман, как сейчас. Это куда лучше, чем дожидаться ночи.

— Дайте знать дядюшке Артуру. Скажите, что мы выходим. На «Файркресте».

— Он тоже захочет пойти.

— Он захочет остаться. Он знает, черт побери, что должен остаться. Скажите ему: Бойл-нан-Уам.

— Разве не Даб-Сгейр?

— Вы же з н а е т е, что мы не можем пойти туда до полуночи.

— Я забыл,— медленно проговорил Хатчинсон.— Мы не можем пойти туда до полуночи.

Бойл-нан-Уам не заботился об упрочении своей жуткой репутации. Нынче в полдень вода тут была неподвижна, и только легкая зыбь набегала с юго-запада. Мы перевели дизель на подводный выхлоп, и даже в рулевой рубке почти не слышен был мерный рокот нашего двигателя. Даже если открыть дверь рубки, звук не становился намного слышнее. Но мы держали дверь рубки открытой не для того, чтобы прислушиваться к собственному двигателю.

Тим Хатчинсон внимательно следил за показаниями глубиномера.

— Вы уверены, что нам нужно идти вдоль этого выступа с глубиной четырнадцать саженей, Калверт?

— Уверен. Нам нужна именно эта глубина. На отметке семь саженей здесь прекрасное ровное дно, по семи саженей мало, чтобы скрыть надстройки и мачты сухогруза. От семи до четырнадцати саженей идет резкий спуск. А после четырнадцати — обрыв, и там уже везде тридцать пять саженей. Чтобы работать на такой глубине нужно специальное оборудование.

— Уж больно узкий этот выступ,— проворчал он.— Меньше кабельтова. Надо ухитриться точно уложить корабль на дно и не промазать...

Хатчинсон перевел ручку газа на нейтраль и вышел на палубу. Мы дрейфовали сквозь опаловую гущу тумана. Тихое урчание дизеля только подчеркивало мертвую тишину вокруг. Хатчинсон вернулся в рубку.

— Боюсь, что вы правы. Я слышу звук мотора.

Я прислушался — и вскоре различил отчетливый звук работающего компрессора.

— Чего же вы боитесь?

— Сами знаете — чего.— Он чуть двинул вперед рукоять газа и повернул штурвал на четверть оборота. Мы медленно двинулись по дуге в сторону больших глубин.— Вы собираетесь спускаться туда.

— Вы думаете, я рехнулся? Думаете, я х о ч у лезть туда? Меньше всего я хотел бы туда спускаться, черт побери,— и вы прекрасно знаете, черт вас возьми, что я должен спускаться!

— Половину, Калверт. Возьмите половину нашего вознаграждения, бога ради, мы ведь ни черта не делаем.

— Можете поставить мне пинту в отеле «Колумбия». Ваше дело держать это корыто там, где я высажусь. Мне вовсе не улыбается до конца моих дней болтаться в Атлантике, когда я вернусь с «Нантсвилла».

Он посмотрел на меня так, словно хотел сказать: «если» вернешься, а не «когда». Но вместо этого сказал:

— До них примерно кабельтов.

— Около того. Трудно определить в тумане.

— Бросайте якорь.

Я бросил якорь. Не наш, обычный, на цепи, а небольшой, на канате длиной в сорок саженей. Потом вернулся в рулевую рубку и надел акваланг.

— Не забудьте,— сказал Хатчинсон,— когда поднимететесь на поверхность, просто дрейфуйте по течению, и оно само принесет вас сюда. Я оставлю дизель работать на малых оборотах, чтобы вы могли услышать подводный выхлоп за двадцать ярдов. Надеюсь, этот чертов туман не рассеется. Иначе вам придется плыть до Даб-Сгейра.

— Это было бы п р е л е с т н о. А что будет с вами, если туман рассеется?

— Обрублю канат и дам деру.

— А если они погонятся за вами?

— За мной? Каким образом? Бросив двух или трех мертвых водолазов на «Нантсвилле»?

— Видит бог,— сказал я с раздражением,— вам не следовало бы говорить о мертвых водолазах на «Нантсвилле»!

На борту «Нантсвилла» было три водолаза — живых, а не мертвых, и работали они как черти. Как могли бы работать черти под таким давлением, на такой глубине.

Стальной канат подъемника, который служил мне путеводной нитью в недра «Нантсвилла», заканчивался стальным кольцом с четырьмя цепями, прикрепленными к четырем углам корзины из стальной сетки. Два водолаза нагружали корзину небольшими стальными ящичками, которые они вытаскивали из люка на веревках —

прнмерио по одиому ящику в минуту. Ящики были небольшие, ио тяжелые: в каждом было по четыре 28-фунтовых золотых слитка. Каждый ящик — целое состояние. И на борту «Нантсвилла» таких состояний было триста шестьдесят.

Я попробовал прикииуть скорость разгрузки. В корзину входит шестнадцать ящичков. Шестнадцать минут иа погрузку. Еще десять — чтобы поднять корзииу, выгрузить и спустить обратно. Скажем, сорок штук в час. За полтора часа — шестьдесят. После полутора часов работы они должны смеиить водолазов. Сорок мииут, включая две остаиовки для декомпрессии — по двеиадцать н двадцать четыре минуты — плюс время на переодевание н спуск. Пусть будет час. Значит, они будут выгружать по шестьдесят ящиков за каждые два с половиной часа. Двадцать четыре ящика в час — но кто скажет мие, сколько нх еще осталось в бронированной камере «Нантсвнлла»?

Трос подъемника дернулся, полная корзина иачала подниматься. Водолазы сопровождали ее, придержнвая на цепях, чтобы оиа не цеплялась за надстройку. Я иачал спускаться в люк. Внизу и справа от меня я вдруг увидел луч света. Луч двигался, потому что шел от фонаря на шлеме третьего водолаза. Водолаз был в бронированиой камере.

Оии не стали подбирать ключ к сейфу. Они просто вырезали автогеном кусок броиевой обшивки, примерио шесть футов иа четыре. Я приблизился к проему н заглянул виутрь. Там было достаточно света помимо фонаря водолаза. Мне хватило пяти секунд, чтобы сосчитать оставшиеся слитки. От трехсот шестидесяти ящиков осталось примерно сто двадцать.

Что-то вдруг коснулось моего запястья. Я глянул вниз и увидел линь — иейлоиовый линь, который тяиул к себе водолаз, чтобы привязать к ручке очередного ящичка. Я быстро убрал руку.

Он стоял спиной ко мне. Ои был заият привязыванием лииня, ио ои покончил с этим двумя быстрымн движениямн и выхватнл нож из иожеи на поясе. Я пытался понять, зачем ему нож. Нож был предиазиачен для меия. Возможио, ои повернул голову и краем глаза увидел меия. Или почувствовал иатяженне линия. Или его шестое чувство работало лучше моего. И даже в тяжелом водолазном костюме ои двигался слишком быстро для меия. Он был уже в четырех футах от меня, а я все еще торчал на месте: после всех этих приключеиий реакция у меия стала как у мешка с цементом.

Шестидюймовое лезвие ножа блестело в его подиятой руке, но бог зиает, зачем ему понадобился иож. Он бы и без ножа справился с двумя такими, как я. Потому что это был Квинн.

Я смотрел прямо ему в лицо с каким-то парализующим любопытством. Я видел его лицо, видел, как он затылком иажимает иа клапаи, чтобы стравить лишний воздух, я ждал, что ои иажмет подбородком кнопку телефона. Но он и ие думал этого делать: Квиии никогда ие просил о помощи н теперь ои тоже в помощи ие нуждался. На губах его играла усмешка. Маска скрывала мое лицо, но он знал, что имеет дело нменно со миой. Он медлеино двнгался вперед, готовясь к броску.

Секунды замешательства истекли. Я двинулся иазад, прочь от бронированной камеры. Вдруг я наткнулся на воздушный шланг, тянувшийся к шлему Квинна, схватил его и потянул вниз, налегая всей тяжестью, чтобы лишить Квинна равновесия. Остро отточенное лезвие пропороло мой скафандр от иижиего ребра до правого плеча. Я сильнее дернул шланг. И тут я потерял Квинна из виду — он исчез в облаке блестящих воздушиых пузырьков. Шланг, выдержнвающий чудовищное давление морских глубин, не мог выдержать встречи с лезвием отточеииого как бритва ножа, потому что иож был в руке самого сильного человека, которого я когда-либо знал. Квинн перерезал собствеиный воздушных шланг, и теперь иикакие силы в мире не могли его спасти. Надеюсь, когда сообщники вернутся и обнаружат его, они решат, что произошел иесчастный случай, что Квинн запутался и случайио перерезал шлаиг, пытаясь освободиться.

Я сделал так, как Хатчинсон советовал мие, предоставил течению доставить меня на «Файркрест» — н возвращение не составило мне труда. Хатчинсон помог мне вскарабкаться иа палубу, н помощь его была весьма кстати.

— Рад тебя видеть, братец! — сказал он.— Вот уж не думал, что придет деиь, когда Тим Хатчиисон будет тысячу раз умирать от страха, однако этот деиь пришел.— Как обстоят дела?

— Нормальио. У иас есть время. Еще пять нли шесть часов.

— Пойду вытащу якорь.

Трн минуты спустя мы легли на обратный курс. Я без сил сидел на койке, пытаясь иаскоро забинтовать глубокую рану, тянущуюся от нижнего ребра до плеча. Вошел Хатчинсон. Я не видел его лица, но его застывшая фигура была весьма красноречива.

— Что случилось, Калверт?

— Квинн. Я встретил его в бронированной камере.

Он подошел н молча стал помогать мие накладывать повязку.

— Квинн умер,— утвердительно произнес ои.

— Квинн умер. Он перерезал собственный воздушный шланг.

Я рассказал все, что случилось, и ои иичего ие ответил. Он не произнес и дюжины слов на обратном пути до Крейгмора. Я знаю, он ие поверил мне. Знаю, он иикогда не поверит.

И дядюшка Артур тоже. Он до коица дней своих не поверит мие. Но его реакция весьма отличалась от реакции Хатчинсона — его лицо выражало профессиональное удовлетворение.

— Не прошло и двадцати четырех часов,— торжественно заявил ои за чаем,— с тех пор, как я приказал Калверту найти и обезвредить этого типа любым способом, какой он сочтет иужным. Должен прнзнаться, что не думал, что этот способ будет именно таким: нож и воздушный шланг. Хороший удар, мой мальчик, очень точный удар!

Шарлотта Скурос поверила мне. Не знаю почему, но она мне поверила. Пока она сдирала времениую повязку н накладывала новую, я рассказал ей все. И она поверила мие и не задавала никаких вопросов, а когда я поблагодарил ее за повязку н за доверие — она улыбнулась мне.

Шесть часов спустя, за двадцать минут до одиннадцати вечера — крайний срок иашего выхода на «Файркресте» — Шарлотта смотрела на меня, как обычно смотрят женщины, которые что-то задумали и не могут решиться на исполнение: отнюдь не ласковым взглядом.

— Простите, Шарлотта,— сказал я.— Мие искренне жаль, но ничего не выйдет. Вы не пойдете с нами.— Она была одета в черные брюки и свитер — самая подходящая одежда, чтобы идти нли намереваться идти с нами на полуночную увеселительную прогулку.— Мы собираемся не на пикник на Темзе. Вспомните, что вы сами говорили утром. Там будут стрелять. Вы думаете, мне хочется видеть, как вас убьют?

— Я останусь внизу,— настаивала оиа.— Я буду очень осторожна. Пожалуйста, Филипп, разрешите мне пойти с вами.

— Нет.

— Вы говорили, что готовы ради меня на все. Помните?

— Это нечестно, н вы это знаете. Все, чтобы помочь вам, я имел в виду. А не то, что приведет к вашей смерти. Пусть убьют кого угодно, только не вас.

— Кого угодно? Вы так ко мне относитесь?

Я кивнул.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, ее глаза удивленно расширились, губы зашевелились, словно она силилась что-то сказать н не могла.

Туман к тому времени поредел, видимость была ие менее ста ярдов. Я посмотрел на светлую Т-образную щель, образовавшуюся в том месте, где створки ворот эллинга неплотно прнмыкали друг к другу и чуть-чуть не доставали до крыши постройки.

— Сейчас,— сказал я н повернулся к Хатчинсону.— Ширина корпуса у иас пятнадцать футов. Ворота не шире двадцати. Тут нет ни бакена, ни какой-либо отметки. Кроме того, скорость приливного течения четыре узла. Вы в самом деле рассчитываете провести судно в этот проход доста-

точно быстро, чтобы снести ворота, и не посадить нас по пути на камни?

— Другого пути все равно нет.

Со стороны это, видимо, походило на все что угодно, только не на спокойное вхождение. Хотя ворота были не заперты, створки все же соскочили с петель, и мы появились в проломе среди обломков. При этом скорость снизилась на один узел. Алюминиевая носовая мачта с любимой телескопической антенной дядюшки Артура вспорола обшивку ворот, прежде чем саму ее срезало с неприятным металлическим скрежетом как раз на уровне рулевой рубки. Это стоило еще одного узла. Еще на один узел снизил скорость винт, отрабатывающий полный назад, но все же мы двигались слишком быстро до тех пор, пока скрежет, хруст дерева — частично нашей обшивки, но большей частью ворот,— и визг резиновых шин, густо навешенных на носу, не прекратился, и мы со страшным ударом не остановились, зажатые между водолазным ботом и левой стенкой эллинга. Дядюшка Артур был, должно быть, в весьма растрепанных чувствах — так же, как и обшивка его возлюбленного «Файркреста». Хатчинсон дал малый вперед, чтобы удерживать судно в заклиненном положении, и включил прожектор — не столько для того, чтобы освещать и без того ярко освещенную внутренность эллинга, сколько для того, чтобы ослепить свидетелей нашего вторжения.

Перед нами была, как пишут в книгах о путешествиях, сцена торопливых сборов; точнее, ее можно было бы назвать так, если бы все участники не застыли, как парализованные, в том положении, в каком мы их застали. Справа от нас, совсем рядом, три физиономии пялились на нас из люка трюма водолазного бота — это было обычное сорокопятифутовое рыбацкое судно с дизельным двигателем, примерно того же класса, что и «Шармаи». Двое на палубе судна застыли, держа на весу ящик. Еще двое стояли на причале, один поднял руки над головой, принимая другой ящик, который раскачивался на крюке кранбалки. Это ящик был единственным предметом в эллинге, который продолжал двигаться. Кранбалкой управлял человек, удивительно похожий на Томаса, поддельного таможенника — он застыл, как житель Помпеи, засыпанный пеплом Везувия двадцать столетий назад, и оставшийся в этой позе навеки. Другие, согнувшись, стояли на причале, держа канат, привязанный к очень тяжелому ящику, который двое аквалангистов поддерживали в воде. Они были удивительно однообразны в своих привычках прятать концы в воду. Слева стоял капитан Имри — он, видимо, наблюдал за работами; за ним стояли Лаворски и Дольман. Это был большой день, кульминация всей их деятельности.

Имри, Лаворски и Дольмана я взял на себя. Я двинулся вперед, фиксируя взглядом мушку автомата и стараясь, чтобы эти трое видели, что автомат наведен на них.

— Подойдите ближе,— сказал я.— Да, вы трое. Капитан Имри, скажите своим людям... Скажите им, что если они попытаются что-нибудь предпринять, я сразу пристрелю вас троих. Я уже убил четверых ваших. Почему бы мне не удвоить это число, а? По новому закону вы получите лет по пятнадцать. Слишком мало для таких гнусных убийц. Я бы пристрелил вас прямо здесь. Вы верите мне, капитан Имри?

— Я верю вам,— картавый голос был низким и мрачным.

— Сейчас вы подниметесь на борт нашего судна по одному,— сказал я.— В данной ситуации вы, капитан Имри, несомненно опаснее остальных. После вас Лаворски, затем...

— Не двигайтесь, пожалуйста. Совсем не двигайтесь.— Голос, прозвучавший сзади, был лишен всякого выражения, но ствол пистолета, который уперся мне в спину, был достаточно выразителен сам по себе, трудно было ошибиться.— Хорошо. Идите вперед и уберите правую руку с автомата.

Я шагнул вперед и снял правую руку со спускового крючка автомата. Теперь я держал оружие левой рукой за цевье.

— Положите автомат на палубу.

Я, естественно, не хотел, чтобы меня превратили в решето, поэтому я положил. Меня уже брали таким образом раз или два, и, чтобы показать, что они имеют дело с профессионалом, я поднял руки и медленно обернулся.

— Шарлотта Скурос! — воскликнул я. Как действовать дальше, я тоже знал; корректный тон разоблаченного агента, шутливый, но с примесью горечи.— Рад вас видеть. Благодарю вас, моя дорогая.— Она была в том же свитере и широких черных брюках, но теперь они не были в таком порядке, как при нашей разлуке. Они были совершенно мокрыми. Ее лицо было мертвенно бледным и лишенным выражения. Карие глаза смотрели безразлично.— Как вы оказались здесь, скажите ради бога?

— Я бежала через окно спальни и приплыла на судно. Я пряталась в кормовой каюте.

— Неужели? Почему же вы не переоделись в сухую одежду?

Она игнорировала мое замечание.

— Выключите прожектор,— сказала она Хатчинсону.

— Делайте, что говорит леди,— посоветовал я.

Он сделал, как сказала леди. Свет погас, и мы стали хорошо видны людям на берегу.

— Выбросьте пистолет за борт, адмирал,— сказал Имри.

— Делайте, как говорит джентльмен,— сказал я.

Дядюшка Артур бросил пистолет за борт. Капитан Имри и Лаворски уверенно подошли к нам. Они могли позволить себе быть уверенными, поскольку двое в рулевой рубке водолазного бота и крановщик уже держали пистолеты в руках. Я посмотрел на эту демонстрацию силы и сказал медленно:

— Вы ждали нас.

— Конечно, мы ждали вас,— доверительно сказал Лаворски.— Наша дорогая Шарлотта назвала точное время вашего прибытия.

— Миссис Скурос нанесла точный удар,— сказал я.

— Она была приманкой,— весело сказал Лаворски. Я не был обманут этим весельем, он был на грани истерики, готовясь вздернуть меня на рее.— Крючком, проглоченным вместе с леской и грузилом. Приманкой тем более эффективной, что в полиэтиленовом мешке были пистолет и передатчик. Мы ведь нашли тот передатчик в вашем правом двигателе.— Он опять захохотал так, что каждую минуту можно было ожидать конвульсий.— Нам был известен каждый шаг, который вы сделали после того, как покинули Торбей. Как вам это нравится, мистер Секретный Агент?

— Мне это совсем не нравится. Что вы собираетесь с нами делать?

— Не будьте ребенком. Наивно было бы спрашивать, что бы вы сделали с нами. Боюсь, что вы сами все прекрасно знаете. Как вы нашли это место?

— Я не разговариваю с палачами.

— Я думаю, для начала мы прострелим адмиралу ногу,— просиял Лаворски.— Через минуту руку, а потом...

— Хорошо. На борту «Нантсвилла» у меня был передатчик.

— Это мы знаем. Как вы определили Даб-Стейр?

— Лодка оксфордской геологической экспедиции. Она стояла на двух якорях в маленькой естественной бухте неподалеку отсюда. Трудно было поверить, что она могла напороться на камни в том месте. Ее нарочно продырявили, я бы сказал, потому что она стояла близко к эллингу. Это было очень грубо сработано.

Лаворски посмотрел на Имри, тот кивнул.

— Он учтет это,— сказал Лаворски.— Что-нибудь еще, Калверт?

— Дональд Мак-Ичерн и Эйлен Орал. Вы должны были взять его, а не его жену. Сьюзан Кирксайд — вы не должны были позволять ей болтаться поблизости с такими кругами под глазами. Если здоровой девушке двадцати одного года уже больше не за кого переживать в этом мире — в чем тогда дело? И вы должны были убрать те следы от фюзеляжа «Вичкрафта», после того, как скинули его с обрыва. Я видел их с вертолета.

— Это все? — спросил Лаворски. Я кивнул, и он вновь посмотрел на Имри.

— Я верю ему,— сказал Имри.— Никто не проболтался. Это все, что нам нужно было знать. Калверта первого, мистер Лаворски? — Они спешили покончить с делами.— Два во-

проса,— быстро сказал я.— В виде любезности за два ответа. Я профессионал. И я бы хотел знать. Боюсь, что вы этого не поймете...

— И две минуты,— улыбнулся Лаворски.— Только быстро. Нам некогда.

— Где сэр Энтони Скурос? Он должен быть здесь.— Он здесь. Наверху, в замке с лордом Кирксайдом и лордом Черили. «Шангри-Ла» стоит на якоре с западной стороны острова.

— Правда ли, что это вы с Дольманом разработали весь план, что вы подкупили Черили и он выдал вам тайну страхования, что вы или Дольман поручили капитану Имри подобрать экипаж головорезов, и что вы ответственны за захват и потопление судов и хищение груза? А также за смерть — непосредственно или косвенно — нескольких человек?

— Сейчас поздно отрицать очевидные вещи.— Лаворски опять расхохотался.— Мне думается, проделано было неплохо, а, Джон?

— Разумеется, неплохо,— холодно сказал Дольман.— Мы тратим время.

Я повернулся к Шарлотте Скурос. Пистолет все еще был направлен на меня.

— Похоже, я должен быть убит,— сказал я.— Поскольку вы виноваты в моей смерти, вы и должны кончить дело.— Я подошел к ней, взял за руку и приставил пистолет к своей груди.— Пожалуйста, побыстрее.

Не было слышно ни единого звука, только мерно рокотал дизель «Файркреста». Каждая пара глаз в эллинге была направлена на нас — я стоял спиной к ним, но я знал, что это так. Именно этого я и добивался.

— Вы с ума сошли, Калверт? — крикнул дядюшка Артур, отступая внутрь рулевой рубки.— Она убьет вас! Она с ними!

Карие глаза смотрели беспомощно, это были глаза человека, который осознает, что его миру приходит конец. Палец соскользнул со спускового крючка, рука медленно разжалась, пистолет со стуком упал на палубу. Я взял ее за левую руку и сказал:

— Похоже, миссис Скурос не способна на это. Боюсь, что вам придется подыскать кого-нибудь еще...

Шарлотта Скурос вскрикнула от резкой боли — может быть, я втолкнул ее в рулевую рубку с излишней силой, но выбирать было некогда. Хатчинсон был наготове, он поймал ее, не дав упасть, и крепко удерживал. Я ринулся в ту же дверь, как нападающий национальной сборной по регби прорывается за линию, когда к нему тянется дюжина рук, и столкнулся с дядюшкой Артуром. Инстинкт самосохранения не оставил его. Уже в падении я дотянулся до мегафона, который был заранее приготовлен.

— Не стреляйте! — Усиленный мегафоном голос громыхнул, отражаясь от каменных и деревянных стен эллинга.— Один выстрел и вы будете убиты. На каждого из вас наведен автомат. Повернитесь, только очень медленно, и посмотрите назад.

Я осторожно выглянул в иллюминатор рулевой рубки, потом встал и вышел на палубу и поднял с нее автомат.

Поднять мой автомат это было самое неуклюжее, самое бесполезное действие из всех, что я предпринял за последнее время. Если что и грозило эллингу сейчас, так это избыток автоматического оружия. Их было двенадцать — двенадцать автоматов, которые держали двенадцать пар исключительно надежных рук. Двенадцать человек стояли полукругом — большие, спокойные, одетые в шерстяные береты, серо-черные маскировочные комбинезоны и ботинки на резиновой подошве. Их руки и лица были выкрашены угольно-черной краской. Сверкали белки глаз — как у актеров, играющих Отелло, только они никого не собирались душить, главный душитель уже успокоился на дне морском.

— Опустите руки и бросьте оружие.— Приказ исходил от человека в центре полукруга, ничем внешне не отличимого от остальных.— И пожалуйста, ведите себя смирно. Медленно опустите и бросьте пистолеты, не двигайтесь. Мои ребята приучены стрелять при малейшей попытке сопротивления. Их учили стрелять, а не выяснять, кто прав, кто виноват.

Они поверили ему. Я тоже ему поверил. Они бросили свои пистолеты, не раздумывая, и стояли очень тихо.

— Теперь заложите руки за шею.

Они сделали это. Лаворски больше не улыбался.

— Мистер Калверт? — спросил командир.

— Я.

— Капитан Роули, сэр. Королевская морская пехота.

— Как замок, капитан?

В наших руках.

— «Шангри-Ла»?

— Тоже.

— Заключенные?

— Двое поднимаются туда, сэр. Сержант Эванс, разместите этих в два ряда у стены; один ряд сидя, другой стоя.

Сержант Эванс выполнил приказ. Теперь, не опасаясь, того, что мы можем попасть под перекрестный огонь, мы сошли на берег и я представил капитана Роули дядюшке Артуру, перечислив все звания и регалии. Надо было видеть, как лихо козырял капитан Роули. Дядюшка Артур сиял. Дядюшка Артур командовал парадом.

— Великолепно исполнено, мой мальчик! — сказал он Роули.— Великолепно. В наградном листе будет коечто и о вас. А, появились еще наши друзья.

Это были не совсем наши друзья. Четверо грубых и весьма удрученных парней, который я видел впервые,— несомненно это были люди капитана Имри. За ними следом шли сэр Энтони и лорд Черили. Потом шли четверо десантников капитана Роули. А за ними лорд Кирксайд и его дочь. Трудно сказать, о чём думали десантники с угольно-черными лицами, но у остальных восьмерых на лицах было одинаковое выражение горестного недоумения.

— Мой дорогой Кирксайд. Мой добрый друг! — дядюшка Артур бросился вперед, он тряс лорда за руку. Я и забыл, что они знакомы.— Рад видеть вас живым и невредимым, мой друг. Несказанно рад. Теперь уже все позади.

— Что происходит, скажите ради бога? — спросил лорд Кирксайд.— Вы схватили их? Схватили всех? А где мой мальчик? Где Роллинсон?

Раздался хлопок взрыва, приглушенный расстоянием. Дядюшка Артур посмотрел на Роули, тот кивнул:

— Пластиковая взрывчатка, сэр.

— Замечательно, замечательно,— просиял дядюшка Артур.— Еще минута и вы увидите их, Кирксайд.— Он подошел к старине Скуросу, который стоял лицом к стене, заложил руки за голову.

— Вам не подобает стоять здесь, Тони, мой мальчик.— Это был миг величайшего торжества дядюшки Артура. Он взял Скуроса за руку и отвел к лорду Кирксайду.

— Зачем вы сделали это? — спросил Скурос горестно.— Зачем? Господи, вы не знаете, что вы наделали!

— Вы имеете в виду миссис Скурос? Настоящую миссис Скурос? — Бездарный он все-таки актер, дядюшка Артур.— Он оттянул рукав и стал рассматривать циферблат часов.— Она прилетела в Лондон из Ниццы как раз три часа назад. Ее поместили в лондонскую клинику.

— Что вы говорите, объясните, ради бога! Моя жена...

— Ваша жена в Лондоне. А Шарлотта — это Шарлотта Майнер, только и всего...

Я посмотрел на Шарлотту. Полное непонимание сменилось проблеском догадки.

— Я радировал во Францию.— продолжал дядюшка Артур. — Полиция на Ривьере вскрыла могилу возле психолечебницы, где ваша жена якобы и умерла. Они вскрыли гроб и обнаружили, что он набит опилками. Вы знали это, Тони.

Старина Скурос кивнул.

— Примерно полчаса потребовалось, чтобы найти того, кто подписал свидетельство о смерти. Они предъявили ему обвинение в убийстве — во Франции это возможно, если тело не найдено. Доктору не понадобилось много времени, чтобы указать частную психолечебницу, где содержалась миссис Скурос. Ее хозяйка теперь под арестом. Почему, ради бога, вы не обратились к нам?

— У них в руках была Шарлотта... она кузина моей жены. Они сказали, что убьют мою жену. Что бы вы сделали на моем месте?

— Бог его знает,— откровенно сказал дядюшка Артур.— Во всяком случае, сейчас она в добром здравии. С ней все в порядке. Калверт получил подтверждение по радио в пять ча-

сов.— Дядюшка Артур резко дал право руля.— По передатчику Лаворски в замке.

И Скурос и лорд Кирксайд открыли рот от изумления. Лаворски и Дольман были ошеломлены. Глаза Шарлотты раскрылись от удивления шире, чем обычно.

— Это правда,— сказала Сьюзан Кирксайд.— Я была с ним. Он велел мне никому не рассказывать.— Она подошла ко мне, взяла за руку и улыбнулась.— Я снова прошу у вас прощения за то, что наговорила вам прошлой ночью. Я думаю, вы самый замечательный человек, какого я знаю. Кроме Ролли, конечно.

Она обернулась на звук шагов и мгновенно забыла обо всем, в том числе и о втором замечательном человеке, которого она знала.

— Ролли! — закричала она.— Ролли! — И я увидел наконец ее несравненного Ролли, который спускался, держась за стену.

Там были все: сын Кирксайда, преподобный Ролли, сыновья сержанта полиции, пропавшие члены экипажей маленьких судов. И позади всех маленькая смуглолицая старушка в длинном черном платье с черным платком на голове. Я вышел вперед и взял ее за руку.

— Миссис Мак-Ичерн,— сказал я.— Скоро я отвезу вас домой. Ваш муж ждет.

— Спасибо тебе сынок,— тепло сказала она.— Это было бы неплохо.— Она взяла меня под руку, как старого знакомого. Шарлотта Скурос, на которую все это время никто не обращал внимание, подошла ко мне.

— Вы знали про меня? Вы все время знали про меня?

— У меня хорошее зрение,— сказал я.— У сэра Артура не очень — его глаза пострадали на войне. А я близко рассмотрел следы бича на вашей спине. Настоящие следы. Такие же настоящие, как следы от обезболивающих уколов, которые они вам сделали предварительно... Шарлотта, я провел пальцем по одному из следов. Вы должны были подпрыгнуть до потолка от боли. А вы даже бровью не повели. И это после пребывания в соленой воде... После этого я понял все. И дальше я уже знал, как вести себя. Вы сказали, что вы ничего не могли сообщить вашим друзьям, вы улеглись спать прямо на полу, потому что я подбросил снотворное в ваш кофе. Я не мог позволить вам связаться с вашими друзьями, потому что они организовали бы мне теплую встречу.

— Вы... вы были в моей каюте? Вы сказали, что я лежала на полу...

—Дон Жуан мальчишка по сравнению со мной. Я порхаю из одной спальни в другую. Спросите Сью Кирксайд. Вы спали на полу. Я положил вас на кровать. И заодно осмотрел ваши руки. Следов от веревок не было. Они стягивали вам руки эластичным бинтом перед тем, как появились мы с Ханслеттом?

Она кивнула.

— И разумеется, я нашел также передатчик и пистолет. После возвращения в Крэйгмор вы пришли и выкачали из меня еще некоторую информацию. И я дал вам информацию. Это была не совсем правда, признаю, но это было именно то, что я хотел передать Лаворски и компании через такую хорошую послушную девочку, как вы. Вы опять шмыгнули в маленькую чистую спаленку...

Старина Скурос прочистил горло.

— На борту «Шангри-Ла» осталось несколько их людей,— сказал он.— Они уйдут...

— С ними все в порядке,— ответил я.— Они уже в наручниках... или в чем-нибудь еще, что предпочитают люди капитана Роули.

— Но как ваши люди... как они нашли «Шангри-Ла»? В темноте, в тумане, это невозможно...

— Как работает катер «Шангри-Ла»? — спросил я.

— Что? Мой катер... Что за дьявол...— Он успокоился.— Катер не работает. Мотор не в порядке.

— Это все сахар,— ухмыльнулся я.— Я проделал это в среду ночью, сразу после того, как мы с сэром Артуром покинули вас. Забрался на борт катера с парой фунтов сахарного песку. Боюсь, что ваши клапана прогорели. А заодно я прихватил с собой крохотный транзисторный передатчик и установил его в укромном месте, так что когда вы подняли испорченный катер на борт «Шангри-Ла» — я всегда мог узнать, где находится «Шангри-Ла».

— Боюсь, я не совсем вас понимаю, Калверт.

— Взгляните на господ Дольмана, Лаворски и Имри. Они все прекрасно поняли. Я знал частоту, на какой работает передатчик и сообщил ее одному из шкиперов мистера Хатчинсона. На шхунах мистера Хатчинсона установлена рамочная антенна для направленного приема. Шкипер поворачивал антенну так, чтобы сигнал был максимальным. Он не мог упустить «Шангри-Ла». И он не упустил.

— Шкипер мистера Хатчинсона? — повторил Скурос удивленно.— Рыболовецкие шхуны, вы сказали?

— У мистера Харчинсона две шхуны для ловли акул. До того, как я попал в Даб-Стейр прошлой ночью, я радировал с одной шхуны и попросил помощи — у джентльменов, которых вы видите здесь. Они сказали, что не могут послать вертолет или корабль в такую погоду, в условиях нулевой видимости. Я сказал им, что меньше всего меня интересует их чертов вертолет, от которого один только шум, мне важнее всего скрытность, и пусть они не беспокоятся о морском транспорте, я знаю людей, для которых слова «нулевая видимость» — не более, чем шутка. Это шкиперы мистера Хатчинсона. Они пошли на материк и взяли на борт капитана Рейли с его людьми, и вернулись обратно. Я не рассчитывал, что они вернутся до ночи, поэтому мы с сэром Артуром и дожидались полуночи. Когда вы были здесь, капитан Рейли?

— В девять тридцать.

— Так рано? Должен признаться, что без радио работать неудобно...

Лорд Кирксайд тоже вступил в разговор:

— Скажите мне, мистер Калверт, если вы радировали со шхуны мистера Хатчинсона, зачем вам понадобился передатчик в замке в ту ночь?

— Затем, чтобы и ваши близкие не были убиты в эту ночь. Я потратил пятнадцать минут на то, чтобы во всех подробностях описать замок и в особенности эллинг. Ведь капитану и его людям предстояло действовать в полной темноте.

Шарлотта сказала медленно:

— Так вот зачем сэр Артур остался в Крэйгморе, когда вы и мистер Хатчинсон отправились искать «Нантсвилл». Следить, чтобы я не встретилась с этими солдатами и не догадалась, что вы на самом деле задумали?

— Зачем же еще?

— Я думаю, что вы самый хитрый и отвратительный и ненадежный человек в мире.— Глаза ее были мокры от слез. Она положила руку мне на плечо и сказала низким грудным голосом: — Ты просто осел, осел, вот кто ты! Пистолет мог выстрелить. Я... я могла убить тебя, Филип!

Я сжал ее руку и сказал:

— Ты сама не веришь тому, что говоришь.

Про себя же я решил никогда в жизни не объяснять ей, что если бы ее пистолет выстрелил, я бы навсегда утратил веру в полезные свойства трехгранного напильника.

Серый туман медленно расходился над черной гладью моря, когда Тим Хатчинсон повел «Файркрест» в сторону острова Эйлен-Оран. Нас было четверо на борту. Хатчинсон, я, миссис Мак-Ичерн и Шарлотта. Я говорил Шарлотте, что для нее найдется место в замке лорда Кирксайда, но она не захотела меня слушать, помогла миссис Мак-Ичерн подняться на «Файркрест» и стояла неподвижно на палубе с той минуты, как мы подняли якорь. Она была погружена в глубокое раздумье, и это наводило меня на размышления о трудностях, которые ждут нас впереди.

Дядюшки Артура не было с нами. Дядюшка Артур вкушал райское блаженство, сидя у камина в курительной комнате замка Даб-Стейр, потягивая виски лорда Кирксайда и описывая свои подвиги затаившей дыхание аристократии. Если мне повезет, он, возможно, и назовет мое имя пару раз, чтобы придать больший размах своему эпосу. С другой стороны, может и не назвать.

Миссис Мак-Ичерн не заботилась о райском блаженстве, оно и так было при ней всегда, и эта бодрая подвижная старушка улыбалась и улыбалась, и улыбалась всю дорогу до самого острова Эйлен-Оран. Надеюсь, старый Доиальд Мак-Ичерн догадается сменить рубашку к ее возвращению.

Художник **Б. М. МИХАЙЛОВ**

Обложка художника **В. Я. СИДНИНА**

Алистер МАКЛИН

КОГДА ПРОБЬЕТ ВОСЕМЬ СКЛЯНОК...

Редактор **Н. И. Новиков**

Художественный редактор **Т. А. Маслова**

Сдано в набор 27.09.90. Подписано в печать 27.11.90
Формат 84×108 1/16 Школьная гарнитура. Глубокая печать.
Объем 4,0 п. л. Усл. п. л. 6,72 Усл. кр.-отт. 6,0 Уч.-изд. л. 12,89
Тираж 200 000 экз. Заказ № 2013. Цена 4 р. 50 к.

Издание журнала «Морской флот»
101412, Москва, Рахмановский пер., 4

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов, Московской обл.

4 р. 50 к.